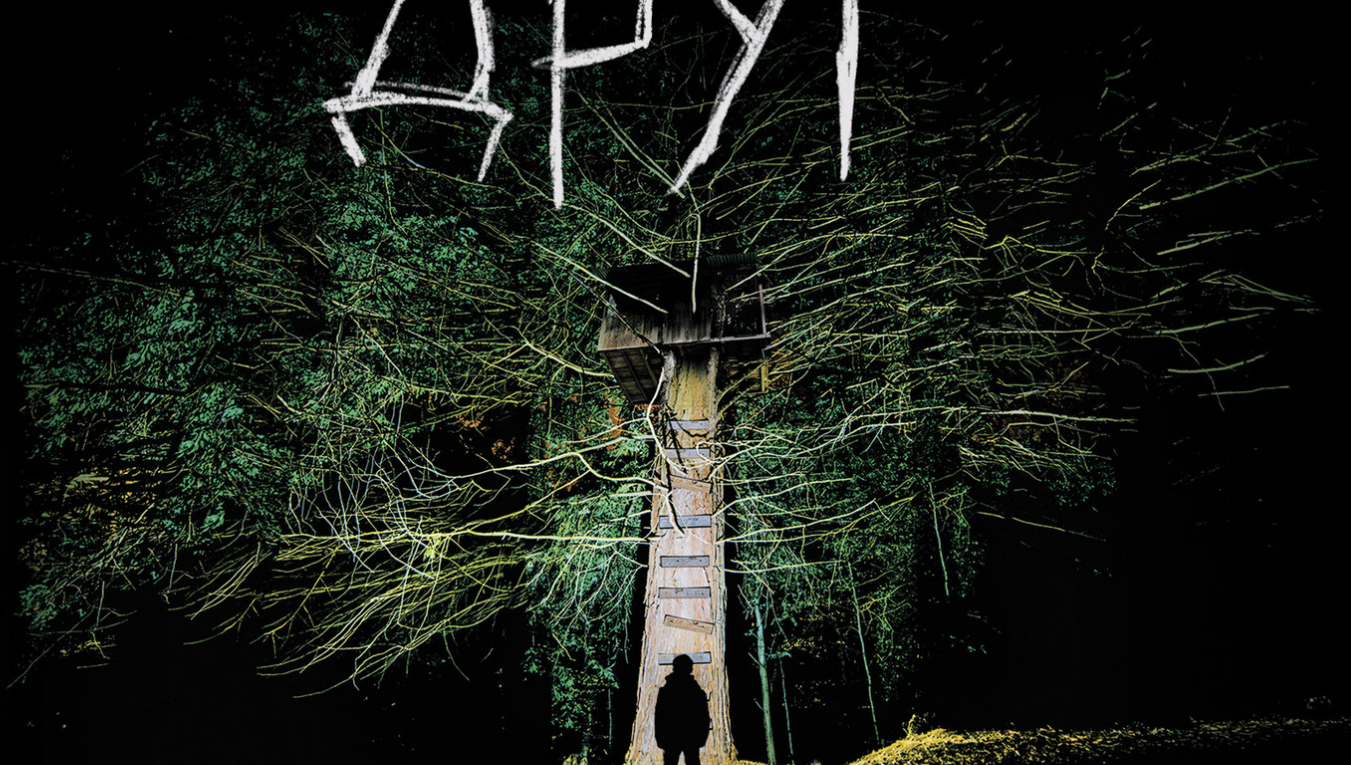

КНИГА, КОТОРУЮ ЖДАЛИ 20 ЛЕТ!

ВООБРАЖАЕМЫЙ ДРУГ

СТИВЕН ЧБОСКИ

ОТ СОЗДАТЕЛЯ «ХОРОШО БЫТЬ ТИХОНЕЙ»

Стивен Чбоски
Воображаемый друг

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Чбоски С.

Воображаемый друг / С. Чбоски — «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-105032-0

В новом городе, в новой школе Кристофер не одинок: он слышит голос друга. Славный человек увлекает его за собой в Лес Миссии, где в преддверии Рождества мальчику предстоит построить домик на дереве и открыть вход в воображаемый мир. Кто же он — человек или монстр? Бог или дьявол? «Воображаемый друг» — долгожданный роман от создателя мирового бестселлера «Хорошо быть тихоней».

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-105032-0

© Чбоски С., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Благодарности	6
Часть I. В наши дни	10
Глава 1	10
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	28
Часть II. Мечты сбываются	32
Глава 7	32
Глава 8	36
Глава 9	38
Глава 10	43
Глава 11	45
Глава 12	49
Глава 14	51
Глава 15	56
Глава 16	58
Глава 17	62
Глава 18	65
Глава 19	68
Часть III. Лучшие друзья навек	71
Глава 20	71
Глава 21	74
Глава 22	78
Глава 23	84
Глава 24	87
Глава 25	93
Глава 26	96
Глава 27	99
Глава 28	101
Глава 29	106
Глава 30	111
Глава 31	116
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Стивен Чбоски Воображаемый друг

Stephen Chbosky
IMAGINARY FRIEND

© Петрова Е. С., перевод на русский язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Посвящается Лиз и матерям повсюду

Благодарности

По поводу всех, кто перечислен ниже, могу только сказать, что без них не было бы этой книги. Вот те люди, которым я сердечно благодарен:

Лиз, Мэкси и Тео Чбоски
Уэс Миллер
Карен Коштолник
Бен Севьер
Эмад Ахтар
Лурия Риттенберг
Лора Джорстад
Лора Черкас
Эрик Смирнофф
Джефф Горин
Лора Боннер
Келси Николь Скотт
Ава Деллейра
Рэнди Луденски
Джилл Блотвогел
Робби Томпсон
Стейси, Джон и Дрю Даудл
Фред и Леа Чбоски

И наконец...

Эмма Уотсон – ею навеян финал, еще в пору съемок фильма «Хорошо быть тихоней», а также *Стивен Кинг* – им навеяно все остальное.

50 лет назад...

Не сходи с асфальта. Они тебя не тронут, если не сойдешь с асфальта.

Мальш Дэвид Олсон понимал, что ему влетит. Как только мать с отцом вернулись, стало ясно, что дело плохо. Одна надежда была на подушку, которую он запихнул под одеяло – вроде как сам в кровати лежит. По телику такое видел. Ну не важно. Короче, выскользнул он из своей комнаты, спустился по ветке плюща, неловко приземлился и ушиб ногу. Но не сильно. Не так, как старший брат на тренировке по футболу. Терпимо еще.

Заковылял по Хейз-роуд. В лицо дышала сырость. Вниз по склону полз туман. Мальш Дэвид Олсон задрал голову: в небе висела луна. Полная луна. Вторую ночь подряд – полнолуние. Это называется «голубая луна». Ему старший брат объяснил. Есть такая песня, под которую иногда танцевали мама с папой. Когда еще жили счастливо. Пока Дэвид их не напугал.

Голубая луна,
Ты стояла одна...¹

¹ «Голубая луна. Ты стояла одна...» – Классическая поп-баллада «Голубая луна» (Blue moon) написана в 1934 г. американским композитором Ричардом Роджерсом на слова Лоренца Харта. В разные годы песня звучала в исполнении Элвиса Пресли, Билли Холлидей, Фрэнка Синатры, Боба Дилана и др.

В кустах послышался шорох. На мгновение малыш Дэвид Олсон подумал, что это, наверно, все тот же сон. Но нет. Понятное дело – нет. Он ведь изо всех сил боролся со сном. Хотя голова раскалывалась от боли. Ему во что бы то ни стало требовалось добраться до места именно сегодня вечером.

Его нагонял старый «Форд Мустанг», рассекая туман светом фар и грохотом рок-н-ролла; малыш Дэвид Олсон спрятался за столбик с почтовым ящиком. В автомобиле ржали двое парней. Во время призыва парни сплошь и рядом садятся за руль пьяными. По крайней мере, так отец говорил.

– Дэвид? – шепнул незнакомый голос. Ш-ш-шепнул. Ш-ш-ш.

Кто же его окликнул? Или померещилось?

– Эй, кто тут? – спросил Дэвид.

Молчание.

Не иначе как в голове зашумело. Это еще куда ни шло. А ведь могла оказаться шептунья. Не заснул на ходу – и на том спасибо.

Или заснул?

Дэвид посмотрел с горки вниз: у поворота на Монтерей-драйв светил здоровенный уличный фонарь. И мимо как раз проезжали те парни, увозя с собой все звуки. Тут Дэвид заметил чью-то тень. В лужице света остановился пешеход. Ждал и насвистывал. Насвистывал и ждал. А мотив звучал почти как

«Голубая луна».

У Дэвида на затылке волосы встали дыбом.

На углу тебе делать нечего.

Держись подальше от этого типа.

Чтобы сократить путь, малыш Дэвид Олсон пробирался задворками.

На цыпочках подошел к старой изгороди. *Смотри, чтобы тебя не услышали. И не увидели. Ты сошел с асфальта. Это опасно.* Подняв голову, он заглянул в окно, где молоденькая нянька обнималась со своим дружком – будто не слышала, как ребенок заходится плачем. Вот только плач смахивал на мяуканье. Дэвид по-прежнему был уверен, что это не сон, но поделиться ни с кем не мог – с каждым шагом такая возможность таяла. Он прополз под изгородью; пижамные штаны облепила мокрая трава. Ясное дело, от мамы этого не скроешь. Придется самому простирнуть. Ну да ладно, ему не привыкать – в последнее время он снова начал по ночам писаться в кровати. И каждое утро застирывал простыню. Не мог он допустить, чтобы мама узнала. Она станет вопросы задавать. А он и ответить не сумеет.

Вслух – точно не сумеет.

Он двинулся дальше, через рощицу за домом семейства Марука. Мимо качелей, которые смастерил мистер Марука с сыновьями. После трудового дня каждого из мальчишек всегда ожидало два кругляша печенья «Орео» и стакан молока. Малыш Дэвид Олсон пару раз приходил им помогать. Какое объеденье это «Орео». Особенно когда в молоко макаешь.

– Дэвид?

Шепот сделался громче. Дэвид оглянулся. Никого. Вгляделся туда, где заканчивались строения, – в темноту, рассеченную фонарем. Человечья тень исчезла. Да и самого пешехода след простыл. А вдруг он тут, за спиной? *Ох, только бы не эта шептунья. Только бы не провалиться в сон.*

Хрясь.

Сзади треснула сухая ветка. Забыв об ушибленной ноге, Дэвид бросился наутек. Через лужайку Прузансов – на Кармелл-драйв, оттуда налево. За спиной хрипели псы. Подбирались все ближе. Но никаких псов не было. Одни звуки. Как сны. Как плач младенца-котенка. Погоня не прекращалась. Он прибавил ходу. Башмаки шлепали по мокрому тротуару. Шмяк-шмяк-шмяк – ни дать ни взять мокрые старушечьи поцелуи.

Добравшись наконец-то до Монтерей-драйв, он свернул направо. И двинулся по самой середине дороги. Как плот по реке. *Не сходи с асфальта. Тебя не тронут, если не свернешь с асфальта.* С обеих сторон доносились шумы. Тихое шипенье. И собачий хрип. И чавканье. И котята. И эти шепотки.

– Дэвид... Сверни с асфальта. Тебя машина собьет. Иди по травке, там безопасно.

Это был голос шептуньи. Дэвид его узнал. Поначалу голос у нее всегда приятный. Как у старательной учительницы, присланной на замену. А взглядишься – от приятности не останется и следа. Одни зубы да шипящая пасть. Жуткая, как злая ведьма. Страшней не бывает. То на четырех ногах, будто собака. То с длинной, как у жирафы, шеей. Х-с-с-с.

– Дэвид... Мама поранила ноги. Ступни в кровь изрезаны. Иди-ка сюда, помоги мне.

Шептунья заговорила маминым голосом. Так нечестно. А ей хоть бы хны. Она даже умела напускать на себя мамин вид. Один раз это подействовало. И Дэвид свернул с асфальта. А там, на траве, она с легкостью его заграбастала. После этого он двое суток маялся без сна. Она утащила его в дом с подвалом. И с печью.

– Помоги маме, негодник.

Это уже было сказано голосом бабушки. Но не самой бабушкой. Дэвид кожей чувствовал белые зубы шептуньи. *На зубы не смотри. Смотри вперед. Беги. Прячься в тупике. Ты сможешь сделать так, чтобы она исчезла навсегда. Доберись до последнего фонаря.*

– Х-с-ссссс.

Дэвид Олсон посмотрел вперед – туда, где в тупике горел последний фонарь. И прирос к месту.

Человек-тень вернулся. Стоял себе в лужице света. Ждал и насвистывал. Насвистывал и ждал. Сон, не сон – дело принимало скверный оборот. Но останавливаться было поздно. Дэвид сам принял решение. Чтобы добраться до места встречи, ему предстояло пройти мимо этого субъекта, прилипшего к фонарному столбу.

– Шшш-и-и-исссссс.

Шептунья приближалась. Сзади. Дэвиду Олсону вдруг стало холодно. Пижама отсырела. Даже под пальтишком. Идти вперед. Больше ничего не оставалось. Быть храбрым, как старший брат. Быть храбрым, как те парни-призывники. Быть храбрым и двигаться только вперед. Один шагок. Второй.

– Эй? – окликнул малыш Дэвид Олсон.

Фигура не ответила. Фигура не шелохнулась. Просто делала вдох-выдох, а из этого дыхания получались Облака.

– Эй? Ты кто? – спросил Дэвид.

Тишина. Мир задержал дыхание. Один башмачок малыша Дэвида Олсона коснулся светового круга. Фигура заерзала.

– Извините, мне пройти надо. Можно?

И опять тишина. Дэвид продвинул ступню чуть дальше. Незнакомец начал оборачиваться. Дэвиду подумалось: не вернуться ли домой? Но сперва требовалось закончить дело. Иначе шептунью не остановишь. Теперь его ступня целиком оказалась в лужице света. Фигура опять заворочалась. Как просыпающийся истукан. Вслед за ступней – вся нога. Истукан поворачивался. Не выдержав, Дэвид шагнул на свет. Фигура бросилась к нему. Стонала. Тянула руку. Дэвид перебежал через световой круг. Фигура неслась позади. Чмокала. Вопила. Длинные ногти уже касались спины, пальцы так и норовили вцепиться ему в волосы, и тут Дэвид по-бейсбольному скользнул на твердое дорожное покрытие. Порвал штаны на коленке, но об этом думать не приходилось. Главное – он выбежал за пределы светового пятна. Фигура замерла. Дэвид был уже в конце улицы. Где тупик с бревенчатым домиком, куда вселилась парочка молодоженов.

Малыш Дэвид Олсон старался не терять из виду обочину. Ночь выдалась безмолвной. Лишь где-то поблизости стрекотал сверчок. Ведущая к деревьям тропинка белела от небольшого клочка тумана. Дэвида охватил ужас, но останавливаться было поздно. Это ведь его решение. Нужно довести дело до конца, а иначе на шептунью не будет управы. И первым погибнет его брат.

Сойдя с проезжей части, малыш Дэвид Олсон зашагал дальше. Вдоль забора.

Через луг.

И в Лес Миссии.

Часть I. В наши дни

Глава 1

Это мне снится?

Так подумал мальчуган, проснувшись от толчка, когда старенький «Форд» – универсал наехал на «лежачего полицейского». У мальчика было такое ощущение, будто до этого он преспокойно лежал в своей кровати и вдруг захотел по-маленькому. Щурясь от солнечного света, он вглядывался в платную дорогу на Огайо. Августовская жара накатывала волнами, как вода в бассейне, куда его однажды свозила мама, сэкономив на обедах. «Полтора кило сбросила», – хвалилась она и подмигивала. Счастливый тогда выдался денек.

Он потер усталые глаза и распрямил спину. Когда за рулем была мама, он обожал ездить на переднем сиденье. Машина превращалась в привилегированный клуб. Особый клуб, где состояли только он сам и эта стройная красавица, освещенная лучами восходящего солнца. Глаз не оторвать. Кожа ее прилипала к нагретой виниловой спинке сиденья. Топ с бретелькой через шею открывал сгоревшие на солнце плечи. А под бахромой обрезанных шортвов кожа оставалась белой. С сигаретой в руке мама выглядела просто шикарно. Как кинозвезды в фильмах, которые они вместе смотрели по пятницам. Ему нравилось, когда на сигаретном фильтре атели следы яркой помады. Учителя в Денвере твердили, что курение – вредная привычка. Когда он передал это маме, она только отшутилась, не выпуская из пальцев сигарету: мол, сами они вредные, училки эти.

– На самом деле учитель – очень важная профессия, так что забудь сейчас же мои слова, – спохватилась она.

– Ладно, – ответил он.

У него на глазах мама потушила сигарету и тут же закурила следующую. Так она поступала только в тревоге. А когда они переезжали на новое место, она всегда тревожилась. Ну, может, на этот раз все срастется. После папиной смерти она частенько так говорила. На этот раз все срастется. Но почему-то никак не срасталось.

А теперь им и вовсе пришлось спасаться бегством.

Сигаретный дым завитками плыл вверх мимо капель августовского пота над маминой верхней губой. В глубоком раздумье мама уставилась на дорогу поверх руля. И только через минуту, не раньше, сообразила, что он проснулся. Тогда она заулыбалась.

– Утро-то какое, а? – шепнула мама.

Мальчик терпеть не мог утренние часы. А мама обожала. Поэтому он тоже полюбовался.

– Ага, мам. Отличное.

Теперь он всегда говорил ей «мама» или «мам». Три года назад она запретила ему называть ее «мамулей». Сказала, что так говорят только младенцы, а ей совершенно не хочется, чтобы ее сын застрял в младенцах. Иногда она просила его показать бицепсы. И он напрягал тощие ручонки, чтобы хоть чуть-чуть проступили мускулы. Силен, как папа на той рождественской фотке. На единственной сохранившейся.

– Есть хочешь, солнце? – спросила мама, и он кивнул. – Сейчас проедем платный участок и прямо за границей штата сделаем остановку. Точно помню: там есть закусочная.

– А блинчики с шоколадной крошкой можно заказать?

Блинчики с шоколадной крошкой полюбились Кристоферу еще в Портленде. Два года назад. Под их городской квартирой находилась какая-то забегаловка. И повар всегда угощал их блинчиками с шоколадной крошкой. Потом были Денвер и Мичиган. Но в память врезались

те самые блинчики и добрый повар, который их выпекал. В ту пору Кристофер² и подумать не мог, что дядьки – папа, конечно, не в счет – бывают добрыми.

– Если таких блинчиков нам не подадут, закажем простые, а для посыпки купим пачку «Эм-энд-Эмс». Договорились?

Мальчик забеспокоился. Никогда еще мама ничего подобного не предлагала. Даже при переездах. Когда им приходилось перебираться на новое место, мама всегда чувствовала себя виноватой. Но и в самые виноватые дни она твердила, что шоколад на завтрак не едят. И стояла на своем, хотя сама на завтрак пила шоколадный коктейль «СлимФаст», для снижения веса. Нет-нет, эти коктейли шоколадом не считаются. Сколько можно повторять?

– Договорились, – улыбнулся он и понадеялся, что это не одноразовая поблажка.

На подъезде к шлагбауму мальчик выглянул в окно. Движение транспорта замедлилось: на дороге стояли скорая помощь и легковушка. Врач скорой помощи бинтовал окровавленную голову какого-то мужчины. Тот, судя по всему, разбил лоб и лишился пары зубов. Проехав чуть дальше, Кристофер с мамой увидели, что на капоте легковушки лежит олень. Один рог пробил ветровое стекло и застрял. Оленьи глаза были широко распахнуты. А сам олень вырывался и дергался, словно еще не понял, что умирает.

– Не смотри, – велела мама.

– Не буду, – сказал он и отвел глаза.

Мама не разрешала ему смотреть на плохое. Он за свою жизнь насмотрелся на плохое сполна. В особенности после папиной смерти. Мальчик, стало быть, отвел глаза и начал изучать в зеркале мамины волосы, выбившиеся из-под косынки. Мама, правда, называла ее банданой, но мальчику больше нравилось «косынка» – такие он видел в старых фильмах, которые они смотрели по пятницам. Он разглядывал в зеркале мамины волосы, а заодно и свои собственные, каштановые, как у папы на единственной фотографии, сделанной под Рождество. Папу он помнил смутно. Даже голос его забыл. Припоминал разве что пропахшую табаком рубашку, да запах крема для бритья «Ноксзема». Вот и все. И ничего про папу не знал, но предполагал, что тот был великаном, как все отцы. Великаны.

– Мам? – позвал мальчик. – Все в порядке?

Она изобразила веселую улыбку. А на лице застыл страх. Все тот же, что и восемь часов назад, когда она разбудила его среди ночи и велела собираться.

– Быстрее, – шепнула она.

Мальчик послушался. Все свое имущество побросал в спальный мешок. На цыпочках вышел в гостиную и увидел Джерри, который отключился на диване. Внезапно Джерри потерял глаза. На пальцах синели наколки. Он почти проснулся. Но нет. И пока Джерри не очухался, они с мамой добежали до машины. Там была припрятана заначка. Все остальное отобрал Джерри. Под покровом темноты они уехали. Целый час мама больше смотрела в зеркало заднего вида, чем на дорогу.

– Мам? А он нас не найдет? – спросил мальчик.

– Нет. – Она закурила очередную сигарету.

² Кристофер – имя Кристофер (Христофор), которое буквально означает «носящий Христа», отсылает к святому мученику, почитаемому католической и православной церквями. Одна из легенд гласит, что Христофор был римлянином огромного роста, изначально носившим имя Репрев. Он принял христианство и отыскал святого отшельника, чтобы спросить, как он может послужить Христу. Отшельник отвел его к опасному броду через реку и сказал, что большой его рост и сила позволяют ему переносить людей через реку на спине. Однажды маленький мальчик попросил перенести его через реку. Посреди реки он стал настолько тяжел, что Христофор испугался, как бы они оба не утонули. Мальчик сказал ему, что он – Христос и несет с собой все тяготы мира. Затем Иисус крестил Репрева в реке, и тот получил свое новое имя – Христофор, «несущий Христа». Затем Младенец сказал Христофору, что тот может воткнуть в землю ветку, которая чудесным образом вырастет в плодоносное дерево. Это чудо свершилось, и обратило в веру многих. Разгневанный этим местный правитель заточил Христофора в тюрьму, где после долгих страданий тот обрел мученическую кончину. Из всеобщего католического календаря день памяти святого Христофора был удален Ватиканом в 1969 году. Тем не менее, Христофор остается популярным среди католиков: он особенно любим моряками, паромщиками, перевозчиками и путешественниками.

Мальчик поднял глаза на мать. В утреннем свете до него наконец-то дошло, что щека у нее красная не от румян. И на него снова нахлынуло знакомое предчувствие. Он повторил его одними губами.

Все у тебя получится.

Так звучало его обещание. Глядя на маму, он думал: «*Я не дам тебя в обиду*». Когда он был еще совсем мелким и никчемным, такое обещание ничего не стоило. Но теперь-то он повзрослел. И руки у него не всегда будут тощими и хилыми. Он начнет отжиматься. Ради нее накачает мускулы. Он станет ее защитником. Вместо папы.

Все у тебя получится.

Защищай маму.

Ты – мужчина в доме.

За окном проплывал старый придорожный щит в форме краеугольного камня. Выцветшая надпись гласила: «в пенсильвании у тебя есть друг». Наверное, мать была права. На этот раз, быть может, все срастется. Для них это уже третий штат за последние два года. Быть может, все сложится хорошо. Но в любом случае он не подкачает.

Кристоферу было семь с половиной лет.

Глава 2

Еще и недели не прошло после их переезда в Пенсильванию, как это случилось.

Мать Кристофера объяснила, почему ее выбор пал на Милл-Гроув: здесь, в этом уютном, спокойном городке имела прекрасная начальная школа. Но Кристоферу невольно подумалось, что маму скорее привлекло местоположение: городок был словно отрезан от мира. Всего одна дорога на въезд. И одна – на выезд. Кругом леса. Знакомых – никого. А раз их тут никто не знает, то и Джерри до них не доберется.

Милл-Гроув – надежное убежище.

Теперь маме оставалось только найти работу. На глазах у Кристофера по утрам она прихорашивалась: мазала губы, шикарно зачесывала волосы. Сейчас он смотрел, как мама надевает стильные, интеллигентные очки и сокрушается насчет дыры под мышкой, с правой стороны. Единственный пригодный для собеседования блейзер лопнул не по шву, а по ткани, под проймой. Нужно было хотя бы прихватить края дыры булавкой.

Кристофер доедал разноцветные кукурузные колечки «Фрут-лупс»³ – свой любимый завтрак; первым делом они с мамой собирались заехать в городскую библиотеку, чтобы взять для него «книжку дня»: он будет читать, а мама тем временем – просматривать газетные объявления о найме на работу. Книжкой дня он расплачивался за «Фрут-лупс». Прочел книжку, вызубрил словарные слова – будет тебе «Фрут-лупс». Поленился – будет тебе овсянка (или еще того хуже). Так что в твоих интересах проштудировать эту книгу, солнце.

Мама брала на заметку несколько обнадеживающих вариантов, после чего они вновь садились в машину и разъезжали по собеседованиям. Кристоферу говорилось, что им лучше покататься вместе – получится как бы приключение. Для двоих. Мама объясняла, что старенький «Форд» – это сухопутная акула, которая наведет их на жирную добычу. На самом-то деле у них просто не было денег, чтобы вызвать няню, но Кристофер не переживал: с мамой все равно лучше.

Так что поехали они на сухопутную рыбалку, а по дороге мама проверяла, как он выучил столицы штатов. И как справляется с решением примеров. И как усвоил словарные слова.

– В Милл-Гроув отличная начальная школа. Компьютеры, все дела. Во втором классе тебе понравится.

Везде, куда заносила их жизнь, мать Кристофера выискивала хорошие общеобразовательные школы, как другие мамы выискивают дешевую газировку (которая в Милл-Гроув почему-то называлась «поп»). А в этот раз сказала, что школа будет прямо-таки самая лучшая. Мотель находился в микрорайоне «самой лучшей школы». Мама обещала каждый день, пока они не разживутся деньгами на квартиру, подвозить Кристофера на уроки, чтобы ребята не дразнили его «бомжом». Говорила, что сама не получила образования, так пусть хотя бы он выучится. Ничего, что сейчас учеба дается ему с трудом. Во втором классе с математикой будет полегче. Все его старания окупятся, да и буквы переставлять при чтении он больше не будет. Кристофер улыбался и верил ее словам, потому что мама верила в него.

Перед каждым собеседованием она углублялась в раздумья и повторяла заповеди, вычитанные в руководствах по саморазвитию: надеялась поверить еще и в себя.

«Здесь готовы тебя полюбить».

«Годится тебе такая работа или нет – будешь решать ты сама. А не они».

Когда мама в конце концов набиралась храбрости, они вместе заходили в здание. Кристофер оставался ждать в приемной и по маминой указке читал книгу, но буквы скакали с

³ ...кукурузные колечки «Фрут-лупс». – Популярный вид подслащенных сухих завтраков с фруктовыми вкусами. Выпускается фирмой «Kellogg's» и продается в ярких упаковках.

места на место, мысли блуждали, на ум приходили старые приятели. Он скучал по Мичигану. Кабы не Джерри, никуда бы оттуда не сдвинулся. Ребята там незлые. Народ живет бедно, никто не выделяется. А его лучший друг Ленни «Лунатик» Кордиско – тот вообще приколист: как увидит в общинном католическом центре монахиню, так штаны спускает. Интересно, подумал Кристофер, чем сейчас занимается Ленни Кордиско? Наверняка получает очередной нагоняй от сестры Жаклин.

После собеседования мать Кристофера выходила как в воду опущенная, и это доказывало, что на самом-то деле от нее ничего не зависит. Вовсе не она решала, годится ей такая работа или нет. Но делать было нечего: они возвращались к машине и готовились к следующему заходу. Этот мир, говорила мама, так и норовит у человека что-нибудь отнять.

Но свою гордость приходится отдавать добровольно.

На шестой день его мать припарковалась в центре города и вытащила свой проверенный бумажный пакет. С надписью «неисправен». Нацепила его на паркомат и сказала Кристоферу, что воровать плохо, но мухлевать с парковкой еще хуже. Дай срок – она поправит дела и заглядит свою вину перед миром.

Обычно Кристоферу приходилось томиться в приемной и читать книжку. Но на шестой день в придорожной забегаловке напротив пообедали шериф и его заместитель. Мама обратилась к ним с вопросом: побудут ли они там еще немного? Оба взяли под козырек и пообещали не спускать глаз с ее парнишки. Так что в качестве награды за усердие в чтении мама отпустила Кристофера погулять в скверике, а сама отправилась на собеседование в дом престарелых. На взгляд Кристофера, дом престарелых назывался, вроде как...

«Тнеитсые сонсы».

– Тенистые сосны, – поправила мама. – Если что – зови шерифа.

Кристофер побежал в сторону качелей. По сиденью ползла маленькая гусеница. Понятно, что Ленни Кордиско раздавил бы ее тут же. Но Кристофер видеть не мог, как убивают мелкую живность. Прихватив гусеницу листком, он отнес ее в прохладное и безопасное место – под дерево. А сам вернулся к качелям и притянул к себе доску. Допустим, мускулатуру он еще не нарастил. Но запрыгнуть мог куда хочешь.

Раскачиваясь, Кристофер смотрел на облака. Их было штук сто. И все разного вида. Это смахивало на медведя. То – на собаку. Различались птицы. И деревья даже. Но одно облако красотой превосходило все остальные.

Прямо как лицо.

Не мужское. Не женское. А просто видное собой, милое облачное лицо.

Оно улыбалось ему сверху вниз.

Кристофер спрыгнул с качелей.

И вообразил, будто приземлился на кромке бейсбольного поля. В начале решающего девятого иннинга. Два аута. Фантастический прием мяча! «Тигры» рулят! Но Кристофер теперь поселился близ Питтсбурга в штате Пенсильвания. Чтобы здешние ребята его не загнобили, стоило переключиться на другую команду. Вперед, «Пираты»!⁴

Покачался он еще минут десять; вышла мама. Но на этот раз – вовсе не с убитым видом. А с широкой улыбкой.

– Тебя приняли? – спросил Кристофер.

– Сегодня устраиваем китайский пир.

Мама поблагодарила шерифа за содействие, получила строгое предупреждение насчет пакета с надписью «неисправен» и усадила сына в сухопутную акулу, чтобы ехать за фильмами и за всем прочим. Вечер пятницы они всегда проводили вместе. Она не собиралась нарушать

⁴ «Тигры» рулят! <...> Вперед, «Пираты»! – «Детройтские тигры» – бейсбольная команда Детройта, штат Мичиган. «Питтсбургские пираты» – бейсбольная команда Питтсбурга, штат Пенсильвания.

эту традицию. Ни за что. И за долгое время сегодняшняя кинопятница обещала стать самой замечательной. Джерри тут не отвечает. А у них будет особый клуб для двоих. Будет фаст-фуд. И будут старые фильмы, взятые напрокат в библиотеке.

Для начала заехали они в «Севен-Элеवन»⁵, чтобы мама, как всегда по пятницам, купила лотерейный билет с клеточками для цифр. Потом затоварились пивом и поехали в библиотеку – взять на выходные два учебных пособия для Кристофера и пару фильмов на вечер. Зачем, спрашивается, люди транжирят деньги на то, что можно получить бесплатно? За съестным они, по совету шерифа, отправились в «Китайские ворота»: копы лучше всех знают, где вкусно готовят; при виде ценников мама ахнула, но не скривилась. И даже улыбнулась. Сказала, что на карте «виза» болтается небольшой остаток, про который не знает Джерри, а через неделю уже будет первая зарплата. На обратном пути в мотель, вдыхая запахи яичных роллов, курицы в апельсиновом соусе и любимого кушанья Кристофера – лапши «ло-мейн»⁶ (как было сказано в меню, «Китайское спагетти – слюнки текут!»), они придумывали, как потратят сорванный в лотерею куш – такая традиция соблюдалась у них каждую пятницу, вплоть до очередного проигрыша.

Кристофер говорил, что собирается купить ей дом. Он даже сделал чертеж на миллиметровке. Для себя предусмотрел и геймерскую комнату, и конфетную комнату. Баскетбольную площадку и живой уголок за кухней. Все продумал до мелочей. Но самая лучшая комната предназначалась для мамы. Самая просторная. С балконом, а на балконе – трамплин, чтобы мама могла нырять прямо в свой личный бассейн. В этой же комнате была огромная гардеробная с красивейшими нарядами, без прорех под мышкой.

– А ты бы на что потратила деньги, мама? – спрашивал он.

– Я бы наняла тебе хорошего репетитора и накупила гору книжек.

– Моя задумка лучше, – сказал он.

Когда они добрались до мотеля, оказалось, что мини-холодильник у них в номере почти совсем не морозит; мамино пиво, чего доброго, могло не охладиться к началу их пира. Замирая перед маленьким экраном, мама смотрела тираж лотереи, а Кристофер тем временем сбегал в другой конец коридора, где стоял автомат для приготовления льда. И сделал то, чему научился на примере старых фильмов, которые смотрел вместе с мамой. Набрал в стакан побольше ледяных кубиков, а сверху за неимением вина плеснул пива, чтобы подать маме охлажденное.

– Держи, мама. Со льдом.

По какой-то причине мама покатила со смеху, но он порадовался, что ей весело.

* * *

Мать Кристофера потягивала свое пиво со льдом и причмокивала; ее сын сиял от гордости за свое изобретательное – пусть даже и не совсем верное – решение проблемы теплого пива. После того, как в лотерее... ОПАТЬ... выпали неправильные номера, мама разорвала билет и вставила диск в старенький видеоплеер, купленный за гроши на гаражной распродаже в Мичигане. Начался первый фильм. Старый мюзикл, полюбившийся ей еще в детстве. Для нее это было одно из немногочисленных светлых воспоминаний. А теперь и для него тоже. К концу китайского пира семья фон Трапп благополучно переправилась в Швейцарию⁷, а Кристофер с мамой надломил свои печеньки с предсказаниями.

⁵ «Севен-Элеवन» (англ. 7-Eleven) – сетевые магазины самообслуживания, часто при бензозаправочных станциях, работающие обычно с 7 утра до 11 вечера ежедневно.

⁶ ...любимого кушанья Кристофера – лапши «ло-мейн»... – Ло-мейн – популярное блюдо китайской кухни на основе пшеничной лапши. Может быть как полностью вегетарианским, так и с добавлением свинины, курицы, креветок или рыбы.

⁷ ...семья фон Трапп благополучно переправилась в Швейцарию. – Имеется в виду мюзикл Р. Роджерса и О. Хаммерстайна «Звуки музыки», экранизированный в 1965 г. (См. также ниже *Волосы белобрысые, как у героини фильма «Звуки музыки»*.)

- У тебя в бумажке что сказано, мам? – полюбопытствовал Кристофер.
- «Тебе принесет удачу все, к чему прикоснутся твои руки».
- ... в постели, подумала мать Кристофера, но вслух этого не произнесла.
- А у тебя что сказано, солнце? – спросила она.
- У меня ничего.

Мама проверила. Его скрученная бумажка действительно оказалась пуста, за исключением ряда каких-то чисел. Он сильно расстроился. Печеньки эти на самом деле совсем невкусные. Но чтобы даже без предсказания?

– Это, если хочешь знать, к счастью, – сказала мама.

– Почему?

– Отсутствие предсказания – самое лучшее предсказание. Значит, ты сам будешь творить свою судьбу. А хочешь, поменяемся?

После долгого, тягостного раздумья он выговорил:

– Не хочу.

За разговорами настало время второго фильма. Когда хорошие парни одолели плохих и выиграли войну, Кристофер уже спал у мамы на коленях. Она долго сидела без движения, глядя на спящего сына. Ей вспомнилась одна давняя кинопятница, когда они смотрели «Дракулу» и Кристофер делал вид, что ни капельки не боится, но потом с месяц ходил в свитерах с высоким воротом.

В жизни есть миг, которым оканчивается детство, думала она. И ей хотелось, чтобы для Кристофера такой миг не наступал как можно дольше. Ей хотелось, чтобы у сына хватило ума выкарабкаться из этого кошмара, но не хватило бы ума понять, что на самом-то деле кошмар сомкнулся вокруг него плотным кольцом.

Взяв на руки спящего мальчика, она встала и уложила его в спальный мешок. Поцеловала в лоб и при этом безотчетно удостоверилась, что температура у ребенка нормальная. А потом, допив свое пиво со льдом, вернулась на кухню. Чтобы приготовить следующий стакан точно такого же. Понимая, что этот вечер ей запомнится.

Только в этот вечер она замедлила бег.

Четыре года спустя.

Четыре года назад она обнаружила своего мужа в ванне; он лежал в луже крови, не оставив даже записки. Четыре года скорби, ярости и поступков, совершавшихся как бы отдельно от нее. Но всему есть предел. Хватит бегать. Твой ребенок заслуживает лучшей участи. Да и ты тоже. На тебе больше не висят долги. И всякие подонки. Впереди спокойная жизнь, за которую ты боролась – и одержала победу. Работающая мать – нечто героическое в этом есть. И не важно, что на работе придется выносить горшки за обитателями дома престарелых.

Захватив пиво со льдом, она вышла из номера и устроилась на пожарной лестнице. Там веяло прохладой. Если б не столь поздний час, поставила бы любимого Брюса Спрингстина⁸ и наслаждалась своим геройством.

Осушив стакан, она в блаженстве подняла лицо к ночному августовскому небу и прекрасным звездам, которые, правда, заслонило большое облако.

Облако это смахивало на улыбающееся лицо.

⁸ ...поставила бы любимого Брюса Спрингстина. – Брюс Фредерик Джозеф Спрингстин (р. 1949) – американский автор-исполнитель и лидер группы E Street Band. Известен благодаря своим рок-песням с поэтичными текстами, основной темой которых является его родина, Нью-Джерси. Двадцатикратный лауреат премии «Грэмми» и многих других престижных музыкальных наград. Написанная им для фильма «Филадельфия» (1993) песня «Улицы Филадельфии» получила премию «Оскар».

Глава 3

Давненько у Кристофера не выдавалось такой счастливой недели, как та, когда мама нашла работу. По утрам он выглядывал в окно и видел прачечную-автомат на другой стороне улицы. И таксофон на столбе. И фонарь над маленьким деревцем.

И облака.

Они не уплывали. И чем-то были ему приятны. Как запах кожаных бейсбольных перчаток. Или как суп из пакетика, только не «Кемпбелл», а «Липтон»⁹, который одно время готовила мама, потому что он больше любил мелкую вермишель. Под этими облаками ему было спокойно. При покупке школьных принадлежностей и одежды, ластиков и всякой канцелярки. Облака его не покидали. И мама ходила радостная. И уроков пока не предвиделось.

До понедельника.

Проснувшись в понедельник утром, Кристофер сразу заметил, что облако-лицо исчезло. Куда оно делось, он не понял, но загрустил. Потому что сегодня наступил важный день. Когда ему действительно требовалась поддержка облаков.

Первый школьный день.

Кристофер ни за что не открыл бы маме правду. Она делала все возможное, чтобы он ходил в самые лучшие школы, а ему даже за свои мысли было совестно. Если честно, школу он ненавидел. Не в том дело, что в новой школе он никого не знал. К этому он привык. Дело в другом: переход в новую школу каждый раз оказывался для него сущим мучением. И если уж совсем честно...

Из-за его тупости.

Мальчишка-то он, наверное, неплохой, а ученик – хуже некуда. Пусть бы лучше мама орала на него за тупость, как орала на своего сына мать Ленни Кордиско. Но нет. Даже когда Кристофер приносил двойки по математике, мама повторяла одно и то же:

– Не переживай. Главное – старайся. И все у тебя получится.

Но он переживал. Потому что ничего не усваивал. И знал, что никогда не усвоит. Особенно в такой продвинутой школе, как милл-гроувская начальная.

– Эй. В первый день нельзя опаздывать. Жуй быстрее.

Доедая «Фрут-лупс», Кристофер упражнялся в чтении: разбирал надписи на задней стороне коробки. Там красовался Плохой Кот из мультика. Мультяк «Плохой Кот» был самый прикольный из всех, какие только показывали в субботу утром. Даже на коробке с сухим завтраком котяра выглядел уморительно. Плохой Кот пробрался на стройку, где стырил бутик у рабочего в каске. И слопал. А когда его поймали, ответил своими знаменитыми словами:

«Печалька. Вы собирались это закончить?»

Но нынче утром Кристофер так нервничал, что даже сценка из мультфильма его не развеселила. Чтобы отвлечься, он поспешил перевести взгляд на что-нибудь другое. Глаза нашли картонную упаковку молока. А на ней – фото пропавшей девочки. Девочка улыбалась, хотя у нее не было двух передних зубов. Звали ее Эмили Бертович. Кристофер слышал это имя от мамы. Только читалось оно, по его мнению, вроде как...

Эимли Бретвоич.

– Мы опаздываем. Надо ехать, солнце, – сказала мама.

⁹ ...суп из пакетика, только не «Кэмбелл», а «Липтон». – Фирмы «Кэмбелл» и «Липтон» относятся к числу крупнейших производителей супов быстрого приготовления. Банка рисово-томатного супа «Кэмбелл» получила мировую известность как арт-объект эпохи поп-арта, символ эпохи массового потребления, став источником вдохновения для серии работ американского художника Энди Уорхола (1928–1987). В Питтсбурге находится музей Энди Уорхола – крупнейший в США музей, посвященный одному деятелю искусства.

Для храбрости Кристофер допил оставшееся на дне миски сладкое молоко и застегнул молнию на красной кенгурушке с капюшоном. По пути в школу он слушал мамыны объяснения насчет того, что, «строго говоря», они не «проживают» в микрорайоне этой школы, то есть она «смухлевала», указав в качестве их домашнего адреса свой рабочий.

– Ты никому не говори, что мы в мотеле живем, ладно?

– Ладно, – согласился Кристофер.

Пока машина ехала вверх-вниз по холмистой местности, он разглядывал незнакомые городские районы. Колымаги прямо на газонах по всему кварталу. Облезлые дома с отвалившимися кровельными плитками. Пикап с прицепом для поездок на охоту. Примерно как в Мичигане. Дальше начинались кварталы побогаче. Большие каменные дома. Ухоженные лужайки. Сверкающие автомобили на подъездных дорожках. Кое-что, пожалуй, стоило добавить к выполненным на миллиметровке планам воображаемого дома для мамы.

В пути Кристофер поглядывал на небо в поисках облаков. Они исчезли без следа, зато он приятно удивился, заметив кое-что другое. Тянувшееся вдоль всего района. Большое и красивое, со множеством деревьев. Зеленых, приятных. На миг ему показалось, что туда шмыгнуло какое-то существо. Стремительно, как молния. Но какое – непонятно. Вроде как олень.

– Мам, а это что? – спросил он.

– Лес Миссии, – только и ответила она.

По приезде в школу мать Кристофера собралась облобызать его на виду у всех незнакомых ребят. Но он, чтобы сохранить достоинство, лишь принял от нее коричневый бумажный пакет и пятьдесят центов на молоко.

– После уроков дожидайся меня. С чужими не разговаривай. Если я тебе срочно понадобится, звони в «Тенистые сосны». У тебя на одежде есть бирки с номером телефона. Я люблю тебя, солнце.

– Мам? – Он испугался.

– Это пара пустяков. Ты ведь и раньше мне звонил. Договорились?

– Мамуля...

– Говори мне «мама». Ты уже большой.

– Но тут все будут умней меня...

– Оценки и ум – это разные вещи. Ты, главное, старайся. И все у тебя получится.

Он кивнул и сам ее поцеловал.

Выйдя из машины, Кристофер направился к школе. Там толпились десятки учеников, встретившихся после летних каникул. Двое близнецов работали локтями, толкались и хохотали. У того, что пониже ростом, один глаз был скрыт повязкой. Девчоночья компания похвлялась обновками. Больше других старалась одна – с косичками. При виде Кристофера все замерли и уставились на него – так происходило каждый раз. Как будто он – сверкающая диковинка в магазинной витрине.

– Привет, – сказал он.

Они кивнули – опять же как всегда. Притихшие, недоверчивые. Как звериная стая.

Кристофер поспешил в свой класс и занял место подальше от учительского стола. Он знал, что вперед лезут только слабаки. Мама его наставляла: «Вежливость и слабость – далеко не одно и то же». Кристофер подумал: может, взрослые действительно так считают.

А у ребят совсем по-другому.

– Это мое место, ты, слизняк.

Подняв глаза, Кристофер увидел второклассника в дорогом джемпере и с модной стрижкой. Вскоре ему предстояло узнать того по имени – Брэйди Коллинз. Но пока это был просто мальчишка, который вывернулся на Кристофера за нарушение заведенного порядка.

– Что-что?

– Это мое место, слизняк.

– А. Ладно. Извини.

Знакомая сцена. Кристофер тут же вскочил. Брэйди Коллинз процедил:

– Даже заедаться не стал. Слизняк и есть.

– А штаны-то, штаны задрал. Потоп, что ли? Носками вон светит, – подхватила девчонка с косичками.

Позже, во время переключки, Кристофер услышит ее имя – Дженни Херцог. Но сейчас эта скелетина с неправильным прикусом и с пластырем на коленке не унималась:

– Потоп! Потоп! По лужам шлеп! Короткие штаны – ноги голые видны!

У Кристофера горели уши. В классе оставалось одно-единственное свободное место. Прямо перед учительским столом. Поспешив туда, он глянул на свои штаны и понял, насколько они стали ему коротки: видок был – точь-в-точь как у Альфальфы из «Маленьких негодяев»¹⁰. Кристофер попытался хоть немного одернуть брюки, но джинсовая ткань не поддавалась.

– Извините за опоздание, дети, – сказала классная руководительница, вбежав из коридора.

Миз Ласко по возрасту могла сойти за чью-нибудь маму¹¹, но одета была под девочку-подростка – в короткую юбочку. Волосы белобрысые, как у героини фильма «Звуки музыки»¹², а глаза накрашены до того жирно, что хоть в цирке шапито выступать. Со стуком опустив на стол принесенный с собой термос, она безупречно ровным почерком вывела на доске свое имя.

Миз Ласко

– Эй, – прошептали сзади.

Оглянувшись, Кристофер увидел какого-то толстяка. Тот – Кристофер не знал, что и думать – уплетал бекон.

– Чего? – шепотом отозвался Кристофер.

– Не слушай Брэйди и Дженни. Они придурки. Усек?

– Да, спасибо, – сказал Кристофер.

– Бекон будешь?

– Может, на переменке.

– Не хочешь – как хочешь.

Мальчишка только причмокивал. А поскольку это был мир детей, место Ленни Кордиско, лучшего друга Кристофера, тут же занял новый лучший друг. Эдвард Чарлз Андерсон оказался в одной группе с Кристофером на дополнительных занятиях, на физкультуре, а во время большой перемены – за обеденным столом. Позже выяснилось, что в чтении толстяк не силен, как и в кикболе¹³. Кристофер стал звать его Эдди. Но в школе к нему уже прилипло прозвище.

Тормоз Эд.

¹⁰ ...точь-в-точь как у Альфальфы из «Маленьких негодяев». – «Маленькие негодяи» – американский фильм 1994 г. (комедия, мелодрама) режиссера Пенелопы Сфирис. Его герой Альфальфа в своей школе состоит в клубе женоненавистников.

¹¹ Миз Ласко по возрасту могла сойти за чью-нибудь маму... – Титульное слово «миз» вошло в речевой обиход англоязычных стран в середине 70-х гг. XX в. под влиянием движения за политическую корректность. Оно соотносится с титульным словом «мистер» и не сообщает о семейном статусе (в отличие от «мисс» и «миссис»). Это титульное слово распространено среди женщин, занимающихся бизнесом или профессиональной деятельностью. Как правило, женщина при первом деловом знакомстве сама указывает предпочтительный для себя способ обращения. В частности, учителя обычно пишут желательный способ именованья на классной доске.

¹² Волосы белобрысые, как у героини фильма «Звуки музыки»... – См. выше «...семья фон Трапп благополучно переправилась в Швейцарию».

¹³ ...в чтении толстяк не силен, как и в кикболе. – Кикбол – популярная в США, главным образом среди молодежи и детей школьного возраста, командная игра для спортплощадок, сходная с бейсболом и не требующая специализированного оборудования.

Глава 4

В течение следующих двух недель Кристофер и Тормоз Эд были неразлучны. Что ни день, они вместе ходили в кафетерий (это столовка так называлась). Вместе посещали дополнительные занятия по чтению, которые вела добрая старенькая библиотечка, миссис Хендерсон, с помощью перчаточной куклы по имени Дельфин Дьюи¹⁴. Вместе заваливали проверочные работы по математике. А вечерами два раза в неделю посещали один и тот же общинный католический центр.

Тормоз Эд говорил, что ребят из католических семей загоняют в этот ОКЦ с одной-единственной целью: чтобы они на деле узнали, каково им придется в аду. Марк Пирс, мальчик из еврейской семьи, спросил его, как расшифровывается ОКЦ. «Обдрипаный Клоунский Цирк», – хохотнул Тормоз Эд. На самом деле Кристофер тоже не знал, как расшифровывается ОКЦ, но давно понял, что ходить туда ему придется и никакие сетования не помогут. Однажды, еще в Мичигане, он спрятался в кустах, чтобы никуда не идти. Мама не могла его дозваться: он затаился. Под конец она не на шутку рассердилась и приказала:

– Кристофер Майкл Риз, а ну вылезай... НЕМЕДЛЕННО.

Если она величала его полным именем, сопротивляться не имело смысла. Приходилось выполнять команду. Вот так-то. Конец игры. С каменным лицом она сообщила Кристоферу, что его отец был католиком. И что она поклялась самой себе воспитать сына в католической вере, чтобы поддержать у него хоть какую-то связь с отцом, помимо той единственной рождественской фотографии.

Кристофер пожалел, что не умер.

Когда в тот вечер они ехали домой, ему виделось, как папа читает Библию. Наверняка он, в отличие от Кристофера, не переставлял буквы. И наверняка был умнее сына, как любой отец. Гораздо умнее. И Кристофер поклялся, что научится бегло читать и разберется в значении библейских слов, чтобы стать ближе к папе – не вечно же полагаться на воспоминания о пропахшей табаком рубашке.

* * *

В том, что касалось выбора церкви, мать Кристофера всегда следовала заповеди любимого президента своей бабушки, Рональда Рейгана, сказавшего в годы «холодной войны»: «Доверяй, но проверяй»¹⁵. Руководствуясь этим правилом, она вышла на церковь святого Иосифа в Милл-Гроув. Настоятель, отец Том, совсем недавно окончил семинарию. За ним не тянулось никаких скандалов. Никаких других приходов. Отец Том годился по всем статьям. Это был добрый человек. А Кристоферу встречалось не так уж много добрых людей.

Что же до маминой веры, тут личность священника не играла никакой роли. Равно как и церковная музыка. Равно как и торжественные обряды. Мамина вера осталась на дне ванны, где закончил свою жизнь ее муж. Конечно, глядя на сына, мать Кристофера понимала, почему люди верят в Бога. Но сама, сидя на церковной скамье, не слышала слова Божьего. Она слы-

¹⁴ *Дельфин Дьюи* – герой приставочной игры «Приключения дельфина Дьюи» (англ. *The Adventures of Dewey the Dolphin*), анонсированной компанией Nintendo в 1991 г., но так и не реализованной.

¹⁵ ...мать Кристофера всегда следовала заповеди любимого президента своей бабушки, Рональда Рейгана, сказавшего в годы «холодной войны»: «Доверяй, но проверяй». – Русская поговорка «доверяй, но проверяй» прозвучала в 1986 г. в переговорах с президентом М. С. Горбачевым и стала, как считают американские политологи, основным принципом президента Рональда Рейгана в отношениях с Советским Союзом. С тех пор это выражение стало популярным в политических кругах США.

шала только шепотки и сплетни добропорядочных католичек, которые видели в ней мамашу-работницу (то есть «шваль»).

Особенно миссис Коллинз.

Кэтлин Коллинз была безупречна во всем. От туго стянутых каштановых волос и элегантного костюма до презрительной вежливости к «тем людям», которых, на самом-то деле, возлюбил бы Иисус. Семейство Коллинз всегда сидело на передней скамье. Семейство Коллинз всегда оказывалось первым в очереди на причастие. И если хоть один волосок выбивался из шевелюры мужа миссис Коллинз, ее палец, подобный воронову когтю с изящным маникюром, тут же взлетал вверх, дабы устранить этот небольшой беспорядок.

А что касалось их сына Брэйди, яблоко упало совсем недалеко от яблони.

Если бы миссис Коллинз напоминала о себе только по воскресеньям, это еще можно было бы вытерпеть. Но муж ее прибрал к рукам все строительство жилья и владел половиной города, включая «Тенистые сосны» – пансионат для престарелых, куда устроилась работать мать Кристофера. Бразды правления он доверил своей жене. Миссис Коллинз уверяла, что согласилась занять этот пост только ради того, чтобы «выполнить свой долг перед обществом». На деле же она пользовалась правом орать на штатных работников и волонтеров, чтобы их стараниями обеспечить идеальные условия для своей безумной мамыши. Лучшая палата. Лучшее питание. Все самое лучшее. Мать Кристофера достаточно наездила по стране, чтобы Милл-Гроув виделся ей мелкой лужицей. Но семейству Коллинз, судя по всему, этот городок мнился Тихим океаном.

– Мам, о чем задумалась? – прошептал Кристофер.

– Ни о чем, солнце. Не отвлекайся, – отвечала мать.

Как раз перед тем, как с помощью нескольких умело выбранных речений превратить вино в кровь, отец Том объявил, что Иисус любит каждого со времен Адама и Евы. По этому поводу Тормоз Эд затянул на мотив рекламной припевки ресторана «Чили-пеппер»:

– «Сочные ребрышки, ребрышки Адама!»

Это было встречено шквалом хохота; громче всех смеялись родители Тормоза Эда.

– Ну ты юморист, Эдди. Чего только мой сыночка не выдумает! – приговаривала его мать, всплескивая пухлыми руками.

Отец Том и педагог Общинного католического центра, миссис Рэдклифф, дружно вздохнули – наверно, поняли, что ответственность за воспитание Тормоза Эда целиком и полностью ляжет на их плечи.

– Первое причастие – это вообще отвал башки, – говорил Тормоз Эд после воскресной службы, провожая Кристофера до парковки. – Нам денег подкинут. И даже выпить дадут.

– Прикалываешься? – удивился Кристофер. – Это правда, мам?

– Обряд причастия действительно предусматривает вино. Впрочем, для вас вино заменят виноградным соком, – объяснила она.

– Это нормально. Вина я могу и дома хлебнуть. Ну пока, миссис Риз, – сказал Тормоз Эд и вернулся к своим родителям, которые направились к столу, где шла благотворительная распродажа домашней выпечки.

* * *

На обратном пути Кристофер обдумывал услышанное во время службы. Значит, Иисус любит всех. Даже подлых людишек. Таких как Дженни Херцог и Брэйди Коллинз. И Джерри. Кристофер был поражен этой догадкой: сам он нипочем не полюбил бы такого, как Джерри. Но надо попытаться, раз уж так заведено.

Когда они вернулись в мотель, Кристофер придержал для мамы дверь, и мама, улыбнувшись, назвала его джентльменом. А он, запрокинув голову, прежде чем войти следом, впервые узрел нечто особенное. Оно плыло в небе. И подмигивало, как глазом, падающей звездой.

Облако-лицо.

В других обстоятельствах Кристофер не стал бы над этим ломать голову. Эка невидаль – облака. Но каждый день, когда мама отвозила его в школу. Каждый раз, когда они проезжали мимо Леса Миссии. Когда вечерами направлялись в ОКЦ. Их сопровождало облако-лицо.

И не какое-нибудь, а именно это, единственное.

То большое. То маленькое. То притаившееся за облаками других очертаний. За молотком, за собакой, за кляксой – сходные картинки показывал ему специалист, к которому водили Кристофера после скоростной папиной гибели в ванне. Облако-лицо всегда было тут как тут. Не мужское. Не женское. А просто видное собой, милое облачное лицо.

И Кристофер мог поклясться: оно за ним наблюдает.

Он бы охотно поделился с матерью, но у нее и так забот хватало. Пусть считает, что сын у нее туповат, – это еще полбеды. Но не стоило наводить ее на мысль, что он сумасшедший.

Вроде папы.

Глава 5

В пятницу зарядили дожди.

Ночной раскат грома вывел Кристофера из страшного сна. Сон был до того жуткий, что мгновенно забылся. Хотя ощущение не забылось. Словно некто маячил над правым виском. И щекотал в ухе. Кристофер оглядел комнатушку мотеля. Неоновая вывеска прачечной-автомата превращала оконные занавески в сплошное мерцание.

Но рядом никого чужих не было.

Кристофер посмотрел на часы, стоявшие возле маминой койки. На циферблате моргало 02.17. Он попытался снова уснуть. Но почему-то не смог. И просто лежал с закрытыми глазами, не выключая мозг.

И слушал перестук ливня.

Непонятно, откуда берется столько воды. Уж не пересохнут ли океаны?

«Потоп! Потоп! По лужам шлеп!»

Эти слова не давали Кристоферу покоя; от них кишки завязывались узлом. Пройдет совсем немного времени – и ему придется ехать в школу. Отсиживать классный час. А где классный час – там...

Дженни Херцог и Брэйди Коллинз.

Каждое утро эти двое только и ждали его появления. Дженни дразнилась. Брэйди распускал руки. Кристофер знал: мама не хочет, чтобы он рос драчуном. Она вечно призывала его не уподобляться всяким буйным хулиганам, какие были у нее в роду. И даже не покупала ему игрушечных пистолетов.

– А почему? – спросил за обедом Тормоз Эд.

– Да потому, что моя мама – птицефиска, – ответил Кристофер.

– Может, пацифистка? – предположил Тормоз Эд.

– Ну да. Точно. Пацифистка. А ты откуда знаешь про пацифисток?

– От папаши – он их терпеть не может.

В общем, Кристофер подставил вторую щеку: Дженни Херцог только и ждала случая докопаться до него и до других ребят, которые посещали дополнительные занятия для тупых. Никогда не говори «для тупых», повторяла ему мама. Не смей говорить «для тупых». А разница-то... Он посещал занятия для неуспевающих, а Дженни особенно изгалялась насчет отстающих учеников. Это по ее милости Эдди носил кличку «Тормоз Эд». У Мэтта, который ходил с повязкой на глазу, было прозвище «Попка-Пират»¹⁶. Его брат-близнец, Майк, лучший спортсмен школы, звался у Дженни, под настроение, либо «Майка – Двойная Мамка» либо «Майка-Лесбиянка», потому что Майк с братом росли без отца, но зато с двумя матерями. Однако больше всех доставалось новенькому – Кристоферу. Перед классным часом Дженни Херцог, показывая пальцем на его брюки, заводила:

– Ой, потоп! Потоп!

Когда Кристоферу стало совсем уж невмоготу, он попросил маму купить ему новые брюки, но по ее лицу понял, что это дорого, и обратил все в шутку. А сам в столовке предупре-

¹⁶ ...прозвище «Попка-Пират». – Отсылка к маскоту (главному атрибуту, талисману) бейсбольного клуба «Питтсбургские пираты». На соревнованиях и околоспортивных мероприятиях аниматоры и болельщики надевают нелепо-смешные костюмы гигантского пиратского попугая. Этот талисман заставляет вспомнить в первую очередь попугая пирата Джона Сильвера из романа Р. Л. Стивенсона «Остров сокровищ». Для российского читателя прозвище «Попка-Пират» приобретает дополнительный смысл, становясь не запланированной автором романа аллюзией на «Песню попугая» В. Высоцкого, исполняемую от лица «попугая, пирата морей» (из цикла, созданного по мотивам произведений Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье»).

дил буфетчицу, что молоко пить больше не будет, и начал ежедневно откладывать по пятьдесят центов на покупку брюк. Скопил уже три доллара и пятьдесят центов.

Сколько стоят брюки, он пока не выяснил. Подошел с этим вопросом к миз Ласко, но у нее были какие-то красные глаза, а изо рта пахло, как у Джерри, когда тот на ночь глядя притаскивался из бара. Выждав до конца уроков, Кристофер поднялся в библиотеку к доброй старушке миссис Хендерсон.

Миссис Хендерсон всегда держалась тихо, как мышка. Даже для библиотекарки. Ее муж, мистер Хендерсон, преподавал физику и химию. Он носил имя Хенри. Кристоферу казалось дикостью, что учителя кто-то может называть по имени, но тут все сходилось. Хенри Хендерсон.

Много «е».

Когда Кристофер спросил, сколько стоят брюки, миссис Хендерсон предложила глянуть по компьютеру. Это было очень кстати, тем более что мама Кристофера компьютером не обладалась. Они с миссис Хендерсон вышли в интернет и ввели в строку поиска слово «брюки». Пролистали множество магазинов. И Кристофер понял, что выложить придется кучу денег. Например, в «Джей-Си Пенни»¹⁷ за одну пару брюк заламывали цену в восемнадцать долларов пятнадцать центов.

– Это сколько раз нужно отложить по пятьдесят центов? – спросил он у миссис Хендерсон.

– Ой, не знаю. И правда: сколько раз? – сказала она.

Кристоферу математика давалась почти с таким же трудом, как и чтение. Но миссис Хендерсон, словно заправская училка, вместо ответа дала ему карандаш и бумагу, чтобы он подсчитал сам. И сообщила, что должна ненадолго выйти, но потом вернется и проверит. Мучаясь в одиночку, Кристофер прибавлял по пятьдесят центов зараз. Два дня – сто центов. То бишь один доллар. Три дня – сто пятьдесят центов. То бишь один доллар пятьдесят центов. Да еще в копилке имелось семь долларов, а стало быть...

привет

Кристофер уставился на экран. Компьютер тихонько пикнул. В левом углу появилась рамка. В ней было написано: «ГМНОВЕННЕО ОСОБЕЩНИЕ». Но Кристофер-то знал, что так обозначается мгновенное сообщение. Кто-то ждал его ответа.

привет

Кристофер обернулся посмотреть, не идет ли миссис Хендерсон, но та задерживалась. В библиотеке он был один. И стал опять смотреть на экран. Там настырно мигал курсор. Кристофер помнил, что разговаривать с чужими ему запрещено. Но это же не настоящий разговор. Поэтому правой рукой он нашарил стрелку. Клик-клик.

«Привет», – напечатал Кристофер.

это кто?

«Кристофер».

привет, кристофер. очень приятно. ты сейчас где?

«Я б виблитоеке».

у тебя буквы скачут, да? в какой библиотеке?

«В шокльнйо».

¹⁷ «Джей-Си Пенни» – сеть американских универмагов, расположенных главным образом в пригородных моллах.

ты в какой школе учишься? нет, не говори. в милл-гроувской началке, точно?

«Октуда ыт занешь?!»

просто угадал. нравится в школе?

«Нелпохо»

когда сегодня заканчиваешь?

Кристофер помедлил. Что-то его насторожило. Он напечатал:

«Ты кто?»

Ответа не последовало. Курсор мигал.

«Ты кто?» – продублировал Кристофер.

Снова молчание. Кристофер не сводил глаз с экрана. Курсор мигал и мигал. Воздух был неподвижен и тих. Но что-то такое в нем чувствовалось. Духота какая-то, что ли. Так бывает, когда долго под одеялом прячешься.

– Ау! – обратился Кристофер к пустой библиотеке.

Он осмотрел стеллажи. За ними ведь тоже кто-то мог прятаться. На него накатила паника. Прямо как в Мичигане, когда Джерри приходил из бара в дурном настроении.

– Ау! – снова позвал он. – Есть тут кто-нибудь?

Что-то пощекотало ему шею. Как будто мама целовала его на ночь. Шепот без слов. Компьютер пикнул. Кристофер обернулся. И увидел ответ.

друг

С приходом миссис Хендерсон экран очистился. Она взглянула на подсчеты Кристофера и посоветовала ему обратиться за помощью к миз Ласко. А пока у нее были для него приготовлены на выходные три книги, чтобы он упражнялся в чтении. Одна – старая, в ней было много букв. И две прикольные. Про то, как Плохой Кот съел последнюю букву в алфавите, и еще про Снупи. Про Снупи не так интересно, как про Плохого Кота. Но все равно клево. Особенно про его брата Спайка из города Нидлз. Ну и название.

Когда прозвенел звонок, миссис Хендерсон дошла с Кристофером до парковки. Там она вместе с мужем села в минивэн, и Кристофер им помахал. Миз Ласко запрыгнула в свой вишневый спортивный автомобиль, который стоил, наверно, как миллион раз по пятьдесят молочных центов. Из дверей школы друг за дружкой выходили учителя. И ученики. На пути к школьному автобусу близнецы, носившие прозвища «Попка-Пират» и «Майка – Двойная Мамка», перебрасывались небольшим пластмассовым мячом для американского футбола. Тормоз Эд со ступеньки автобуса издал неприличный звук, как будто пукнул – Кристофер даже заулыбался. Автобусы разъехались. Рядом больше никого не было, и Кристофер начал высматривать охранника.

Но тот как сквозь землю провалился.

Кристофер остался один.

Усевшись на низкую скамеечку, он приготовился ждать маму, чтобы потом вместе с ней организовать кинопятницу. Этими мыслями он старался разогнать прилипчивое, тягостное чувство. Такое чувство, будто какая-то сила только и смотрела, как бы его заграбастать. Ожидать на улице было беспокойно. Лишь бы мама сегодня не задержалась.

Почему-то она не спешила.

Вдали грохотал гром. Кристофер изучал свою контрошу по математике. Четыре правильных ответа из десяти. Надо бы подтянуться. Он взялся за первую библиотечную книгу. «Дет-

ский цветник стихов»¹⁸. Книга оказалась старая. Даже какая-то пыльная. У Кристофера по спине пробежал холодок. От кожаного переплета пахло примерно как от бейсбольных перчаток. На этой книге стояла карандашная подпись. Прямо на обложке.

Д. Олсон

Полистав страницы, Кристофер остановился на приглянувшейся ему картинке. Устроился поудобнее и приступил к чтению. В словах царил полный сумбур.

Вшия сатрая мяо,
Кот ж тут елзет кан ке я?

Вдруг на страницу легла тень. Кристофер поднял голову. И увидел нечто, плывущее в вышине и заслоняющее свет.

Облако-лицо.

Величиной с небо.

Кристофер захлопнул книжку. Птицы умолкли. В воздухе похолодало. Даже по меркам сентября. Оглядевшись, он проверил, следит ли кто-нибудь за порядком. Но охранник так и не появился. И тогда Кристофер, задрав голову, обратился к облаку-лицу.

– Эй? Ты меня слышишь?

Издали прилетело глухое урчанье. Раскат грома. Кристофер умом понимал, что это, скорее всего, совпадение. Допустим, в учебе он не силен, но рассуждает-то нормально.

– Если слышишь, подмигни левым глазом.

Облако неспешно подмигнуло левым глазом.

Кристофер застыл. На миг испугался. Понял, что такого не может быть. Это ни в какие ворота не лезет. Но все же странно. В небе пролетел самолет и растревожил облако: теперь оно своей улыбкой смахивало на Чеширского кота.

– А можешь насрать на меня дождик?

Не успел он договорить, как на парковку обрушились дождевые струи.

– А прекратить можешь?

Дождь прекратился. Кристофер просиял. Его раззадорило происходящее. По всей видимости, облако-лицо смекнуло, что он повеселел, и опять брызнуло дождем. Потом успокоилось. Потом вновь стало поливать. Потом утихло. Кристофер захохотал, как Плохой Кот.

– Уймись. Ты мне одежду испортишь – в чем я буду в школу ходить?!

Дождь кончился. Но когда Кристофер поднял голову, облако стало уплывать. И он рисковал снова остаться в одиночестве.

– погоди! – выкрикнул Кристофер. – Вернись!

Облако дрейфовало над холмами. Кристофер понимал, что ведет себя непростительно, однако ничего не мог с собой поделать. Он двинулся вслед за облаком.

– Постой! Ты куда?

В ответ он не услышал ни звука. Только увидел стену дождя. Но по какой-то причине это его ничуть не беспокоило. Грозное облако одним глазом присматривало за Кристофером. Если от шагов по лужам у него хлюпало в кроссовках – не беда. Красная кенгурушка-то осталась сухой.

– Прошу тебя, не исчезай! – завопил он.

Но облако-лицо дрейфовало дальше. Вдоль дороги. К бейсбольному полю. Дождь размочил слежавшуюся глинистую почву. Пыль текла слезами. На шоссе сигналили автомобили,

¹⁸ «Детский цветник стихов» (тж. «Детский сад стихов») – сборник детских стихов Р. Л. Стивенсона. Перевод стихотворения, искаженного восприятием Кристофера («Вшия старая мяо, / Кто ж тут лезет, как не я...»), принадлежит И. Ивановскому.

которые швыряло на мокром асфальте из стороны в сторону. Дальше путь лежал в соседний район с неузнаваемыми улицами и домами. Хейз-роуд. Каса. Монтерей.

Облако-лицо привело его на луг, обнесенный забором. В конце концов Кристофер остановился у прибитого к ограждению металлического щита поблизости от фонаря. Прочсть, что там написано, оказалось не так-то просто, но все же Кристофер, шевеля губами, кое-как разобрал...

«КОЛЛИНЗ КОНСТРАКШН»
ЖИЛОЙ КВАРТАЛ «ЛЕС МИССИИ»
ПРОХОД ВОСПРЕЩЕН

– Я дальше не пойду. Мне влетит! – объявил Кристофер.

Облако-лицо на миг зависло, а потом двинулось прочь. В сторону от шоссе. За ограждение.

Кристофер не знал, как быть. Он огляделся. Удостоверился, что никто не смотрит. Вспомнил, что уже нарушил запрет. Без разрешения умотал неизвестно куда. И тем не менее пролез под оградой строительного участка. Зацепился капюшоном. А высвободился уже на лугу и распрямился под дождем, в слякоти, на мокрой траве. И с опаской посмотрел ввышину.

Облако стало ГИГАНТСКИМ.

Улыбка стала ЗУБАСТОЙ.

И при этом СЧАСТЛИВОЙ.

Услышав раскат грома, Кристофер тоже заулыбался.

И последовал за облачным лицом.

Прочь из тупика.

По тропе.

И в глубь Леса Миссии.

Глава 6

Кристофер поднял голову. Облако-лицо загородили деревья. Какой дремучий лес! До слуха доносился шум дождя, но на землю не упало ни капли. Она вся иссохла. Сморщилась, как старушечья кожа. Древесные кроны сомкнулись шатром. И под этим шатром что-то хоронилось.

Кристофер.

Он обернулся. Волосы встали дыбом.

– Кто тут? – спросил Кристофер.

Ответа не было. Разве что тихое, неглубокое дыхание. Может, это шуршал ветер. Но кто-то явно топтался рядом. Кристофер это чувствовал. Как чувствуешь на себе пристальный чужой взгляд. Такое же чувство давным-давно подсказало Кристоферу, что Джерри – гнусный тип, задолго до того, как это дошло до мамы.

Кристофер услышал шажок.

Обернулся, но это всего лишь падала сосновая шишка. Тук-тук-тук. Поскакала по земле и остановилась там, где пролегала

Тропа.

Тропа, усыпанная сосновой хвоей. И редкими сухими ветками. Но угадывалась она безошибочно. За много лет ее утрамбовали велосипедные колеса и бег взапуски с крутых горок. По этой тропе ребята срезали путь на другой конец города. Но теперь она, похоже, оказалась никому не нужна. Возведенный вокруг стройки забор не пускал сюда детей уже многие месяцы, а то и годы. Свежих следов тут не появилось.

Кроме одного.

В грязи Кристофер увидел отпечаток башмачка. Подошел ближе, примерился к этому следу.

Отпечаток был немного меньше его кроссовки.

След ребенка.

И тут послышался детский плач.

Вглядевшись, Кристофер обнаружил, что следы ребенка ведут дальше, причем очень, очень далеко. И звук шел с той же стороны. Издалека. Не иначе как уже из-за леса.

– Эй! Как ты там? – пронзительно выкрикнул Кристофер.

Малыш заплакал громче.

У Кристофера заколотилось сердце; внутренний голос молил его выбраться из чащобы, вернуться в школу и дожидаться мать. Но здесь ребенок попал в беду. А потому Кристофер, всеми силами отгоняя страх, двинулся по следам. Сначала медленно. Осторожно. Увидел козий мостик, перекинутый через старое русло. Следы обрывались у ручья и появлялись снова на другом берегу. Мокрые и грязные. Похоже, малыш был уже близко.

На помощь.

Это прошелестел чей-то голос? Или ветер? Кристофер ускорил шаг. Детские следы вели мимо полого бревна, из которого давным-давно будто пытались выдолбить каноэ. Кристофер посмотрел вперед. Никого. Да, не иначе как ветер. Странно как-то. Но другого объяснения он не находил, потому что не заметил ничего особенного.

Кроме света.

Свет был далеко впереди. Ярко-голубой. И плач доносился оттуда же. Кристофер пошел на свет. Чтобы помочь малышу. С каждым шагом свет виделся все ярче. И деревья расступались. Над головой уже не нависали древесные кроны.

Кристофер вышел на поляну.

Посреди леса. Идеальный круг зеленой травы. Обрамленный деревьями. Кристофер теперь видел небо. Но что-то было не так. Ведь он входил в лес при свете дня. А теперь вдруг опустилась ночь. В вышине чернело небо. Звезды падали одна за другой. Фейерверк, да и только. Но луна светила до того ярко, что освещала поляну как днем. Голубая луна.

– Ау? – позвал Кристофер.

Повисла тишина. Ни плача. Ни ветерка. Ни голосов. Оглядевшись, Кристофер увидел только цепочку шагов, упиравшуюся в

Дерево.

Оно росло среди поляны. Корявое, как изуродованная артритом старческая рука. Будто высунутая из земли, чтобы схватить парящую в небе птицу.

Кристофер не удержался. Он пошел по следам. Замер у дерева, протянул руку. Но под ладонью ощущалась вовсе не кора. И даже не древесина.

А вроде как живая плоть¹⁹.

Кристофер отпрянул. Его словно ударило. Что-то не ладно. Все неправильно. Он должен находиться совсем не здесь. В поисках обратного пути он стал смотреть под ноги. Нужно выбираться. Мама наверняка не находит себе места. Вот и тропа. На ней детские следы. Но цепочка их не та, что прежде.

Рядом со следами ног теперь виднелись еще и вмятины от ладоней.

Словно ребенок двигался по-звериному, на четвереньках.

Хрусть!

Кристофер обернулся. Где-то треснула ветка. Он слышал, как вокруг просыпается живность. Окружает поляну. Раздумывать было некогда. Он бросился бежать по тропе. Из последних сил. Пересек поляну. И снова нырнул в чащу. Но среди деревьев пришлось остановиться.

Тропа исчезла.

Он оглядывался, пытаясь найти дорогу, но мгла сгущалась. На небе – ни звездочки. Луну теперь заволокло насмешливое облако-лицо, похожее на одноглазого пирата.

– На помощь! – прокричал ему Кристофер.

Но подул ветер, и облако укутало луну плотным одеялом. Все поглотила тьма. *Боже. О Боже.* Опустившись на колени, Кристофер начал разгребать сосновые иголки. Исступленно. Лишь бы найти тропу. Хвоя впивалась в ладони.

Кристофер снова слышал малыша.

Но тот больше не плакал.

Он хихикал.

Под хвоей Кристофер все же нащупал тропу и дальше пополз на четвереньках. *Прочь отсюда! Быстрей!* Одна эта мысль крутилась в голове. *Быстрей!*

Хохоток приближался.

Кристофер припустил, как нахлестанный. В спешке сбился с дороги. Дальше пришлось бежать, не разбирая пути. Продираться сквозь чащобу. Возле ручья он споткнулся. Оставил позади мостки. Упал и ободрал коленку. Но ему было все равно. Он бежал дальше. Со всех ног. И впереди увидал свет. Ну вот. Наконец-то. Фонарь. Просто чудо.

Хохоток не отставал.

¹⁹ Но под ладонью ощущалась вовсе не кора. <...> А вроде как живая плоть. – Масштабные произведения литературы, к которым относится роман «Воображаемый друг», зачастую вызывают ассоциации с произведениями других видов искусства, разворачивая перед читателем полотно мировой культуры. Можно отметить, например, яркие параллели между текстом романа и произведениями живописи. Так, описанное автором облако-лицо, не мужское и не женское, и мистическое дерево, которое соединяет в себе антропоморфные и ботанические черты, сошлись не только в этом романе, но и в одной картине бельгийского художника Ренэ Магритта, названной – что весьма характерно – «Алиса в стране чудес». Это мистическое дерево не раз уподобляется гигантскому оку. Не это ли гигантское око изображено на другой картине Магритта, красноречиво названной – «Ложное зеркало»? Наконец, нельзя не вспомнить дивный «Портрет ботаника Лютера Бербанка» кисти мексиканской художницы Фриды Кало, на котором предстает еще более мистическое очеловеченное дерево.

Кристофер припустил к фонарю. На свет. Выбежал из леса. И остановился, когда понял, что попал совсем не на шоссе.

А опять на ту же поляну.

И светил ему не фонарь.

Ему светила луна.

Озираясь, Кристофер чувствовал, как на него таращится вся живность разом. Чудовища и звери. С горящими глазами. Окружают поляну. Хохоток все ближе. И громче. Засада! Нужно спасаться. Искать дорогу. Любую.

Он бросился к дереву.

Начал карабкаться по стволу. Древесина под ладонями казалась податливой, как живая плоть. Будто опорой ему служили не ветви, а чьи-то руки. Но Кристофер не поддавался этому чувству. И гнал себя как можно выше, чтобы сориентироваться. Когда он долез почти до самой верхушки, завеса облаков лопнула. Поляну ярким светом озарила луна.

И тогда Кристофер кое-что разглядел.

На другом краю поляны. Спрятанное в лиственных зарослях. Похожее на грот. Но нет. Это оказался тоннель. Созданный человеческим трудом. Укрепленный изнутри бревнами. С допотопной узкоколейкой, проложенной по дну. Кристофер сделал вывод. Любая железная дорога ведет к станциям, а те ведут к городам.

Спасительная зацепка!

Он спустился по сосновым ветвям. Спрыгнул на землю. В лесу ощущалось чье-то присутствие. Кристофера буравили недобрые взгляды. Под ними страшно было шевельнуться.

Но он ринулся бежать.

Со всех ног. Что было сил. Спиной Кристофер чувствовал погоню. Но не оборачивался. Добежав до входа, заглянул в тоннель. Вглубь ржавым хребтом тянулась узкоколейка. А в конце тоннеля брезжил свет луны. Спасение!

Кристофер бросился туда. Стены и потолок поддерживала деревянная обшивка – ни дать ни взять грудная клетка кита. Но бревна состарились. Обветшали, подгнили. Да и узок такой тоннель для поездов. Что же это за место? Подземный ход? Сточная труба? Или пещера?

Штольня.

Его будто окатили холодной водой. Пенсильванский угольный бассейн. Им на уроке показывали фильм. Как шахтеры с помощью вагонеток поднимали на поверхность скопившийся в шурфе мусор – для сжигания. Кристофер побежал дальше. К лунному свету в конце тоннеля. Глядя под ноги, чтобы не оступиться. И тут он снова увидел детские следы. Да и хохоток не заставил себя ждать. Пискнул совсем рядом.

Лунный свет впереди померк: это облака затеяли игру в прятки. Мир почернел. Впотьмах Кристофер пробирался на ощупь. Пытался держаться у стены. Спотыкался о рельсы и, как слепой, вытягивал руки вперед. И наконец что-то нашел. Нашупал что-то в темноте.

Это была детская ручонка.

Кристофер

бесследно

исчез

на

шесть

дней

и

ночей.

Часть II. Мечты сбываются

Глава 7

Мэри Кэтрин терзалась чувством вины. Обычное дело. Муки эти зародились десять с лишним лет назад, когда она впервые стала посещать уроки катехизиса, которые вела миссис Рэдклифф в Общинном католическом центре. Но сейчас у нее на душе было тягостно как никогда. Даже не верилось, что она так себя распустила. В законе черным по белому прописано: лицам, не достигшим установленного возраста, запрещено управлять транспортными средствами после полуночи. Сейчас уже 23.53, а до дому оставалось по меньшей мере десять минут езды. Как можно было забыть о времени?

– Тебя лишат прав! Дурища! – ругала она себя.

Сколько времени ты убила на получение водительского удостоверения? Не помнишь?! Пришлось умолять маму хотя бы замолвить за нее словечко перед отцом. И к тому времени, как мама собралась с духом, по ходу дела приговорив пару (коробок) белого вина, они с ней вдвоем чуть ли не месяц обхаживали отца, чтобы тот подписал согласие на посещение дочерью занятий по управлению автомобилем. Если другим ребятам хватило одного курса вождения, то Мэри Кэтрин пришлось пройти два. Если другие родители отпускали своих детей на МакЛафлин-роуд или на автодром в торгово-развлекательном центре, а то и – Бог свидетель – на скоростное девятнадцатое шоссе, то Мэри Кэтрин по-прежнему не выезжала за пределы церковной парковки. Ладно бы еще кружила по большой стоянке у собора Вознесения Господня. Так нет: отиралась на пяточке возле церкви святого Иосифа! Приехали!

Когда беспутная Дебби Данэм по прозвищу «Дай нам» и эта насквозь пропитая Мишель Горман уже гоняли в Питтсбург и там рассекали по центральным улицам, Мэри Кэтрин практиковалась брать с места и сдавать назад на подъездной дорожке у родительского дома.

– Эй, Непорочная Дева Мария, – изводила ее Дебби в школьной раздевалке, – я сейчас домой, не подбросишь ли меня от тротуара до крыльца?

Мэри Кэтрин привыкла, что ее дразнят. «Благочестивым девочкам даже прозвища достаются благочестивые», – привычно повторяла ей мама, и Мэри Кэтрин не могла сдержать слез, получая набивший оскомину совет не обращать внимания. Но Дебби Данэм вконец распоясалась. Если речь заходила о христианстве, она занимала позицию «Христиан – ко львам»²⁰. Когда Мэри Кэтрин окончила католическую среднюю школу, переход в городскую гимназию, где были старшие классы, дался ей невероятно тяжело. Но если рассудить, в этом мире, где на любой вопрос предлагается множество ответов, путь истинно верующего не бывает легким.

Впрочем, католическое чувство вины имело и свои плюсы. За Мэри Кэтрин не числилось ни единого прогула, она была круглой отличницей, заработала дополнительный зачетный балл, уже набрав необходимые девять, и в течение 2020 года с блеском сдала тесты за курс средней школы – все это вместе взятое наконец-то смягчило ее отца. Наконец-то даже он признал, что у него выросла самая ответственная дочь, о какой только можно мечтать. Он благословил ее на экзамен по вождению. И она прошла с первого раза. С Божьей помощью. А когда ей по почте прислали настоящие взрослые права, на них красовалось сногсшибательное фото. Поскольку тщеславие есть грех, чувство вины нахлынуло даже в тот момент. Но быстро

²⁰ ...она занимала позицию «Христиан – ко львам». – В Древнем Риме данный лозунг (*лат.* christianos ad leones) и казни через растерзание дикими животными были распространены в эпоху раннего христианства (I–III вв. н. э.). Как отмечают исследователи, на растерзание отдавали именно христиан. Наряду со смертью на кресте, этот вид казни стал одной из самых известных причин мученической кончины христианских святых. Эта практика была окончательно отменена лишь в 681 г.

улетучилось. Потому что ей исполнилось семнадцать. Потому что она получила права. И почти окончила школу. Поступать она собиралась в католический университет «Нотр-Дам»²¹. Жизнь виделась бесконечной, а предоставляемые свободой возможности – безграничными.

Оставалось только вернуться до полуночи.

А иначе все рухнет.

Часы показывали 23.54.

– Дьявольщина! – выпалила она, но тут же перекрестилась и поправилась, надеясь, что этого будет достаточно: – Чтоб тебя...

Мэри Кэтрин прокручивала в голове свою ошибку. С Дагом они встретились в 21.30. Билетер сказал, что продолжительность фильма – два часа. То есть сеанс должен был закончиться в 23.30. А если не дожидаться титров, то и в 23.27, хотя ее будет точить вина от неуважения к этим людям, которые так старались. В любом случае времени достаточно, правда же? Но перед фильмом начались рекламные ролики. Потом трейлеры к «Плохому Коту в 3D» (кому нужны новые серии – хватит уже!). Когда начался показ, Мэри Кэтрин даже не смогла вспомнить, на какой фильм они пришли. У нее в планах была новая романтическая комедия студии Уолта Диснея. Но Даг притащил их на фильм-катастрофу.

Даг, болван.

Почему самых умных мальчишек вечно тянет на самые тупые фильмы? Даг с детского сада был в числе первых. Ему как лучшему ученику доверили подготовить речь для торжественной части выпускного вечера; любой университет, даже светский, принял бы его вне конкурса. Но ему приспичило увидеть, как мир в очередной раз будет рушиться почти до основания.

– Нет, Даг, – выговорила она за рулем, готовясь к ссоре, начинать которую вовсе не собиралась. – Мне не нравится, когда ты добавляешь в попкорн шоколадно-мятное драже. Это несколько не улучшает вкус!

На часах было 23.55.

Дьявольщина!

Мэри Кэтрин просчитала разные варианты. Можно превысить скорость, но если она при этом нарвется на штраф, то будет заперта дома до скончания века. Можно пару раз пренебречь знаком «стоп», но это еще хуже. Единственная разумная возможность – свернуть на девятнадцатое шоссе, но отец запрещал ей выезжать на скоростные трассы. Чти отца своего и мать свою – в большинстве случаев она придерживалась этой заповеди, но сейчас возникла чрезвычайная ситуация. Нужно было либо съехать на девятнадцатое шоссе и за пару минут добраться до дому, либо смириться с опозданием.

Она вписалась в поворот.

Движение было просто сумасшедшее. У нее колотилось сердце, когда все попутные автомобили обгоняли ее по левой полосе, а в правой тащилась она одна с дозволенной ей в темное время суток скоростью семьдесят километров в час. Нет, рисковать она не могла. Ни под каким видом. Тем более на магистрали. Да отец за одно это отберет у нее права. И она никогда больше не сядет за руль маминой «Вольво».

– Боже милостивый, – заговорила вслух Мэри Кэтрин, – помоги мне успеть домой до полуночи, и в воскресенье я пожертвую церкви больше обычного, клянусь.

При этих словах что-то стало ее душить. Застарелая вина. Застарелый страх. Как ей помнилось, началось это в минувшем году, под Рождество, когда они с Дагом припарковались возле

²¹ ...католический университет «Нотр-Дам». – Университет, расположенный в г. Саут-Бенде, штат Индиана, основан в 1842 г. На протяжении многих лет входит в двадцатку лучших университетов США. До 1972 года студентами являлись только мужчины. Среди выпускников – 66-й государственный секретарь США (2005–2009) Кондолиза Райс, астронавт Джеймс Уэзерби, телеведущий Фил Донахью. Университет имеет самую богатую университетскую библиотеку в мире (более 3 млн печатных изданий).

милл-гроувской начальной школы. Начали целоваться с языком, и вдруг Даг коснулся ладонью ее левой груди через пушистый свитер – бабушкин подарок. Это длилось не более секунды, и он клялся, что у него просто соскользнула рука. Но Мэри Кэтрин на это не повелась. Она сильно на него рассердилась. Но если честно, еще больше она рассердилась на себя.

Потому что ей было приятно.

Она не собиралась признаваться в этом Дагу. Но вернувшись домой, невольно раз за разом прокручивала в голове тот миг. Воображала, будто его руки проникли под блузу и легли на чашечки бюстгальтера. А потом проникли под бюстгальтер. И заскользили по голому телу. От жуткого чувства вины ей уже стало казаться, что она могла забеременеть от руки Дага, которая легла на ее пушистый свитер. Безумие, конечно. Хотя понятно, что забеременеть можно только от полового акта. Не зря же она посещала занятия по охране здоровья. Как-никак, ее родители-католики не доводили свою веру до такого абсурда. И все же страх не отступал. И она поклялась Господу, что покается во всех своих грехах и оставит на подносе для пожертвований все деньги, заработанные присмотром за детьми, если только Он избавит ее от унижения беременностью. На другой день у нее начались месячные. Облегчение было так велико, что она расплакалась. При первой же возможности пошла на исповедь к отцу Тому и отнесла Господу все, что скопила, подрабатывая няней.

Но тот случай ее надломил. Ведь греховные мысли – это уже грех. Так говорила миссис Рэдклифф, наставница из Общинного католического центра. А вдруг бы Мэри Кэтрин умерла, не успев исповедаться и очиститься от скверны? Ответ приводил ее в ужас.

А потому ей требовалось разработать некую систему предварительного оповещения. Чтобы заранее понимать, не оказался ли предыдущий ее проступок столь греховным, что Господь отправит ее напрямиком в ад. С месяц она строила планы. А потом, начав самостоятельно управлять автомобилем, увидела на шоссе оленя, который направлялся в ее сторону.

Сбить оленя.

– Господь милосердный, – заговорила она, – если мне все равно одна дорога – в ад, сделай так, чтобы моя машина сбила оленя.

Понятно, что это были безумные речи, но такая договоренность мгновенно избавила ее от страха. Она поклялась хранить это в секрете от всех. От матери. От миссис Рэдклифф. От отца Тома. От Дага. В особенности от Дага. Ведь она вступила в тайный сговор с Творцом.

– Боже милостивый, услышь мои молитвы, сделай так, чтобы я сбила оленя: тогда я пойму, тяжким ли был мой прошлый грех. И у меня останется время заглядеть свою вину перед Тобой. Прости, я виновата, что получила наслаждение, когда он дотронулся до моего свитера (но не до груди!). Я так виновата.

23.57

Она повторяла эти слова вновь и вновь. Так долго, что они превратились в какой-то фоновый шум. Как репортажи о бейсбольных матчах, под которые отец у себя в кабинете мастерил кораблики, или как завывания маминого пылесоса – ревнителя идеальной чистоты ковров. Стоило ей заметить на обочине дороги оленя, как она притормаживала и молилась, чтобы он оставался на месте.

23.58

Она свернула с автострады в сторону МакЛафлин-роуд. Луна была тусклой и сумрачной. Мэри Кэтрин смотрела во все глаза. Оленей сюда забегало множество. В особенности после того, как мистер Коллинз начал вырубать участок Леса Миссии под новое строительство. Здесь требовалось удвоенное внимание.

23.59

У нее подводило живот, сердце рвалось из груди. До дома оставалось всего ничего. Если не прибавить газу, опоздание неизбежно. Но если газануть, то что делать, если на дорогу выбежит олень? Выход был один: пренебречь знаком «стоп» на горке. Оленя сверху видно метров

за сорок. Лес не подходит вплотную к дороге. Значит, можно и не останавливаться – авось пронесет.

00.00

Ну вот. Пришло время выбирать. Либо проскочить на знак «стоп» и подкатить к дому вовремя, либо доехать с соблюдением правил, опоздать и понести наказание.

– Боже милостивый, подскажи, как мне быть, – истово и смиренно молила она.

То чувство нахлынуло на нее разом.

Она ударила по тормозам.

И резко, сразу остановилась.

А иначе даже не посмотрела бы с горки вниз. И не увидела бы, как из лесу выходит мальчик. Облепленный грязью, изможденный. Это личико смотрело с расклеенных по всему городу листовок, сообщавших об исчезновении ребенка. Надумай Мэри Кэтрин проскочить на знак «стоп» без остановки, она бы вообще не заметила этого мальчугана.

И на сто процентов сбила бы его насмерть.

Глава 8

– Кристофер? – позвал чей-то голос. – Кристофер?

Мальчик замерз. Он был накрыт больничным одеялом, тонким и колючим.

– Кристофер? Ты слышишь нас? – допытывался тот же голос.

Мальчик поднял веки. Почувствовал резь в глазах, как будто вышел из кино на солнечный свет. Сощурившись, попытался оглядеть палату и смутно различил силуэты каких-то людей. Над ним склонился врач. Мальчик видел его как в тумане, но чувствовал ледяное прикосновение стетоскопа к груди.

– Немного порозовел, – отметил врач. – Кристофер, слышишь меня?

Мальчик обвел глазами палату и увидел свою мать. Будто светлое пятно. Ощутил у себя на лбу ее теплую, нежную руку. Так бывало всегда, когда он болел.

– Я здесь, солнце, – сказала мать, и голос ее слегка дрогнул.

Кристофер хотел ответить, но слова застряли в пересохшей гортани. Было больно глотать, в горле першило.

– Солнце, если слышишь, пошевели пальцами на ноге, – попросила мать.

Кристофер даже не знал, получилось у него или нет. Пальцы ног почти утратили чувствительность. Ему по-прежнему было очень холодно. Но, похоже, у него все-таки получилось.

– Молодчина, – изрек доктор. – А рукой можешь пошевелить?

Он попробовал. Но руки онемели. В них ощущалось легкое покалывание.

– Кристофер, – прозвучал другой мужской голос. – Ты разговаривать можешь?

С трудом приоткрыв глаза, мальчик увидел шерифа. Сразу вспомнился тот день, когда мама получила работу в пансионате «Тенистые сосны». Шериф – здоровенный. Высокий, словно шест для игры в тетербол²² на школьном дворе.

– Разговаривать можешь? – повторил шериф.

В горле ужасно першило. Кристофер вспомнил, как болел ангиной и пил микстуру с незнакомым, каким-то вишневым привкусом. Сглотнув, он попытался издать хоть какой-нибудь звук. Для пересохшей гортани задача была непосильной.

Кристофер помотал головой: нет.

– Ничего страшного, сынок, – продолжал шериф. – Но я должен задать тебе пару вопросов. Показывай кивком – да или нет, хорошо?

Кристофер утвердительно кивнул.

– Годится. Ты оказался в северной части Леса Миссии. Тебя туда кто-то привез?

В палате повисло напряженное молчание. Все ждали ответа. Кристофер изо всех сил напрягал память, но так ничего и не припомнил. Совсем ничего. Нет, вряд ли его привезли в лес на машине. В таком случае у него хоть что-нибудь отложилось бы в мозгу. Поразмыслив, Кристофер мотнул головой. Нет. И услышал, как по палате пролетел вздох облегчения.

– Стало быть, ты заблудился? – продолжал шериф.

Кристофер изо всех сил сосредоточился, как на уроке чтения. Если его никто не привозил, значит, заблудился. Логично.

Он кивнул. Да, заблудился.

Уже без холодного стетоскопа доктор продолжил осмотр, ощупывая конечности и суставы мальчика своими огромными, шершавыми руками. Чтобы измерить давление, обмотал

²² ...шест для игры в тетербол... – Тетербол – спортивная игра, популярная в Европе и Северной Америке. Инвентарь для игры составляют шест длиной около 2,5 метра, веревка длиной 2,25 метра, веревка, связывающая шест с мячом, и мяч. Цель игры – первым закрутить мяч, привязанный к веревке, вокруг шеста. В знаменитом американском мультсериале «Симпсоны» герои на переменах играют в тетербол.

застежку-липучку вокруг худенького предплечья. Кристофер в ужасе понял, что после этого придется еще писать в стаканчик. Стыд какой.

– В лесу... на тебя кто-то напал? – спросил шериф.

Кристофер помотал головой. Нет. Доктор нажал на кнопку, и аппарат с шумом начал сжимать детскую руку. Измерив давление, врач резко оторвал липучку и стал делать торопливые записи. Мальчик слышал, как по бумаге шуршит стержень.

Ш-ш-ш-ш-ш.

– Ты пошел на гул транспорта? И выбрался из леса?

Кристофер заглянул в докторский блокнот. Слегка забеспокоился. Голову будто сдавило тисками. Тупая ноющая головная боль обычно проходила, когда мама давала ему таблетку аспирина, на вкус – точь-в-точь мелок, только с апельсиновой отдушкой. Но сейчас ощущение было совсем иное. Такой головной боли с лихвой хватило бы на двоих.

– В лесу... Ты шел на гул транспорта? И сумел выбраться?

Кристофер взял себя в руки. Превозмогая боль, замотал головой. Нет.

– То есть ты нашел дорогу самостоятельно?

Мальчик снова мотнул головой. Нет. В комнате повисла тишина.

– Ты не знал, куда идти? Кто-то тебе помог?

Он кивнул. Да.

– Кто это был, Кристофер? – спросил шериф.

Протянув мальчику блокнот и ручку, он попросил написать имя. Кристофер с трудом сглотнул. И прошептал. Еле слышно.

– Славный человек.

Глава 9

Д-р Карен Шелтон: Где ты заметил этого славного человека, Кристофер?

Кристофер: На лесной дорожке, он шел от поляны в другую сторону. Далеко уже.

Д-р Карен Шелтон: И когда ты его увидел... что было потом?

Кристофер: Я закричал, стал звать на помощь.

Д-р Карен Шелтон: Он тебя услышал?

Кристофер: Не-а. Он дальше пошел.

Д-р Карен Шелтон: И ты за ним?

Кристофер: Ага.

Д-р Карен Шелтон: Ты раньше говорил, что в лесу было светло, и ты подумал, что настал день?

Кристофер: Ага. Он из леса уходил. И свет был яркий. Вот я и подумал, что настал день.

Д-р Карен Шелтон: Но оказалось, это светила фарами машина Мэри Кэтрин.

Кристофер: Да.

Д-р Карен Шелтон: А когда ты выбрался из леса, куда подевался тот славный человек?

Кристофер: Не знаю. Убежал, наверно.

Нажав на «паузу», шериф взгляделся в Лес Миссии. Почти всю вторую половину дня его машина была припаркована на лесной опушке. Он во все глаза смотрел сквозь лобовое стекло. И одновременно прокручивал эту запись. Раз за разом. Уже сам перестал понимать, что хочет услышать. Но не то, что лезло в уши. А нечто такое, что постоянно ускользало.

Он отработал сверхурочно две смены. Бюджет не резиновый – как будет оплачиваться время, потраченное им самим и его подчиненными (включая двух женщин)? А бюджетных средств не хватало даже на то, чтобы заменить этот древний кассетник. Ну да ладно. Главное сейчас – задержать «славного дядю».

При условии, что тот существует, разумеется.

Шерифа терзали подозрения. Он без труда представил, каково пришлось семилетнему шкету, измученному обезвоживанием, голодом и страхом. Такой, конечно, ждал, чтобы кто-нибудь его обнял, вот и внушил себе, что древесные сучья похожи на руки.

Но присутствовал ли там вообще человек – хоть славный, хоть какой – в этом еще требовалось разобраться.

Не для того, чтобы отблагодарить этого Доброго Самаритянина²³.

А в первую очередь для того, чтобы установить, имело ли место похищение.

Д-р Карен Шелтон: Кристофер, а как выглядел этот славный человек?

Кристофер: Не знаю. Я лица его ни разу не видел.

Д-р Карен Шелтон: Но хоть что-нибудь в нем тебе запомнилось?

Кристофер: Волосы белые. Как облако.

Шериф много чего посмотрел на прежнем месте службы. В Хилл-дистрикте – самом неблагополучном районе Питтсбурга. Видел, какие преступления совершаются против детей. А дети у него на глазах лгали, из страха выгораживая виновных. Или еще того хуже... из преданности. Но в беседе с врачом он выяснил, что Кристофер, судя по всему, не пострадал. Во

²³ Не для того, чтобы отблагодарить этого доброго самаритянина. – Притча о добром самаритянине – одна из известных притч Иисуса Христа, упоминаемая в Евангелии от Луки. Она рассказывает о милосердии и бескорыстной помощи попавшему в беду человеку со стороны прохожего самаритянина. Прозвание «добрый самаритянин» стало нарицательным для обозначения доброго и бескорыстного человека, готового помочь каждому, кто оказался в беде.

всяком случае, у него на теле не обнаружили никаких видимых следов физического воздействия.

Впрочем, опыт подсказывал шерифу, что не каждая рана оставляет видимый след.

Д-р Карен Шелтон: Еще что-нибудь сможешь припомнить?

Кристофер: Он прихрамывал. Как будто ногу сломал.

Шериф остановил запись и рассмотрел сделанный художником набросок. Доктор Шелтон испробовала все средства, описанные в справочниках, но Кристофер так и не вспомнил лицо славного человека. Хотя в остальном дал вполне достоверное описание. Рост высокий. Припадает на одну ногу. И еще волосы белые.

Как облако.

Поднеся к губам картонный стаканчик из кофейни «Данкин Донатс», шериф прополоснул рот горьким, холодным кофе. Еще с минуту поизучал набросок. Что-то не так. Он нутром чувал.

Шериф открыл дверцу автомобиля.

Вышел.

И направился в глубь Леса Миссии.

Этот лес шериф знал плохо. Раньше его в этот пригород не заносило. И только завершив то последнее дело в Хилл-дистрикте, он подал рапорт о переводе. Выбрал для себя место потише – городок Милл-Гроув. Здесь его все устраивало, если не считать подпольной лаборатории по производству метамфетамина, организованной парой экспертов, подвизавшихся на ярмарке научных идей. Нарушения общественного порядка ограничивались употреблением алкоголя лицами, не достигшими установленного возраста, да изредка – нахождением голый малолетки на заднем сиденье арендованного папиком спортивного автомобиля. Ни тебе оружия. Ни убийств. Ни уличных банд.

Рай земной.

Рай длился без малого один год. После чего дежурному поступил сигнал об исчезновении мальчика по имени Кристофер Риз, и мать потребовала немедленной встречи с шерифом. Пришлось ему вылезти из постели и поставить в микроволновку выдохшийся кофе. Перебив кофейную горечь тремя щепотками соли, он потягивал этот напиток всю дорогу до участка. По прибытии он уже был полностью готов снять с заявительницы показания, объявить сбор всего личного состава и подставить женщине накачанное, обтянутое формой плечо, чтобы та смогла выплакаться.

Но у матери Кристофера слез не было.

Она принесла с собой недавнее фото ребенка. Список приятелей. Расписание уроков и внеклассных занятий. И его обычный распорядок дня. Когда шериф спросил, кто мог желать зла матери или ребенку, она назвала только одного человека. Своего бывшего сожителя из Мичигана по имени Джерри Дэвис.

Шерифу оказалось достаточно одного щелчка мышью, чтобы увидеть в Джерри подозреваемого. Не то чтобы отъявленный рецидивист, но склонен к насилию. Драки в питейных заведениях. Нанесение побоев бывшей жене. В подпитии поднял руку на мать Кристофера. Отрубился. В ту же ночь она его бросила. Шериф ее зауважал: она не стала проверять, сдержит ли сожитель свое обещание «завязать». Большинство известных шерифу женщин терпели, пока не оказывалось слишком поздно.

– Как вы считаете, миссис Риз, Джерри мог похитить Кристофера?

– Нет. Я замела следы. Он никогда нас не найдет.

Но шериф хотел удостовериться. Воспользовавшись служебным телефоном с блокиратором номера, он связался с начальником цеха и узнал, что Джерри всю неделю вкалывал

на заводе. А если кто не верит – это зафиксировано камерами видеонаблюдения. Начальник цеха спросил, в чем, собственно, дело, но шериф решил не давать Джерри наводок относительно местонахождения Кристофера и его матери. А потому сказал, что звонит из Калифорнии. Поблагодарил своего собеседника и повесил трубку.

Когда подозрения с Джерри Дэвиса были сняты, шериф организовал надлежащие следственные действия. Сам опросил учителей и одноклассников ребенка, а помощников откомандировал просматривать все имеющиеся записи с камер наружного наблюдения и придорожных видеокамер в радиусе пятнадцати километров. Но ребенок как сквозь землю провалился. Никаких признаков похищения. А прошедший ливень не оставил шансов найти хотя бы один след.

Единственный достоверно установленный факт заключался в том, что Кристофер вышел из школы и ждал, когда за ним приедут. Его мать сказала, что лил сильнейший дождь. Видимость была нулевой. На шоссе валялись свидетельства многочисленных аварий. Складывалось такое впечатление, будто сама природа, по словам матери, воспротивилась ее поездке за сыном.

Д-р Карен Шелтон: Почему ты не захотел подождать в школе, Кристофер?

Кристофер: Не знаю.

Д-р Карен Шелтон: Но ты ведь знал, что за тобой приедет мама. Так почему же ты ушел из школы?

Кристофер: Не помню.

Д-р Карен Шелтон: Постарайся вспомнить.

Кристофер: Что-то голова разболелась.

На исходе шестого дня шериф уже не сомневался, что ребенка силой затащили в проезжавшую машину. Разумеется, поиски не прекращались, но в отсутствие новых фактов, зацепок и подозреваемых следствие грозило зайти в тупик. И меньше всего ему хотелось приносить плохие вести хорошей женщине.

В общем, когда стало известно, что Мэри Кэтрин МакНил нашла Кристофера к северу от Леса Миссии, в полицейском управлении не могли в это поверить. Как, скажите на милость, семилетний мальчонка, никем не замеченный, умудрился проделать путь от начальной школы до противоположного конца огромного лесного массива? Шериф, горожанин до мозга костей, даже не мог вообразить протяженности этой территории в пять квадратных километров, но умом понимал, что в сравнении с такой площадью торговый центр «Саут Хиллз Виллидж» выглядит как фургон по продаже хот-догов. Местные поговаривали, что этот лес даст сто очков вперед Центральному парку в Нью-Йорке (если Центральный парк и вправду так огромен). Уму непостижимо. Но чего только не бывает.

Чудеса, да и только.

Когда шериф примчался в больницу, чтобы взять показания у мальчика, в приемном покое сидела Мэри Кэтрин МакНил с родителями. Девушка рыдала:

– Папа, клянусь Богом, я ехала домой вовремя и вдруг увидела малыша. Иначе я ни за что не явилась бы за полночь! Не отбирай у меня права! Умоляю!

Шерифа после смерти матери воспитывала тетка – такая же суровая, как эти родители, да еще повернутая на Библии. Посочувствовав девушке, он заготовил для этого семейства широкую улыбку и крепко пожал всем руки.

– Мистер и миссис МакНил, я шериф Томсон. Могу себе представить, как вы гордитесь своей дочерью.

Затем он сверился с папкой-планшетом и постарался, чтобы следующие фразы прозвучали как можно более официально:

– По моим сведениям, звонок от Мэри Кэтрин поступил в участок за пять минут до полуночи. Это большая удача. Я как раз готовился смениться с дежурства. Теперь, если вам когда-

нибудь выпишут штраф за парковку, тут же приносите квитанцию мне, и я собственноручно ее порву. Ваша дочь совершила героический поступок. Город у вас в долгу.

Шериф сам не знал, что растопило лед. То ли папка с документами. То ли рукопожатие. А может, освобождение от штрафа за парковку – кому охота выбрасывать на ветер тридцать пять баксов? Так или иначе, что-то из этого сработало. Мать просияла гордостью, а отец похлопал дочь по плечу, как будто перед ним стоял сын, о котором он только мечтал. Однако у Мэри Кэтрин даже не вырвалось вздоха облегчения, она как-то съежилась, и шериф сразу понял: девчонка соврала, что ехала домой вовремя. Но она спасла ребенка, а стало быть, заслуживала некоторого поощрения.

– Спасибо тебе, Мэри Кэтрин, – обратился он к ней и добавил, чтобы слегка приободрить: – Бог свидетель: ты совершила воистину доброе дело.

Отойдя от МакНилов, шериф направился в холл – проверить, как там Кристофер и его мать. Едва он увидел, как она обнимает спящего мальчика, ему в голову пришла странная мысль. За долю секунды, до того, как в нем заговорил полицейский, он подумал, что никогда не видел, чтобы один человек любил другого так сильно, как эта женщина любит своего сына. Ему трудно было представить, чтобы на долю провинившегося ребенка доставались такие вот теплые объятия, а не постоянные теткинны выволочки: за что, дескать, ей это сущее наказание. Интересно, каково это – когда тебя любят. Хотя бы немножко. Когда тебя любит она.

Д-р Карен Шелтон: С какой целью ты пошел в лес, Кристофер?

Кристофер: Не знаю.

Д-р Карен Шелтон: За эти шесть дней тебе запомнилось хоть какое-нибудь событие?

Кристофер: Не-а.

Ступив под полог лесной чащи, шериф направился к поляне. Вековые деревья заслоняли солнечный свет. Несмотря на ранний час, пришлось достать фонарик. Под ногой треснула сухая ветка, словно вилочковая кость запеченной индейки, на какой в День благодарения мама учила его загадывать желания. Упокой, Господь, ее душу.

хрусть.

Резко развернувшись, он увидел, что за ним с расстояния наблюдает олень. На мгновение шериф замер. И стал приглядываться к этому пытливому мирному животному. Потом сделал шаг в его сторону, и олень сорвался с места, чтобы исчезнуть. Шериф с улыбкой продолжил путь.

Наконец он дошел до поляны.

В небе сияло восхитительное осеннее солнце. Шериф медленно кружил по этой лесной прогалине, ища хоть какие-нибудь подтверждения словам Кристофера. Но так и не увидел ни редких сломанных веток, ничего. И никаких следов, кроме отпечатков обуви самого Кристофера.

Шериф поддевал ногой землю.

Высматривал потайные лазы.

Искал секретные ходы в штольню.

По нулям.

Только одиноко стоящее дерево и куча вопросов.

Д-р Карен Шелтон: Извини, что пристаю с расспросами, когда у тебя болит голова. Остался последний вопрос – и мы закончим. Договорились?

Кристофер: Договорились.

Д-р Карен Шелтон: Если ты даже не разглядел его лица... Почему ты решил, что этот человек – славный?

Кристофер: Он хороший, он меня спас.

Шериф нажал кнопку «стоп». Вышел из леса и поехал обратно в больницу. Припарковался на специально отведенном месте для полицейского транспорта, около машины скорой помощи. А затем по уже знакомому коридору направился к палате Кристофера Риза. Мать Кристофера по-прежнему находилась рядом с сыном. Это была совсем не та женщина, которую он видел всю неделю – обезумевшая, с опухшими глазами. Волосы уже не стянуты на затылке. Спортивные штаны и растянутая фланелька сменились джинсами и блейзером. Шериф задохнулся бы от восторга, не будь он поглощен служебными обязанностями.

– Вы позволите, миссис Риз? – спросил он, постучавшись. – Я только что вернулся из леса. У вас найдется минутка?

Она бесшумно встала и вывела его из палаты, чтобы не разбудить Кристофера.

– Нашли что-нибудь, шериф?

– Ничего. Слушайте, я прикажу своим помощникам еще раз прочесать лес, но почти уверен, что они лишь подтвердят мои интуитивные предположения.

– И какие же?

– Наверняка всему виной голод и жажда. В любом случае, мэм, – вы уж доверьтесь моему опыту – никакого славного человека там не было. Перепуганный мальчуган сутками блуждал по лесу, оголодал, отчаялся – ему уже стало мерещиться, вот он и решил, что это некий воображаемый друг или кто-то в этом духе. Как иначе объяснить, что там нет ничьих следов, кроме его собственных? При этом доктор Шелтон считает такое воображение признаком развитого интеллекта вашего ребенка, – добавил шериф, пытаясь смягчить свои предположения.

– Расскажите это его учителям, – усмехнулась женщина.

– Всенепременно! – отшутился он.

– Но вы не утратите бдительность. – Это прозвучало скорее как утверждение, нежели вопрос.

– Разумеется. Будем ежедневно патрулировать лес. Если что-нибудь обнаружим, вы узнаете первой.

– Спасибо, шериф. За все.

– Служба, мэм.

При этих словах Кейт Риз улыбнулась и снова стала просто матерью Кристофера. Глядя, как она возвращается в палату сына, он вспомнил их встречу в августе. Тогда он со своим заместителем обедал в уличном кафе, а она оставила Кристофера в скверике на качелях и попросила за ним присмотреть. Больше всего его поразило то, что она, прежде чем попросить об этой услуге, быстрым взглядом зафиксировала надкушенные сэндвичи и дала себе примерно полчаса, обеспечив своему ребенку высококлассный присмотр. Что может быть надежнее внимания сразу двух стражей порядка? Так что с образованием она или нет, но ума ей не занимать, он это видел невооруженным глазом. И все при ней, пусть даже одета буднично. Шериф пообещал себе непременно пригласить Кейт Риз на ужин, когда расследование останется позади. Он надеялся, что придет она в том же симпатичном блейзере. В том самом, с прорехой, которую так старательно прятала.

Глава 10

Когда Кейт вошла в палату, Кристофер стоял у окна и смотрел на улицу. Много лун тому назад точно так же любил стоять его отец. На миг забыв про больницу, она задумалась о судьбе сына. С каждым днем он будет все больше походить на отца. Когда-нибудь у него начнет ломаться голос. И когда-нибудь сын ее перерастет. С трудом верилось, что лет через шесть Кристофер уже будет бриться. Определенно. Как все парни. А ее дело – заботиться, чтобы из него получился столь же замечательный мужчина, как этот мальчуган.

Ну и, конечно, не давать его в обиду.

Он с улыбкой повернулся. Ее рука нашла его ладошку, и дальше мать заговорила шепотом. Словно по секрету.

– Привет, солнце. У меня для тебя сюрприз.

Открыв сумку, Кейт увидела, как у него загорелись глаза. Хорошо зная сына, она почувствовала, что он сейчас просит Иисуса и Пресвятую Деву, чтобы там оказалась коробочка хрустиков «Фрут-лупс». Мальчик двое суток сидел на больничной еде. Двое суток терпел едва ли не самое большое наказание. Овсянку.

– Это из школы, – продолжала она, явственно видя, как у него падает сердце.

Вместо хрустиков мать Кристофера извлекла из сумки большой белый конверт и протянула сыну. Этот конверт они распечатали вместе и вытащили гигантскую открытку, на которой был изображен Плохой Кот, втягивающий в себя пузырь со словами: «Не хмурррься, выздоравливай скорее».

– Там весь класс расписался. Приятно, да?

Кристофер промолчал, но по глазам было видно, что он понял: одноклассников просто заставили подписать эту открытку, точно так же, как заставляли дарить «валентинки» всем без исключения, чтобы никого не обидеть. И все же он улыбнулся.

– А отец Том во время службы попросил всех прихожан за тебя помолиться. Какой внимательный, правда?

Ее мальчик покивал.

– Ой, чуть не забыла, – спохватилась она. – У меня ведь тоже кое-что для тебя припасено. С этими словами она достала из сумки маленькую коробочку «Фрут-лупс».

– Спасибо, мам! – обрадовался он.

Коробка из вошеного картона не требовала миски. Кристофер с нетерпением вскрыл упаковку, а мать достала ложечку и столовское молоко. Ел он с таким вождением, будто ему подали деликатес из омара.

– Тебя завтра выписывают, – сообщила мать. – Что у нас завтра? Не могу сообразить. Среда или четверг?

– Завтра кинопятница, – подсказал он.

От его сияющего личика у нее сжалось сердце. Ребенок абсолютно счастлив. Ему неизвестно, что больница выставила ей счет на сорок пять тысяч. И что страховая компания отказалась возмещать эти расходы, ссылаясь на недостаточный стаж работы Кейт в местном доме престарелых. И что во время его розыска она взяла неделю за свой счет. И что теперь их ждет полный финансовый крах.

– Ну и какие планы на завтра? – спросила Кейт.

– Съездим в библиотеку и возьмем напрокат фильмы, – ответил Кристофер.

– Это уже поднадоело, – сказала она. – Не хочешь для разнообразия предложить что-нибудь другое?

– Например, что?

– Говорят, с завтрашнего дня выходит на экраны «Плохой Кот в 3D».

Молчание. Сын уставился на нее, прекратив жевать. Они еще ни разу не ходили на новые фильмы. Вообще никогда.

– Я договорилась с мамой Эдди. Завтра вечером поедem все вместе.

Сын так крепко ее обнял, что у нее заныл позвончик. Врачи уверяли, что у ребенка нет никаких признаков психологического стресса. Никаких признаков сексуального или иного насилия. Мальчик практически здоров. Не может ли быть такого, что ему просто требуется непререкаемый авторитет, защитник – либо замена отцу, либо воображаемый друг? Если уж некоторым в расплавленном сыре на горячем ломтике хлеба порой мерещится лик Иисуса, семилетний мальчик тем более способен вообразить что угодно. Ее сын жив. Остальное не играет роли.

– Кристофер, – начала она. – В тот день хлынул жуткий ливень. На дороге было множество аварий. Да еще на легковушку, ехавшую впереди меня, выпрыгнул олень. Я бы ни за что не бросила тебя одного у школы. Никогда. Ты сам понимаешь.

– Понимаю, – сказал он.

– Кристофер, сейчас мы с тобой остались наедине – только ты и я. Врачей рядом нет. С тобой что-нибудь приключилось? Тебе кто-нибудь сделал больно? – спросила она.

– Нет, мам. Никто. Честное слово.

– Я должна была приехать вовремя. Прости меня, – выговорила она.

А потом обняла его так крепко, что чуть не задушила.

* * *

В ту ночь Кристофер с мамой лежали на больничной койке бок о бок, как бывало раньше, пока мама не объявила, что он уже большой и должен бороться с чудовищами самостоятельно. Теперь она спала, и ее дыхание оведало лицо сына. Кристофер заметил, что даже в больничной палате от мамы пахнет по-домашнему.

Он повернулся к окну и стал ждать, чтобы у него тоже сомкнулись веки. Уставившись в безоблачное небо, Кристофер пытался разобраться, что же происходило с ним в течение шести суток. Ясное дело: взрослые не верили в славного человека. Может, они и правы. Может, это и в самом деле «плот воображения», как сказал Тормоз Эд.

А может, и нет.

Только одно Кристофер знал наверняка: проснулся он в чаще леса. На огромной поляне. С одним-единственным деревом. Не понимая, как туда попал и как будет выбираться. Вот тогда-то он и увидел вдалеке доброго, по его мнению, человека, последовал за ним и вышел из леса.

Лучи солнца оказались фарами автомобиля милой девушки.

Она воскликнула: «Благодарю Тебя, Господи!»

И домчала Кристофера до больницы.

Перед тем как закрыть глаза, Кристофер напоследок посмотрел в окно и увидел плывущие облака, которые заслоняли луну. Что-то знакомое было в этих облаках, но что именно – вспомнить не удавалось. В тишине он ощутил у себя первые признаки головной боли. И тут же погрузился в мирный сон.

Глава 11

– Нет! – закричал он и резко сел в постели, очнувшись ото сна.

Глаза тотчас же привыкли к темноте. Он увидел небольшую коробку из-под молока с фотографией Эмили Бертович. Увидел закрепленный под потолком телевизор. И маму, спящую в большом кресле у кровати. Тут он все вспомнил.

Его же увезли в больницу.

В палате царило спокойствие. Свет исходил только от электронных часов. На зеленом экране мигало 23:25. Кристофер, считай, никогда не просыпался среди ночи.

Но уж очень страшный был сон.

Сердце колотилось в ребра. Он прямо чувствовал, как в груди отбивают дробь барабанные палочки. Припомнить сон нипочем не удавалось – ни единой подробности. От него осталась только легкая головная боль, как будто виски ему сжимали чьи-то костлявые пальцы. Чтобы себя обезопасить, Кристофер юркнул под тонкое, колючее одеяло, но стоило ему чуть-чуть расслабиться, как под просторной больничной рубахой, внизу живота, почувствовалось нестерпимое давление.

Нужно было сходить пописать.

Кристофер спустил ноги на холодный кафельный пол и двинулся на цыпочках в сторону туалета. Уже взявшись за дверную ручку, он вдруг остановился от какого-то странного предчувствия. На миг ему померещилось, будто за дверью кто-то есть.

Приложив ухо к деревянной филенке, он прислушался.

«Кап... кап... кап...» – твердил водопроводный кран. Кристофер непременно спросил бы: «Есть тут кто-нибудь?», да побоялся разбудить маму. А потому только поскребся в дверь. Выждал, но никакого отклика не услышал. Решительно сжав дверную ручку, Кристофер начал отворять дверь. Но остановился. Что-то было не так. Казалось, внутри прячется чудовище. Или нечто похуже. Нечто за дверью вроде бы шуршало. Причем по-особому: звук – как от детской погремушки, что ли. Только это не младенец забавлялся. А гремучая змея.

Кристофер поспешно выскочил из палаты.

Он брел сквозь темноту и тихое жужжанье аппаратуры. Поглядел на стойку сестринского поста, за которой сидели две дежурные медсестры. Одна разговаривала по телефону. Кристофер ее узнал: сестра Тэмми, самая добрая – всегда приносила ему добавку десерта.

– Да, папа. На мамин день рождения куплю к столу хорошего вина. Да-да, как ты говорил – «мерЛЮТ». Ну, ладно, спокойной ночи. – Сестра Тэмми повесила трубку.

– Твой отец не в курсе, что правильно говорить «мерЛЮ»? – спросила ее напарница.

– Нет, не в курсе, зато он оплатил мою учебу в медицинском колледже, – улыбнулась сестра Тэмми. – Так что не мне его поправлять.

Кристофер распахнул дверь в мужской туалет.

Там никого не оказалось. Он подошел к писсуару. К детскому. Повозился с длинной, широкой рубахой. И пока облегчался, вспоминал, как Тормоз Эд ходил в уборную после дополнительных занятий по чтению: вставал шагах в пяти от писсуара и упражнялся «на дальность». Кристофер скучал по Тормозу Эду. Не мог дождаться их завтрашней встречи – им обещали «Плохого Кота в 3D»!

Он так размечтался, что не услышал, как у него за спиной отворилась дверь.

Кристофер перешел к раковине, чтобы помыть руки. Дотянуться до жидкого мыла оказалось непросто: пришлось встать на цыпочки. Дозатор со стоном плюнул ему на запястье. Намылив руки, Кристофер еще раз привстал на цыпочки, чтобы подставить руки под сенсорный кран. Но, как ни тянулся, достать не смог.

И тут у него из-за спины протянулась дряхлая рука, и вода полилась струей.

– Она уже близко, – сказал голос.

Вскрикнув, Кристофер обернулся.

И увидел старуху. Сама вся в морщинах, спина сгорблена, как знак вопроса.

– Ясно вижу. Идет за нами, – добавила она.

И закурила. В проблеске света Кристофер увидел ее пятнисто-желтые вставные зубы. Идеально ровные. Одной рукой старуха опиралась на трость. В другой, трясущейся от артрита и старости, подрагивала сигарета. Трость отстукивала по полу: тук-тук-тук.

– В преддверии встречи с нею мальчикам положено хорошенько мыть руки, – выговорила старуха.

У нее, как у дракона, изо рта вырывался дым; Кристофер попятился.

– Куда это собрался наш мальчик? – спросила она и двинулась за ним. – Мальчикам положено мыть руки дочиста!

Он ударился спиной о кабинку для инвалидов. Дверь со скрипом подалась, как ржавая калитка.

– От нее не спрячешься! Мальчикам положено встречать ее чистенькими! Смерть уж близко! Все мертво! Мы умрем на Рождество! – объявила старуха.

Спина Кристофера вжалась в стенку. Больше отступить было некуда. Ему в лицо било прокуренное дыхание. Он собрался закричать. Слова рвались наружу: «Помогите! Не трожь меня! Эй, кто-нибудь!» Но застревали в горле. Как в тех ночных кошмарах, что преследовали его после папиной смерти – тогда он даже не мог встать.

– СМЕРТЬ УЖ БЛИЗКО! ВСЕ МЕРТВО! МЫ УМРЕМ НА РОЖДЕСТВО!

В конце концов к нему все же вернулась речь, и он завопил:

– ПОМОГИТЕ!

В считанные секунды вспыхнул верхний свет. В кабинку ворвался какой-то старик в очках, круглых и толстых, как донышки бутылок из-под кока-колы.

– Миссис Кайзер, за каким чертом вас сюда принесло? Мало того, что сигареты таскаете, так еще и мальчика-беднягу совсем перепугали. А ну-ка, ноги в руки и марш в койку, – потребовал он.

Старуха испепелила его злобным взглядом.

– Не твое дело! Катись давай, – проскрежетала она.

– Это как раз мое дело – когда я пытаюсь посмотреть «Сегодня вечером», вы через коридор почему зря нагоняете страху на ребенка! – гаркнул старик.

Он выхватил у нее сигарету и бросил в унитаз. В воде окурков сердито зашипел.

– Хватит дурить, ступай к себе в палату, сумасшедшая баба. – Он указал пальцем на дверь.

Старуха заглянула в унитаз, где покачивалась серая от пепла вода, а затем повернулась лицом к Кристоферу. Ее угольно-черные глаза вспыхнули злобой.

– Сумасшедших не бывает, так и знай, мальчик. Есть та, которая не спускает с тебя глаз.

На мгновение взгляд ее дрогнул. Как огонек свечи на сквозняке.

– Да убирайся же, старая крыса. – Старик пинками выпроваживал ее из туалета.

Кристофер застыл на месте и почувствовал, как сердце вернулось на привычное место. Когда в коридоре стихли шаги, он вернулся к раковине и каким-то чудом открыл воду. Быстро ополоснул руки от пены и выскочил из уборной.

В длинном, темном коридоре свет пробивался лишь из-под двери напротив. Тишину нарушали звуки телепрограммы «Сегодня вечером». Ведущий отпустил колкость насчет запоздалой президентской реакции на ближневосточный кризис. Взрослая аудитория засмеялась и разразилась одобрительными возгласами.

– Так его! – хохотнул старик со своей больничной койки. – Гнать такого в шею!

– Сделайте потише, Эмброуз, – воззвал мужской голос из-за занавески в той же палате. – Некоторые уже легли спать.

– Нет, не так. Некоторые уже легли помирать. Так что пошли вы все... – тут старик выхватил взглядом Кристофера, застывшего на пороге, – ...в задницу.

Дождаться ответа из-за занавески Эмброуз не стал.

– Как ты, сынок? – спросил он. – Почтенная госпожа Кайзер тебя перепугала – спокойно пописать не дала?

Кристофер кивнул.

– У нее Альцгеймер. Этим все сказано. Она в пансионате живет, по соседству со мной. Когда не буйствует. Но вообще она безобидная. Ты, главное дело, не слишком ее шугайся, хорошо?

– Хорошо, сэр.

– И кончай мне «сэркать». У меня имя есть – Эмброуз. Договорились?

– Договорились.

– Вот и славно. Тогда либо присаживайся, либо ступай к себе в палату. И чтоб ни звука! А иначе я мысль упускаю, – проворчал старик.

Кристофер всегда ложился спать в определенное время и никогда не засиживался до начала программы «Сегодня вечером». Он с улыбкой залез в громоздкое кресло для посетителей. На прикроватной тумбочке стоял поднос, а на нем – нетронутый десерт. Большой, толстый кругляш печенья с шоколадной крошкой.

– Любишь такие – с шоколадной крошкой? – спросил старик.

– Еще как, сэр, – ответил Кристофер.

– Вот и я тоже. Это мое. Так что губу не раскатывай. Я сам съем.

Кристофер кивнул и проводил глазами печеньюшку. Без лишних слов Эмброуз разломал ее надвое и протянул Кристоферу ту часть, что побольше. Улыбаясь, Кристофер смаковал печенье и смотрел телепередачу вместе со стариком. Он плохо понимал эти шутки, но все равно смеялся за компанию. В какой-то момент его взгляд упал на старика – на загорелую кожу и выцветшую татуировку орла.

– Откуда у вас такая наколка, сэр? – любопытствовал Кристофер.

– Из армии. Все, ни звука. Зря, что ли, я с тобой печеньем поделился – *хватит* языком болтать.

– Вы на войне были? – не удержался Кристофер.

– На двух, – буркнул старик.

– А на каких?

– На правильных.

Ведущий передачи «Сегодня вечером» сострил насчет обвала экономики; мистер Эмброуз так смеялся, что даже закашлялся. Кристофер взгляделся в его лицо.

– Сэр, а что у вас с глазами? – спросил он.

– Катаракта, – ответил старик. – Катаракта у меня.

– Которакта передается от кота? – уточнил Кристофер.

Старик хмыкнул.

– От кота? Не смехи, Христа ради. *Ка-та-рак-та*. Зрение у меня неважное. Облака в глазах.

Кристофер похолодел.

– Как это – облака? – спросил он.

– Формы предметов я различаю. Но они как бы затянуты облаками. Я ведь как сюда угодил? Гнал на машине – и сбил оленя. Даже не заметил паразита этого. А сам еще башкой трахнулся о приборную панель. На этот раз у меня, как пить дать, права отберут. К гадалке не ходи. А из богадельни теперь ни на шаг не отпустят. Сучары.

От таких речей Кристофер повеселел. Рисковые они. Прямо как игры с законом. Теперь он умолк и стал слушать ведущего, но вглядывался не в экран, а в стариковское лицо, на котором плясали экранные блики. Прошло немного времени; мистер Эмброуз по-стариковски пробурчал, что хочет «дать отдых глазам», и вскоре начал похрапывать. Кристофер, не вынимая щербатый пульт из старческих рук, выключил телевизор.

– Так держать, малой, – пробормотал Эмброуз, лег поудобнее и снова захрапел.

Никто еще не говорил Кристоферу «малой». Напоследок улыбнувшись, он вышел в коридор. Почему-то страха больше не было. Обратный путь лежал мимо сестринского поста. И опять сестра Тэмми его не заметила, потому что разговаривала по телефону.

– Папа, умоляю, не звони больше, я на дежурстве. Мне не разорваться. Да, обещаю принести именно «мерЛОТ». – Она еле сдерживалась.

Перед тем как зайти в свою палату и лечь спать, Кристофер обвел глазами коридор и увидел отца Тома. Раньше ему доводилось встречать священника только в стенах церкви. Чтобы не упустить ничего интересного, Кристофер на цыпочках двинулся в ту сторону: отец Том освящал крестным знаменем какого-то пожилого человека. Рядом находилась родня старичка. Жена. Две взрослые дочери с мужьями. Внуки, по виду – старшекласники. Пока отец Том соборовал больного, все плакали.

– Кристофер, – шепнула сестра Тэмми. – Иди спать, дружок. Ребенку не стоит на это смотреть.

Она повела его назад по коридору, чтобы водворить в палату. Волей-неволей им пришлось пройти мимо палаты миссис Кайзер. Та сидела на кровати, вперившись в телевизионный экран, на котором мельтешили помехи. В банке на тумбочке мокли пожелтевшие зубы. Старушонка повернулась к Кристоферу и расплылась в тошнотворной беззубой улыбке.

– Ну вот, еще одного забрала. И нас всех укокошит, когда пробьет час, – проскрипела она.

– Не слушай ее, Кристофер. Она сама не понимает, что говорит.

Глава 12

Наутро Кристофер не смог вспомнить, как заснул. Через шторы пробивался свет. Значит, наступила пятница. Значит: прощай, больница. Значит, сегодня будет «Плохой Кот в 3D»!

Он перевернулся на другой бок и посмотрел в сторону санузла. Дверь была нараспашку.

Над раковиной мама мыла руки.

Шипенья не было и в помине.

– Просыпайся, лентяй! – улыбнулась мама. – Ты домой ехать собираешься?

Когда медсестра, согласно правилам, везла его на каталке к выходу, он понял, каково живется противнику Плохого Кота – летающему бельчонку по имени Ас, у которого при любом маневре подступала тошнота. То ли дело – виниловое сиденье старенькой машины. Мама привезла Кристофера в ближайшую к мотелю закусочную, где он заказал блинчики с шоколадной крошкой. Раньше это всегда становилось главным событием дня.

А сегодня – вроде как ничего особенного.

Потому что сегодня его ожидал «Плохой Кот в 3D». Все утро и весь день у Кристофера из головы не шел Плохой Кот со своей лучшей подругой, Коровой-мороженщицей, которая готовила вкуснейшее мягкое угощение. Поглядев на часы, он припомнил, как миз Ласко учила их распознавать время. Сеанс начинался в половине пятого. Секунды тикали невыносимо медленно; это было еще мучительней, чем ожидание Рождества.

– А почему нельзя сдвинуть Рождество на денек раньше? – вечно допытывался он у мамы.

– Потому, что ты тогда начнешь изводиться уже двадцать третьего декабря, – отвечала она.

В три часа дня они с мамой подъехали к кинотеатру возле торгового центра «Саут-Хиллз Виллидж» и встали в очередь на вход. К четырем часам очередь уже загибалась за угол. Пришел со своей мамой и Тормоз Эд: оба нарядились в героев из «Плохого Кота». Мама Кристофера понадеялась, что это была задумка Тормоза – добиться, чтобы мать пришла в таком дурацком виде. А не наоборот. Ребенка в этой жизни поджидало слишком много проблем, чтобы еще терпеть причуды матери, которая добровольно напялила костюм осла.

Когда билетер наконец открыл двери, Кристофера охватило неопишное волнение. Ему выдали громоздкие 3D-очки. «Как у богатеньких!» – восхитился он. Места им достались – лучше не придумаешь: в самой середине. Мать Кристофера вышла в фойе купить чего-нибудь вкусного, и вернулась с любимыми лакомствами сына.

Когда закончились трейлеры, Кристофер уже съел половину снеков. Но с каждым трейлером и с каждым шариком попкорна его волнение только усиливалось. Едва дождавшись начала фильма, все ребята в зале разразились громом аплодисментов.

* * *

Для них это на всю жизнь свяжется с детством, подумала его мать.

Ей вспомнились любимые фильмы из ее собственного детства. Из той далекой поры, когда она считала себя принцессой, которая потерялась в младенчестве, хотя и происходила из королевской семьи. Конечно, в этом не было ни капли правды, но почему-то она родила принца.

– Я тебя люблю, Кристофер, – сказала она.

– И я тебя, мам, – шепнул Кристофер, не отвлекаясь от фильма.

Кейт только сейчас посмотрела на экран и заулыбалась: Плохой Кот наведалься к своему соседу-крабу по имени Леопардо Дубинчи, который заканчивал портрет Моны-Подлизы, подружки Плохого Кота.

Плохой Кот сказал: «Недурно малюешь, Леопардо. Ты собирался это закончить?»

И все ребята возликовали. После окончания фильма мать Тормоза Эда поклялась «именем Господа нашего Иисуса Христа», что угостит их настоящим американским ужином.

– Дети закажут крылышки, а мы – «сок для мамочек», – подмигнула она.

В ресторане мать Кристофера только выслушивала байки матери Тормоза Эда, повторявшей «Бога ради, зови меня Бетти»: та вволю «намаргаритилась» (теперь так говорится) и сыпала рассказнями про то, как почти окончила колледж, как выходила замуж и как отец Тормоза Эда недавно открыл шестой («Не веришь – сама пересчитай. Шестой!») магазин металлоизделий на границе трех штатов.

Нависая над столом, она шептала сквозь алкогольный выхлоп:

– Тебе знакома эта «Бренда-Лола-Ясмин Диша» – миссис Коллинз? Муж ее – тот еще «Хлеб-Еда-Рыбец»: рекламирует планы застройки и пудрит людям мозги, чтобы брали ссуды и несли ему. Одно могу сказать: Бог в помощь. Эх, утрись, «Хоум депо»!²⁴ Мой муж – богач! Эй, официантка, бокал пустой, а у меня ни в одном глазу!

Мать Кристофера подумывала, что неплохо было бы слегка сблизиться с Бетти Андерсон. Одним на роду написано говорить. Другим – слушать. Удачно, если такие натуры сходятся.

– Ты мне нравишься, Кейт, – выговорила Бетти, когда они шли к парковке. – Слушать умеешь, как никто.

В машине Кристофер, наевшийся до отвала, заснул. Мать на руках внесла его в мотель и уложила в кровать.

– Мам? – сонно окликнул он.

– Да, солнце?

– А можно будет еще разок сходить на «Плохого Кота»?

– Конечно, солнце. Когда захочешь.

Она поцеловала его в лоб и оставила смотреть сны. А сама налила себе пива со льдом и постаралась насладиться тихим поздним вечером. Потому что знала: наутро в почте окажется очередной счет, а платить будет нечем.

²⁴ Эх, утрись, «Хоум депо»! – «Хоум депо» (англ. Home Depot, букв. «домашний склад») – крупнейшая в мире сеть магазинов по продаже стройматериалов и инструментов для ремонта. Штаб-квартира компании находится в г. Уинингс, штат Джорджия.

Глава 14

В понедельник утром «каникулы» закончились. Кристоферу предстояло вернуться в школу. Где Брэйди Коллинз и Дженни Херцог вечно дразнились. Но самое неприятное – он пропустил целых две недели.

«Даже Тормоз Эд теперь будет умнее меня», – лезло ему в голову. Он потупился. В молоке спасательным кругом плавало одинокое колечко сухого завтрака «Фрут-лупс».

– Я заберу тебя на этом самом месте в три часа, – сказала мама, высаживая его у школы. – И чтобы отсюда НИ НОГОЙ.

– Хорошо, мам, – ответил он.

Мать Кристофера обняла его и удерживала дольше обычного, но потом все же отпустила, и он пошел к школьному крыльцу. Перед началом уроков на него, как правило, никто не обращал внимания, но сейчас ему в спину шептали: «гляди: явился не запылится». Девчонки с косичками даже перестали крутить скакалку и провожали его взглядами. Двое-трое мальчишек бросили: «Привет». К школе бежали братья-близнецы. И тут произошло кое-что невообразимое.

– Эй, Кристофер, выше нос! – крикнул Майк и бросил ему их маленький пластмассовый мячик.

Кристофер не мог опомниться. Мэтт и Майк захотели с ним играть! Мяч пикировал сверху прямо на него. Спортивные игры давались ему плохо, но сейчас он молился, чтобы не оплошать. Мячик был уже почти у него перед носом и...

Кристофер его поймал!

– Эй, Крис! Давай длинный пас на меня! – скомандовал Мэтт – тот, что с повязкой на «ленивом» глазу, – и пустился бежать.

Понимая, что длинный пас у него не получится, Кристофер принял мгновенное решение, чтобы только остаться в игре.

– Финт ушами! – крикнул он в ответ и обманным движением перебросил мяч Майку.

Получилось! Майк поймал мячик и отправил крученую передачу брату, который убежал по тротуару ярдов на двадцать. Идеальная спираль.

Еще минуты три они перебрасывались мячом. Но Кристоферу показалось, что это лучше всякого субботнего дня. В конце концов он наловчился принимать пас.

Майк и Мэтт, которым нравилось прозвище «Эм-энд-Эмс», даже похвалили его за скорость. Майк был старше брата на три минуты, да и ростом дюйма на два выше. И не забывал это подчеркивать. Но всякому, кто наезжал на Мэтта, приходилось иметь дело с Майком. Особенно в тех случаях, когда кто-нибудь осмеливался проехать насчет повязки на «ленивом» глазу. И только Дженни Херцог почему-то сходил с рук «Попка-Пират». Хотя никого другого Майк не шадил.

Даже старшекласников.

Когда Кристофер вошел в класс, болтовня стихла, и все головы повернулись к нему. Подсев к Тормозу Эду, он постарался вжаться в парту. Но рядом крутились Эм-энд-Эмсы – допытывались, где он пропал и что с ним приключилось.

Обычно Кристофер обмирал от смущения, когда с ним заговаривали другие ребята, но эти близнецы держались очень дружелюбно. Так что в ожидании миз Ласко, которая, как всегда, опаздывала на пять минут, он поведал одноклассникам свою историю. И при этом заметил, что все остальные умолкли. Его слушали во все уши.

Откуда что взялось: у Кристофера вдруг прибавилось уверенности в себе. Он озвучил несколько подробностей насчет больницы – например, как бродил среди ночи, а потом смотрел «Сегодня вечером»: это произвело должное впечатление.

– До утра, что ли, колобродил? Ни фиги себе!

– Ни фиги себе, – высказался Мэтт, подражая своему крутому старшему брату.

Когда Кристофер дошел до середины рассказа о старухе, которая ворвалась за ним в мужскую уборную, до него вдруг донесся голос:

– Все ты врешь, прогульщик.

Подняв голову, он увидел Брэйди Коллинза. В отсутствие Кристофера тот подстригся. Без челки у него был еще более мерзкий вид.

– В лесу он, видите ли, заплутал. Но я-то знаю: ты там со своим дружкой кувыркался, брехун. Так что нечего тут трындеть, – процедил Брэйди.

Кристофер залился краской. И мгновенно прикусил язык.

– Он не с тобой разговаривает, Брэйди, а с нами, – сказал Майк.

– Да, он с нами разговаривает, – подтвердил Мэтт.

– А ты заткнись, – расхрабрился, как никогда, Тормоз Эд, чувствуя поддержку Майка.

В классе повисло напряжение.

Кристофер попытался уладить конфликт.

– Все нормально, ребята. Я могу не продолжать.

– Еще чего. Наплюй на него, Крис, – бросил Майк.

– Да. Наплюй на него. – Тормоз Эд опередил Мэтта.

В конце концов Майк ухмыльнулся и шепнул:

– Сиди на жопе ровно, Брэйди, а то вмажу так, что она у тебя поперек лопнет.

Глаза Брэйди превратились в щелки. От него повеяло яростью. Веснушчатая девочка хихикнула. Следом засмеялся чудаковатый очкарик. Вскоре хохотал весь класс. За исключением Брэйди. Он обиделся, смешался и будто даже стал меньше ростом. Но исходившая от этого здоровяка угроза не исчезла. Кто-кто, а Кристофер хорошо в этом разбирался. В чужих глазах ему и раньше доводилось видеть такую же ярость. Просто Джерри был намного крупнее.

– Ну, так что там дальше с этой старухой? – поторопил Майк.

Кристофер возобновил свой рассказ и преисполнился такой благодарности к своим новым друзьям, что вконец осмелел. Он изобразил сценку с участием Леопардо Дубинчи из «Плохого Кота в 3D».

– Ты собирался это закончить? – комично спросил он голосом Плохого Кота.

Все дружно засмеялись. Но время рассказов истекло, потому что в класс ворвалась миз Ласко с воспаленными глазами, держа в руках свой термос. Из жестяной коробочки на учительском столе она достала пару таблеток аспирина, после чего произнесла два слова:

– Контрольная работа.

По классу пронесся стон. У Кристофера упало сердце. Первым уроком была математика. Ненавистная математика.

– Тишина! Мы с вами две недели решали примеры и задачи на простейшие арифметические действия. Эта тема вам хорошо знакома, девочки и мальчики, – заявила учительница и раздала по стопке карточек всем, кто сидел за первыми партами. Карточки поплыли в сторону задних рядов, как по волнам футбольных трибун. Кристофер сник. Ему на плечо опустился маникюр миз Ласко.

– Ты, вероятно, отстал, Кристофер. Постарайся справиться с работой в меру своих возможностей. В крайнем случае потом перепишешь. Хорошо?

Не видя ничего хорошего, Кристофер все же кивнул. Математика всегда была для него сущим мучением, а тут еще он почти две недели отсутствовал. После неизбежного провала мама будет приговаривать: «Не переживай. Главное – старайся. И все у тебя получится». Толстым зеленым карандашом он вывел свою фамилию в правом верхнем углу. Поднял голову, взглянул на часы. Красная секундная стрелка бойко перескочила через двенадцать; было ровно восемь утра.

Кристофер посмотрел на первый пример.

$$2 + 7 = \underline{\quad}$$

Миз Ласко всегда начинала с самого легкого, дабы не лишать детей уверенности в своих силах.

$$2 + 7 = 9$$

Здесь ошибки быть не могло. Кристофер изучил все задания. Оставалось шесть. Нужно было вписать еще хотя бы один правильный ответ. Хотя бы один.

$$24 + 9 = \underline{\quad}$$

Кристофер помедлил. Девятки вечно ставили его в тупик: они чуть-чуть не дотягивали до десяти. Ладно, двадцать четыре плюс десять – это куда ни шло. Получается тридцать четыре. Легкотня. Но тут Кристофера осенило. Что, если прибавить десять, а потом единичку отнять? Надо попробовать. Ничего сложного. Толстый зеленый карандаш вписал ответ.

$$24 + 9 = 33$$

Прямо не верилось. Первые два примера решились сами собой. А если добавится еще один, это уже будет три из семи. Три плюс семь получится десять. Десять минус семь получится три. Дальше шла задачка. Про деньги.

Если тебе дадут два никеля, один дайм и один квотер, какая у тебя будет сумма денег?²⁵ _____ центов.

Для третьего задания учительница всегда выбирала что-нибудь заковыристое. Обычно на третьем задании Кристофер спотыкался. А в этот раз – ничуть. Он просто вообразил на месте этих монет обыкновенные числа. А кто умеет складывать, тому какая разница: два числа или четыре?

45 центов!

От волнения Кристофер едва не подпрыгивал на месте. Никогда еще у него не получалось на контрольной работе решить три первых задания. Ни разу.

$$36 - 17 = \underline{\quad}$$

Миз Ласко снова умничала, но он теперь уже сообразил, что к чему. Тридцать шесть минус шестнадцать и еще минус единичка.

$$36 - 17 = 19$$

Мало-помалу он успокоился. Перед ним забрезжила крошечная, робкая надежда хотя бы сейчас получить отличную оценку – ради мамы. Ему никогда такое не удавалось. Ни по одному предмету. Ни разу в жизни. Мама тогда купит ему «Фрут-лупс» на год вперед.

Если ты будешь играть в бейсбол один час и еще шесть минут, сколько всего минут ты будешь играть в бейсбол?

Опять подарок от миз Ласко. Кто угодно мог при желании поднять голову и сосчитать по циферблату настенных часов. Но у Кристофера такой необходимости не возникло. По одной минутке шестьдесят раз. И еще шесть.

66 минут

Оставалось два задания. До чего же ему хотелось написать контрошу на отлично! Чтобы мама им гордилась. Ну их, эти колечки «Фрут-лупс». Постук-тук-тукивая по листку зеленым карандашом, он вчитался в следующую задачку.

На пароходе девяносто один пассажир, а спасательных жилетов имеется только восемьдесят пять. Сколько еще требуется спасательных жилетов?

Кристофер перевел слова в числа и увидел: 91–85. На этот раз ему даже не понадобилось отнимать от девяноста одного десять и прибавлять четыре. Ничего не понадобилось делать. Ответ пришел сам собой.

²⁵ Если тебе дадут два никеля, один дайм и один квотер, какая у тебя будет сумма денег? – Никель – обиходное название монеты достоинством в пять центов, дайм – в десять центов, квотер – в двадцать пять центов.

6 спасательных жилетов

И последний пример. Кристофер даже боялся смотреть. Теперь все упиралось в это задание. Брэйди Коллинз все время получал пятерки. Доминик Чичинелли тоже. И Кевин Дорварт. И даже Дженни Херцог. Но сейчас ему до них не было дела.

Задание на пятерку: $12 \times 4 = \underline{\quad}$

Кристофер совсем пал духом. На уроках начали проходить умножение как раз перед тем, как он ушел в лес. И что теперь делать? Он принялся так и этак обдумывать число двенадцать. В маминых любимых старых фильмах, которые они смотрели каждую кинопятницу, на скамье присяжных в зале суда восседало двенадцать человек. А если взять напрокат четыре фильма – там будет четыре таких скамьи. И поместятся на них сорок восемь присяжных заседателей.

Кристофер затаил дыхание.

Ответ: сорок восемь.

Он сам нашел ответ. Подобно тому, как в один прекрасный день нашел способ завязывать шнурки, а потом и отличать левую руку от правой. У него в голове – «КЛИК» – сработал переключатель. Все, что было затуманено, прояснилось.

Задание на пятерку: $12 \times 4 = 48$

Кристоферу требовалось убедиться, что работа написана на пять баллов; прежде чем отложить карандаш, он захотел лишний раз все проверить. По новой прорешать каждое задание. И споткнулся на третьем номере.

Если тебе дадут два никеля, один дайм и один квотер, какая у тебя будет сумма денег? центов.

Поначалу ему даже в голову не пришло: это ведь задание по математике. А не по чтению. Хотя там оказалось слишком много букв, они ни разу не поменялись местами. Ни единого разочка. Он читал предложения, но даже не проговаривал их вслух. Разве так бывает? Пришлось проверить заново.

Если тебе дадут два никеля, один дайм и один квотер, какая у тебя будет сумма денег? центов.

Сорок пять центов. То есть 45. Да, слишком много букв. Но это не стало препятствием. Более того, два никеля вовсе не походили на...

вда инклея.

Это были просто два никеля.

А квотер – просто квотер, но не...
ковтер.

Сердце заколотилось. Кристофер обвел глазами развешанные по стенам плакаты. Те, которые целый месяц доставляли ему массу неприятностей.

ЧЕТНЕИ – ЛУЧЕШЕ ЧУЕНИЕ

Сейчас он даже не пошевелил губами. Слова складывались у него в голове.

ЧТЕНИЕ – ЛУЧШЕЕ УЧЕНИЕ

Все звуки смолкли.

САКИЖ НАКРОИТКАМ ЕНТ

Его по-прежнему окружала классная комната, но все звуки оставались в мозгу.

СКАЖИ НАРКОТИКАМ НЕТ

Кристофер читал!

Чтобы не выдать своего волнения, он зарылся лицом в парту. Его больше не назовут тупым. И маме больше незачем притворяться. Ей больше никогда не придется повторять: «Не переживай. Главное – старайся. И все у тебя получится». И впрямь: у него наконец-то *получилось*. Мама будет гордиться его оценкой.

Не потому, что мамы по любому поводу гордятся своими детьми. А потому, что ей теперь на самом деле есть чем гордиться.

Кристофер уже собрался положить на парту зеленый карандаш и поднять руку, чтобы миз Ласко забрала его работу, но что-то ему помешало. Оглядевшись, он понял: ребята еще корпят над примерами и задачами. Никто не отвлекается. Все только водят по бумаге зелеными карандашами – шух-шух-шух, как доктор в больнице – своей ручкой. Одноклассники, в том числе и Брэйди Коллинз, еще бились над вторым заданием.

Тогда Кристофер взглянул на часы. Контрольная работа началась в восемь утра. Ему даже не пришлось производить в уме никакие подсчеты. Цифры сами сложились в мозгу.

С работой по математике он справился за сорок две секунды.

Его переполняла такая гордость, что он даже не заметил приближения головной боли.

Глава 15

После уроков голова разболелась не на шутку. Но Кристофер так спешил похвастаться матери своими успехами в чтении, что ему было ни до чего. Он отправился в библиотеку за книгами. На помощь, как всегда, пришла миссис Хендерсон, которая заботливо отложила для него «Плохой Кот похищает букву И». Когда она собралась предложить ему в придачу очередной комикс про Снупи, Кристофер вдруг спросил:

– Миссис Хендерсон, а не найдется ли для меня чего-нибудь посерьезней?

– Сейчас посмотрим, – заулыбалась она.

На минуту отлучилась – и принесла «Остров сокровищ» Роберта Льюиса Стивенсона. Кристофера ошеломила толщина этой книги. Пару мгновений он колебался – не взять ли что-нибудь поскромнее. Но открыв книгу и увидев стройные ряды букв, он счел ее вполне приемлемой.

«Пятнадцать человек на сундук мертвеца.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!»

Очень даже неплохо, да и обложка завлекательная. Пираты да сокровища? То, что надо.

– Принести что-нибудь попроще? – предложила миссис Хендерсон.

– Нет, мне нравится, – ответил Кристофер.

И, поблагодарив миссис Хендерсон, запихнул книги в рюкзак. Часы наконец-то пробили три. Зазвенел звонок. В коридоры хлынули ученики, школа превратилась в оживленный муравейник. Кристофер достал из шкафчика ветровку. Попрощался с Тормозом Эдом и Эм-энд-Эмсами.

И вышел на улицу. Небо затянули облака.

Когда подъехала мама, он забрался в машину и уже думал похвастаться своей первой взрослой книгой. Но вдруг заметил, что мама сама не своя.

– Что случилось, мам?

– Ничего, ровным счетом ничего, солнце, – отмахнулась она.

Но Кристофер не повелся на отговорки. У нее был усталый, беспокойный вид. Совсем как за неделю до их побега от Джерри. Что-то не так. Но он слишком хорошо знал свою мать, чтобы надеяться хотя бы на скудные объяснения. Она явно не хотела его тревожить.

Но именно это всегда и вызывало у Кристофера тревогу.

Он собирался рассказать маме, что провел весь день за книжкой, но никак не мог выбрать подходящий момент, чтобы начать разговор. По пути домой в машине прозвучало хорошо если с десяток слов. А за ужином – и того меньше. Мамин гнев обрушился на задрипанный мотель, где она, «похоже, оказалась единственной, кто тут соблюдает чистоту». Когда в вечерних новостях закончился сюжет о событиях на Ближнем Востоке, мама, успев извиниться за свою несдержанность, уже спала на узкой кровати.

Бесшумно расхаживая по комнате, Кристофер наводил порядок. Он надеялся, что мама, проснувшись в прибранной комнате, будет меньше волноваться. А в пятницу они смогут отлично провести вечер вместе. У него уже все было продумано. Дождавшись кинопятницы, он сделает маме сюрприз. Продемонстрирует свои успехи в чтении. И что еще важнее – отличную оценку за контрольную по математике, которую к тому времени уже выдадут им на руки. Мама так обрадуется, что решит повторно сводить его на «Плохого Кота в 3D». А если повезет, то и в «Макдоналдс». Это, конечно, не точно. Но как знать!

Выключив свет, Кристофер постепенно, чтобы не разбудить мать, убавил громкость в телевизоре, который та включала, по ее собственному выражению, «только чтобы уткнуть глаза». Расположившись за письменным столом, поближе к окну, Кристофер взялся читать «Остров сокровищ». Чтобы порадовать маму, он решил к пятнице одолеть первую главу. А то

и две. Стол был полностью завален бумагами. Сначала Кристофер просто убрал с этого вороха кофейную кружку, от которой остался кольцевой след. Но потом, присмотревшись, понял, что это за бумаги.

Это были неоплаченные счета.

Он не раз видел, как мать разбирает квитанции. Больше них она ненавидела разве что штрафные талоны за неправильную парковку. Но когда бы Кристофер ни спросил, что случилось, мать всегда с улыбкой повторяла одну и ту же фразу:

– Ничего, ровным счетом ничего, солнце.

Кристофер взял первую квитанцию. Счет за телефон. Раньше он даже не пытался прочитать такие взрослые слова. Но сейчас убедился, что там все понятно.

Повторное уведомление
Просроченный платеж

Он начал переворачивать листки. Один за другим. Пока след от кофейной кружки не превратился из влажного кольца в небольшую круглую вмятинку. На каждой квитанции были пометки о просроченных платежах и начисленных пенях.

Если тебе дадут два никеля, один дайм и один квотер, какая у тебя будет
сумма денег?

Мало.

Ему оказалось не под силу сложить все эти числа. Слишком уж большие. Но Кристофер понимал, что вне зависимости от его оценки за контрольную работу мама не сможет повторно сводить его на «Плохого Кота в 3D». Возможно, денег и на прошлой неделе уже не хватало.

Кристоферу вдруг стало стыдно за все траты на его прихоти, вроде готовых завтраков «Фрут-лупс». А теперь к тому же требовалось оплачивать больничную палату и услуги врачей. Мама выкладывала за него слишком много денег. Совсем как за отца. В свое время ей пришлось взять кредит, чтобы организовать для папы достойные похороны. С кредитом она так и не рассчиталась. Кристофер узнал об этом из маминого разговора с одним дружелюбным соседом в Мичигане – она тогда перебрала пива. А когда позже он спросил, что все это значит, она только улыбнулась и сказала: «Ничего, ровным счетом ничего, солнце».

Совсем как сегодня.

Поэтому Кристофер дал себе слово отказаться, когда мать, увидев отличную оценку по математике, предложит сходить в «Макдоналдс». А если они снова пойдут в ресторан с мамой Тормоза Эда, он выберет себе из всего меню только блюда с пометкой «лучшая цена»: маме будет легче расплатиться по магазинным ценам. Но что самое главное – он поставит крест на этих дорогущих фильмах в 3D. Можно ведь взять в прокате какой-нибудь нормальный фильм. А еще он будет читать маме вслух и докажет, что старания не пропали даром.

На том и порешив, Кристофер тихонько пробрался к спальнику, достал длинный старый носок и вытащил из него заначку.

Деньги, которые он копил на новые брюки.

Потом, все так же на цыпочках, обошел спящую маму и положил деньги ей в кошелек, да поглубже. И пусть Дженни Херцог дразнится сколько влезет: «Короткие штаны – ноги голые видны».

Глава 16

– Короткие штаны! – на весь коридор прокричала Дженни Херцог.

Но сегодня Кристофера это ничуть не задело. Несчастной девчонке можно было только посочувствовать, как сочувствуешь маме. Странное дело. Но он проникся этим ощущением. Дженни, думалось ему, частенько слышит в свой адрес кое-что похуже, чем эта навязшая в зубах дразнилка про короткие штаны. Кто знает, может, отец Дженни не в состоянии платить по счетам и постоянно срывает на ней злобу. Ну да ладно, Кристофер просто-напросто радовался, что сумел помочь маме деньгами. И с нетерпением ждал, когда миз Ласко выдаст контрольные работы, чтобы он смог сегодня же предъявить маме свою первую пятерку.

В начале урока математики миз Ласко действительно раздала проверенные работы. Кристофер окинул взглядом класс. Кевин Дорварт правильно решил семь примеров из семи. Брэйди Коллинз – шесть. Тормоз Эд – два. Мэтт и Майк – по пять каждый. А Кристоферу контрошу не выдали. По какой причине – оставалось только гадать. Когда прозвенел звонок и все побежали на перемену, миз Ласко попросила Кристофера задержаться.

– Кристофер, – начала она строго. – Я понимаю, ты две недели отсутствовал и хотел написать контрольную не хуже других ребят. Признайся... ты списал ответы?

Кристофер слотнул. И только помотал головой: нет.

– Я не стану тебя ругать. Мне просто не хочется, чтобы ты сам себя обманывал – всегда нужно отвечать за свои поступки. Еще раз: ты к кому-нибудь подглядел? Вероятно, к Кевину Дорварту? – не унималась она.

– Нет, миз Ласко.

Учительница пристально смотрела ему в глаза. Кристофер ощущал себя лягушонком на лабораторном столе.

– Просто знай: у меня были ученики, которые из кожи вон лезли, чтобы получить хорошую оценку, а в итоге проваливали одну контрольную за другой. Но когда им внушали, что оценки – не главное, они добивались отличных результатов, – сказала учительница.

А потом с улыбкой вручила ему работу.

– Я тобой горжусь. Так держать.

На листке было жирно выведено красным маркером: 7/7. А рядом поблескивала золотая звездочка. И красовалась большая наклейка с Плохим Котом, изрекающим: «Я прямо зажмуррился!»

– Спасибо, миз Ласко!

Не в силах сдержаться, Кристофер расплылся в широкой улыбке. Он даже решил не дожидаться кинопятницы. Мать, зарулив на школьную парковку, ему помахала. И Кристофер помахал в ответ сложенным листком.

– Как это понимать? – удивилась она. – Поймал удачу за хвост?

И тут Кристофер предъявил ей контрольную.

– Это что? – не поняла мать.

Кристофер не ответил. Она развернула листок. И прочла. И застыла. Умолкла. Первый отличный балл. Семь из семи. Заново исподтишка пробежала глазами задания, а потом повернулась к Кристоферу. У нее в глазах читалась не тревога, а гордость.

– Вот видишь! А я что говорила?

И тут он показал ей книгу – «Остров сокровищ».

– Третью главу читаю.

Не сдержав торжествующий возглас, она прижала к себе Кристофера.

– Так бывает, когда человек не сдается, – сказала она.

Кристофер не ошибся: она предложила ему еще раз пойти на «Плохого Кота в 3D».

– Нет, спасибо. Давай лучше возьмем библиотечные фильмы, – сказал он.

Такой ответ ее озадачил, но она тут же вздохнула с облегчением. А сын к тому же добавил, что у него нет настроения идти в «Макдоналдс» и даже в настоящий ресторан – там не очень-то и вкусно. А вот горячие сэндвичи с сыром – совсем другое дело. В общем, поехали они в библиотеку и ухватили новехонький диск «Плохой Кот-2» («Лично мы не хмуррримся!»)²⁶, а для мамы – «Африканскую королеву»²⁷.

Оттуда направились за продуктами в «Джайэнт Игл»²⁸ и взяли все необходимое для горячих сэндвичей с сыром. Когда мама приготовила кошелек, Кристофер насторожился. Вот оно! У него на глазах она достала глубоко запрятанные деньги. В замешательстве наморщила лоб. Так и не поняла, откуда что взялось. Однако несказанно обрадовалась. И уже собралась вернуть их туда же на черный день, но Кристофер ее остановил.

– Mam, купи что-нибудь для себя, – предложил он.

– Мне ничего не нужно, – сказала она.

– Нет, нужно, – не отступался Кристофер.

Он осторожно коснулся ее руки. Так же осторожно мама дотрагивалась до спелых помидоров в овощном отделе. Похоже, она удивилась. Ведь Кристофер почти никогда не упорствовал. Немного помолчав, она пожала плечами и обратилась к совсем юной продавщице:

– А, гори все ясным пламенем. Дай-ка мне низкокалорийный кренделек в шоколаде и один лотерейный билет.

Девочка-подросток протянула ей через прилавок шоколадный крендель и лотерейный билет. В честь успехов сына мама решила вписать в купон числа из его первой безупречной контрольной. Отдала пять долларов. Сдача – семнадцать центов. Кошелек опустел. На глаза маме попала копилка для сбора пожертвований. Ответом ей был взгляд ребенка из лагеря беженцев на Ближнем Востоке. Расставшись с последними семнадцатью центами, она вместе с сыном вышла из магазина без гроша за душой.

По дороге домой Кристофер заметил, что взгляд его матери постоянно переключался с дороги на стрелку уровня топлива. Четверть бака. Оставалось благодарить судьбу, что на этой неделе очередь мамы Тормоза Эда везти их в ОКЦ, а иначе они, наверно, до зарплаты сидели бы без машины.

Вечер встретил их тишиной и прохладой. Они вдвоем уселись в крошечной кухоньке. Кристофер смотрел, как мама растапливает сыр на раскаленном диске одноконфорочной электроплитки, и улыбнулся, когда заскворчало масло. Позвякивая кубиками льда, он налил маме стакан пива по уже проверенному рецепту. И они по своей традиции начали придумывать, как распорядятся грядущими несметными богатствами. К прежнему списку Кристофер добавил спортивный автомобиль для мамы, один в один как у миз Ласко, припаркованный у дома их мечты. А мама – под впечатлением от «Острова сокровищ» – решила приобрести для личной библиотеки Кристофера книжный шкаф.

Кристофер включил телевизор, и комнатушку мотеля заполнили звуки вечерних новостей. Мама переворачивала сэндвичи с сыром; после спортивного выпуска начался розыгрыш тиража лотереи. Занятая стряпней, она даже не расслышала первое названное число.

²⁶ ... поехали они в библиотеку и ухватили новехонький диск «Плохой Кот-2» («Лично мы не хмуррримся!») ... – Турецкий мультфильм «Плохой кот» (тж. «Плохой кот Шерафеттин»), основанный на серии комиксов конца XX в., снят в 2016 г. (реж. Мехмет Куртулуш) и повествует о невероятных приключениях веселого, незадачливого и самостоятельного кота, доставляющего массу неприятностей себе и окружающим.

²⁷ ...а для мамы – «Африканскую королеву». – «Африканская королева» – американский фильм-драма (1951), снятый Джоном Хьюстоном по одноименному роману (1935) Сесила Скотта Форестера. Считается классикой американского кинематографа. Входит в число 100 лучших произведений американского киноискусства. Действие фильма начинается в африканской деревне, где находится христианская миссия.

²⁸ Оттуда направились за продуктами в «Джайэнт Игл»... – американская сеть супермаркетов с аптеками. Компания была основана в 1918 году в Питтсбурге. В настоящее время работает и в ряде других штатов.

Номер девять.

У кроватей Кристофер поставил складные столики, которые они прикупили на какой-то гаражной распродаже. А потом взглянул на свою контрошу, прикрепленную к мини-холодильнику парой алфавитных магнитов.

– Мам, а хочешь, я?..

Подняв руку, она попросила его умолкнуть. Кристофер затих, не сводя глаз с матери. Та сорвала с холодильника листок и подошла вплотную к экрану. Лотерейные шары плясали в стеклянной невесомости. Кристофер не особо следил за происходящим.

Ведущий объявил второй номер – тридцать три.

– Мам? – позвал Кристофер.

– Ш-ш-ш, – отмахнулась она.

И упала на колени. Не спуская глаз с ведущего. Кристоферу доводилось видеть, как она угадывает по два номера. Такое бывало. Но сейчас мама буквально ломала руки. Из барабана выпал третий шар.

Сорок пять.

– О боже, – прошептала она.

В церкви Кристофер никогда не замечал, чтобы мама молилась. Но сейчас она так стиснула сцепленные ладони, что у нее побелели костяшки пальцев. Из барабана выскочил четвертый шар. Ведущий показал:

Девятнадцать.

– Господи Иисусе, смилуйся, – выговорила она.

Кристофер посмотрел на листок, дрожащий в материнской руке. Следующим должен выпасть номер шестьдесят шесть. Мать затаила дыхание.

– Шестьдесят шесть! – выкликнул ведущий.

Сама того не замечая, мать Кристофера стала раскачиваться вперед-назад. Она стиснула сына в объятиях, да так крепко, что чуть не задушила. Но он ничего не сказал. Просто не осмелился. Мама вся одеревенела. Кристофер сверился со своими ответами. Дальше у него шла цифра шесть. Выпал следующий шар.

Опять с девяткой.

– Нет! – вырвалось у матери.

Казалось, прошла целая вечность перед тем, как ведущий перевернул шар и положил его на подставку штрихом вниз.

– Шесть! – объявили в студии.

– О боже мой, – выдохнула мать.

Оставался последний номер. Один-единственный. В застекленном барабане плясали шары. Кристофер глянул на последний ответ в своей безупречной работе. Это было число сорок восемь. Мать Кристофера закрыла глаза. Будто ей стало невозможно смотреть на экран. После стольких поражений она бы не выдержала еще одного.

– Скажи, что там, – попросила она.

– Мам, ты выиграла.

Лица ее он не видел. И только чувствовал, как у него по затылку сбегает мамины слезы. Ее руки сдавили Кристофера с такой силой, что он испугался, как бы у него не переломился хребет. Мать с сыном могли бы просидеть так всю ночь, но в кухоньке от дыма защебетала пожарная сигнализация. Они бросились к плитке и увидели, что обуглились сэндвичи. Щелкнув тумблером на датчике дыма, мать Кристофера распахнула окно, чтобы проветрить.

– Ничего страшного. Так съедим. В серединке сыр почти не сгорел, – сказал Кристофер.

– Брось это к чертям собачьим, – ответила мать. – Хватай пальто. Сегодня на ужин стейки.

Они помчались в центр Питтсбурга – в ресторан «Рутс Крис»²⁹. И хотя мама распорядилась, чтобы Кристофер заказывал себе все что душе угодно, он выбрал омара, потому что в меню это блюдо шло с пометкой «лучшая цена».

²⁹ ...в ресторан «Рутс Крис». – один из основанной в 1960-е гг. сети знаменитых стейк-хаусов, расположенных в США и других странах. Заведения этой сети получили признание как рестораны высокой кухни.

Глава 17

– Лучший вариант из тех, что мы видели, – объявила миссис Сорокка, затормозив у въезда.

В этой дамочке был шик. Вся из себя элегантная. Впрочем, это шелуха. Кейт сразу распознала. Некоторым нравится щеголять мудреными словечками, каких не знали их отцы, и прикидываться столичными жителями. Но даже притворство может оказаться честнее, чем у иных – подлинная сущность. А миссис Сорокка, даром что говорливая, отвечала за каждое слово.

– Подъездная дорожка немного выщерблена, но через пару лет вы ее замостите. Могу порекомендовать фирму, где вам сделают скидку. Нам, девочкам, надо стоять друг за дружку горой.

Подмигнув, она придержала для них с Кристофером дверцу автомобиля. В тот день они осмотрели уже два дома – это был третий. Первый оказался чересчур велик. Второй – слишком мал. Все свои надежды они, как Златовласка, возлагали на третий³⁰.

– Дверь чуток заедает, – предупредила миссис Сорокка, звякнула ключами и поочередно сунула каждый в нужную скважину. – Но это можно внести в список претензий – пусть владельцы сбавляют цену!

Замок щелкнул, и миссис Сорокка толкнула дверь плечом. Кейт на миг задержалась вместе с Кристофером снаружи, чтобы оглядеть морозный осенний пейзаж. Все дома в этом тупике отличались чистотой и богатством. Красивые, как полыхающие листья. А на горке через дорогу стоял бревенчатый особнячок, будто собранный из деталей деревянного конструктора, которым некогда увлекался Кристофер. Из чердачного окна смотрела старушка. Даже на таком расстоянии Кейт слышала скрип ее кресла-качалки.

– Кристофер? Витаешь в облаках? – окликнула Кейт. – Заходим.

Оторвав взгляд от бревенчатой постройки, Кристофер вслед за матерью переступил через порог.

Дом был прекрасен. Как выразилась миссис Сорокка, «штучный товар». В гостиной имелись встроенные шкафы, камин и ниша для большого современного телевизора. Откуда-то – не иначе как из соседних домов – долетал запах печенья с кусочками шоколада. Но миссис Сорокка объяснила: печенье покупают сами агенты – это уловка, создающая иллюзию домашнего уюта.

– Действует безотказно, – признала Кейт.

– И не говорите. Я была худышкой, пока не занялась этим бизнесом.

Переходя из помещения в помещение, миссис Сорокка включала свет. С каждой новой комнатой Кейт все больше проникалась восторгом. Столовая идеальна для четверых, но и восемь человек свободно разместятся. Можно даже гостей пригласить на рождественский ужин.

А уж кухня!

Боже, какая кухня.

Не то что «микра» и плитка в номере мотеля. Кухня – просто рай. Техника вся новехонькая, сверкает нержавеющей. Посудомоечная машина не подтекает. Холодильник с льдогенератором – не надо бегать с ведром в конец коридора, как в мотеле. По центру – кухонный островок. Кухонный, черт его дери, островок!

– Ну, как тебе, мам? – спросил Кристофер.

³⁰ Все свои надежды они, как Златовласка, возлагали на третий. – Сказка о девочке и трех медведях существует в разных вариантах. В английской фольклорной традиции девочка носит имя Златовласки. Когда заблудившаяся в лесу девочка заходит в дом трех медведей и выбирает для себя какой-либо предмет из трех (тарелку, стул и др.), первые два оказываются неподходящими, а третий – «в самый раз».

– Неплохо, – произнесла она, стараясь говорить небрежным тоном.

Миссис Сорокка распиналась о возможности оборудовать постирочную комнату и о профилактическом обслуживании дома, но Кейт уже не слушала. Если гостиная внушала мгновенную симпатию, то спальни, расположенные на втором этаже, вызывали головокружительный восторг. К ним поднималась широкая лестница. Для Кейт это было внове. Прежде она видела только простые ступеньки. А если лестницы, то пожарные.

В конце концов она сделала замечание сыну, который носился вверх-вниз.

– Давайте вначале посмотрим хозяйскую спальню, – попросила Кейт.

– Дело хозяйское, – улыбнулась миссис Сорокка.

Шикарное ложе на подиуме и высокие окна поражали воображение. Но больше всего подкупал стенной шкаф – настоящая гардеробная. У Кейт на лице расплылась чеширская улыбка, ладони вспотели от напряженных раздумий: в ближайшее время предстояло чем-то заполнить эти пустые полки. Ей неловко было даже помыслить, сколько раз придется ездить в торговый центр. В аутлет или еще куда. Но кое-что можно приобрести и в благотворительном секонд-хенде.

Хватит, не мелочись, Кейт. Ты заслужила. Расслабься.

– Ну вот, есть и другая спальня – весьма уютная. Что на языке нашей профессии означает «не повернуться», – подмигнула миссис Сорокка. – Но на случай приезда родственников сойдет.

Приличных родственников у них не было. Да и гостей никогда не будет. Но агенту по недвижимости это знать необязательно. Когда Кейт соберется получить образование, из гостевой спальни получится отличный кабинет. Прямо над гаражом на две машины. Больше никто не выпишет ей квитанцию на штраф из-за того, что она в положенный срок не перегнала машину на другую сторону и тем самым помешала уборке улицы. Больше никогда не придется нахлобучивать бумажный мешок на уличный паркомат. Их новая сухопутная акула (с сертифицированным пробегом) зайдет в собственную гавань.

– А здесь, видимо, будет комната Кристофера. – Миссис Сорокка распахнула дверь.

Внутри все оказалось идеально.

Детская кровать, письменный стол. Просторный эркер, где ребенок может посидеть и полюбоваться видом из окна. Большой платяной шкаф. Комод для игрушек. Приятной расцветки ковер, совсем новый. Запах весны. Вроде как лимонный, но без кислинки.

– Ну как тебе, солнце? – спросила Кейт.

– Мне очень нравится, мам.

– И мне тоже.

– Стало быть, мы довольны? – уточнила миссис Сорокка.

– Мы необычайно довольны, – ответила Кейт.

– Делаем предложение хозяину?

Кейт притихла. У нее заколотилось сердце от одной мысли, что сейчас придется взять ручку и вывести свою фамилию. Но она уже забрала свой выигрыш, подбила бабки, уплатила налоги, избавилась от долгов. Рассчиталась за пребывание Кристофера в больнице. Погасила ссуду, взятую на похороны мужа. И задолженность по кредиткам, как рекомендовала в своей телепрограмме Сьюзи Орман³¹. Открыла целевой вклад на высшее образование (для двоих). И после всего этого у нее оставалось достаточно средств для первого взноса, чтобы наконец получить то единственное, что всегда обещал ей Кристофер.

Собственный дом.

³¹ ...как рекомендовала в своей телепрограмме Сьюзи Орман. – Сьюзи Орман (р. 1951) – популярная телеведущая, авторитетный консультант по финансовым вопросам, автор книг, ведущая колонок в онлайн-журналах.

Чтобы никуда больше не убегать. Никуда не переселяться. Чтобы у сына была крыша над головой.

Притормози, Кейт. Начни задавать вопросы.

– Это честная сделка? Говорите начистоту. Нам, девочкам, надо стоять друг за дружку горой, верно?

– Да, так и есть. А сделка прямо-таки отличная. Дом выставлен на продажу по единственной причине: хозяева приобрели кондоминиум в Палм-Спрингсе, чтобы унести ноги от здешних зим³² и от своего зятя. Такие дома уходят влет. Даже если вы слегка переплатите сверх первоначальной цены, это будет как подарок.

Кейт понимала: так оно и есть. Но для очистки совести все же отбарабанила заготовленные фразы.

– Каково твое мнение? – в конце концов спросила она у Кристофера.

– Суперский дом, лучше не бывает, – сказал он.

– Что ж, тогда можно подписывать.

Миссис Сорокка захлопала в ладоши.

– Единственно правильное решение! А хотите, открою вам секрет? Главный козырь вы еще не видели!

Пройдя через комнату Кристофера, миссис Сорокка отдернула штору, чтобы показать им вид из широкого окна эркера. Оно выходило на просторный двор с раскидистым деревом, с висящей на цепях автомобильной покрывшей, с целым игровым городком и песочницей. Мечта любого мальчишки. Хорошо утрамбованная, аккуратная площадка. Идеально для футбола. Идеально для всего.

– Подумать только, – продолжала миссис Сорокка, – вы получаете в придачу такой двор, а теперь посмотрите чуть дальше.

Дальше тянулся Лес Миссии.

Возможно, Кристофер позабыл те шесть дней, когда блуждал в этом лесу, но Кейт запомнила их навсегда.

– Я не хочу жить вблизи этого леса, – выговорила она.

Миссис Сорокка покивала, будто у нее в памяти всплыла газетная фотография пропавшего Кристофера.

– Слушайте, строго между нами... В двух шагах отсюда мистер Коллинз будет строить новый жилой квартал.

– Ну допустим, – сказала Кейт.

Еще раз покивав, миссис Сорокка перешла на заговорщический шепот.

– Допустим, но известно ли вам, что продажу новых домов он поручил не кому-нибудь, а моему боссу? И намеревается построить дорогу, которая соединит противоположные концы города? Через полгода ваш дом окажется в самом престижном районе Милл-Гроув, и тогда стоимость его взлетит на сотню тысяч долларов против нынешней. Вы мне симпатичны, Кейт. А помимо всего прочего, я тоже мать. И очень огорчусь, если вы упустите такую возможность. Всего два слова: сказочный шанс.

– Это точно?

– Верьте мне. К Рождеству вы и думать забудете про этот лес.

³² ...хозяева приобрели кондоминиум в Палм-Спрингс, чтобы унести ноги от здешних зим... – Калифорнийский туристический город Палм-Спрингс (основан в 1938 г.), со всех сторон окруженный горами, известен тем, что в силу его географического положения там бывает 354 солнечных дня в году.

Глава 18

Переехали они на следующий день после Хеллоуина.

Стоя на коленках, мама Кристофера вместе с сыном укладывала в коробки свою жизнь. Переезд был для них не внове. Всего пару месяцев назад они еще жили в Мичигане. Но сейчас они не срывались с места среди ночи, чтобы отделаться от Джерри. И не бежали из города, где каждый указатель, каждая вывеска напоминали ей о покойном муже.

Ее ожидал новый дом, ее собственный.

Ее ожидала новая жизнь.

Кейт упаковала старенькую электрическую плитку и посуду. Погрузившись в радостные и волнующие мысли о возможностях своей новой кухни, она почти случайно завернула пиалы для завтрака в газету с портретом Кристофера.

Материал о ее сыне напечатала питтсбургская «Пост-газетт». От публикации своей фотографии Кейт отказалась: хотела, чтобы вся слава досталась сыну. Поэтому на большой перемене учительница, миз Ласко, сопровождала его на игровую площадку. Фотограф, начинающий кинорежиссер, сделал снимок. И в воскресенье Кейт с гордостью скупил все до единого экземпляры газеты в том самом магазине «Север-Элевер», где был куплен лотерейный билет.

Контрольная по математике = выигрыш в лотерею

Сейчас ее семилетний сын тащил к небольшому штабелю коробок, выросшему возле дверей, свой спальный мешок с изображением Плохого Кота. Из прежней жизни они забирали с собой всего ничего. Ровно столько, сколько влез в багажник старой сухопутной акулы перед их бегством от Джерри. Ну, и кое-какие обновки – в знак начала новой жизни.

Вскоре к ним потянулись провожающие. Кейт, конечно, гордилась, что за столь короткий срок у них с сыном появилось так много друзей. Мама Тормоза Эда привела с собой не только сына, но и мужа, чтобы тот помог с переездом. У Большого Эдди и сердце было большое, прямо как его большие мужские молочные железы. Он без умолку развлекал присутствующих байками о том, как в студенческие годы зарабатывал себе на жизнь перевозкой мебели.

– Я тогда качок был – будьте-нате, – приговаривал он.

– Ты и сейчас хоть куда, миленький, – любовно кивала Бетти.

Приехали Эм-энд-Эмсы со своими матерями. Одна – тихоня по имени Сэйдж. Вторая – крикуша по имени Вирджиния. Одна – веганша из Коннектикута. Вторая – мясоедка из Техаса. Идеально дополняли друг дружку.

Общими усилиями пожитки перенесли в фургон, любезно предоставленный фирмой «Метизы», принадлежащей Большому Эдди.

Затем Кристофер с мамой вернулись, чтобы проверить, не завалилось ли что-нибудь из вещей в комнате мотеля. Убедившись, что там не осталось ничего, кроме воспоминаний, они распрощались со своей прежней жизнью.

– Я навсегда забуду, что такое квартирная плата, – сказала Кейт, затворяя входную дверь.

Когда новенькая сухопутная акула остановилась в тупике у дома номер двести девяносто пять по Монтерей-драйв, Кейт и ее сына ожидал приятный сюрприз. Родители Тормоза Эда («Сколько раз повторять: зовите нас Бетти и Эдди, сделайте одолжение!») за бутылку шардоне выпросили у миссис Сорокка ключи от гаража, и Большой Эдди поручил двум своим лучшим мастерам установить автоматическую гаражную роллету. А когда мама Кристофера собралась выйти из машины, чтобы отпереть гараж вручную, Бетти нажала на кнопку. Эдди, ко всеобщему восторгу, начал искать привидение, а потом все зашли в дом и помогли распаковать коробки.

Управились быстро: пожитков было немного. А потом еще подоспел шериф, когда закончилась его смена. После выписки Кристофера из больницы он всячески поддерживал Кейт. Когда его помощники закончили прочесывать лес, так и не найдя ничего подозрительного, шериф сразу же ей позвонил. А она, конечно, ему позвонила, когда собиралась оформлять покупку дома. Прежде всего нужно было позаботиться о безопасности Кристофера. Шериф подошел к этому со всей серьезностью, изучил все полицейские протоколы за последние десять лет и заверил Кейт, что этот дом ничем не запятнан. А район – тем более. Но если она пожелает, он для верности пройдет с ней по всей округе.

– Это лишнее, – сказала она, к его разочарованию. – Но если у вас появится желание прийти в день переезда, то с меня пицца.

На том и сговорились.

Весь день Кейт наблюдала за Кристофером и его друзьями: они вели себя совсем по-мужски. Когда шериф взялся заносить в дом новую мебель (купленную в стоковом магазине), четверка мальчишек была тут как тут. Когда Большой Эдди сделал перерыв, чтобы глотнуть пива, они тоже прервались, чтобы освежиться лимонадом. А когда дом был полностью обставлен и Большой Эдди разжег огонь под решеткой мангала, чтобы поджарить свои знаменитые «сосиски в блинах», предназначенные «для заедания пиццы», ребята, сгрудившись поблизости, сосредоточенно наблюдали за всеми действиями, прислушивались к его разговору с шерифом и согласно кивали, совсем как взрослые.

Но вообще говоря, в их кругу Эдди сейчас был единственным отцом.

А шериф – тоже не последний человек.

После застолья родители друзей засобирались по домам. Сейдж и Вирджиния пообещали заскочить на выходных и помочь с уборкой. Бетти тоже пообещала заскочить – помочь с оставшейся выпивкой и проконтролировать ход уборки. Большой Эдди сказал, что «подгонит любое железо», если в доме обнаружатся холерные полочки, неизбежные на первых порах. А Кристофер договорился увидеться с ребятами в понедельник.

Шериф уходил последним.

– Спасибо вам за помощь, шериф, – сказала Кейт, пожимая ему руку.

Уставившись в пол, он кивнул. Потоптался на месте, как школьник, и вдруг заговорил сдавленным голосом, будто у него изнутри били мячом в грудь.

– Да не за что. По себе знаю, каково это – переезжать на новое место, где никто тебя не ждет. Я ведь сам только год назад перебрался сюда из Хилл-дистрикта.

Она покивала. Он слотнул. И сделал первую попытку.

– Миссис Риз... вы еще не бывали в «Приманти бразерз»³³? Настоящее питтсбургское заведение.

– Нет, не бывала.

– А можно вас туда пригласить?

Получилось, наверное, не так изысканно, как ему бы хотелось. Но уж как получилось.

Она подняла на него взгляд. Этот по-медвежьи крупный мужчина вдруг сделался маленьким. За свою жизнь Кейт повстречала достаточно негодяев, чтобы с ходу различить порядочного человека. Но она еще не была готова. Даже в первом приближении. После Джерри.

– Дайте мне немного времени, шериф, – попросила она.

Такой ответ, похоже, его устроил.

– Отчего же не дать, миссис Риз, времени у меня полно, – улыбнулся он. – Доброй ночи.

³³ «Приманти бразерз» – существующая с 1933 г. сеть магазинов по продаже сэндвичей в Питтсбурге и его окрестностях и в Форт-Лодердейле, штат Флорида. Наиболее известная позиция их ассортимента – фирменные сэндвичи с мясом-гриль, острым салатом из капусты, моркови и лука, кусочков помидоров и картофеля фри на двух ломтиках итальянского хлеба.

С этими словами он пошел к машине. Кейт, стоя на крыльце, смотрела, как он отъезжает под первыми каплями дождя. А затем ушла в свой первый собственный дом и заперла дверь.

Под перестук дождя она поднялась по своей собственной лестнице в комнату сына. Кристофер, уже в пижаме, свернулся калачиком в постели и читал «Робинзона Крузо». Эту книгу порекомендовала ему миссис Хендерсон, услышав его восторги по поводу «Острова сокровищ».

Кейт даже не верилось, насколько ее сын за истекший месяц продвинулся в чтении. Да и в математике тоже. Он пошел в подготовительный класс вскоре после смерти отца. И в результате долгих стараний наконец-то добился успехов. Так что его трудности в учебе объяснялись, по видимому, прежде всего стрессом. Но даже если и не так, она напомнила себе сделать миссис Хендерсон и миз Ласко хорошие подарки к Рождеству.

Эти женщины сотворили чудо.

Она присела на краешек кровати и через плечо сына прочла пару строк, заправляя прядь волос ему за ухо. Беглый осмотр его спальни напомнил ей о двух обещаниях, данных ею в расчете на выигрыш в лотерею.

На первом месте шел книжный шкаф.

Она не собиралась делать эту покупку в стоковом отделе торгового центра или в ИКЕА. Нет уж, дудки. Чтобы выбрать для сына первый в его жизни настоящий книжный шкаф, Кейт прочесала весь город и в конце концов обнаружила замечательный антикварный магазин. И разрешила Кристоферу выбирать. Мебель там была великолепная. Дуб. Сосна. Кедр. Но Кристофер выбрал какую-то оклеенную бумагой с утятами рухлядь. Нелепую, под стать новогодней елке Чарли Брауна.

– Здесь очень большой выбор. Чем тебя привлек этот шкаф, солнце? – спросила она.

– Тем, что от него пахнет бейсбольными перчатками.

На втором месте шла серебряная рамка для фото. Кристофер торжественно водрузил ее на самое видное место, на книжный шкаф. Мама взгляделась в портрет ныне покойного мужа. Застывший черно-белый момент. Отец Кристофера улыбался, стоя у наряженной елки. Это был один из счастливых деньков.

Кейт прилегла рядом с сыном и минут двадцать слушала, как он читает; голос его звучал приглушенно, будто шорох дождя. Потом она поцеловала Кристофера в щеку и укутала его на ночь.

– Кристофер... ты купил своей маме дом. Знаешь, кто на это способен?

– Нет, не знаю.

– На это способны только победители.

Со словами «Раз-два-три, сон смотри!» она погасила свет. А потом спустилась в кухню. Там сделала пару глотков пива со льдом и пошла приводить в порядок свою спальню. Свою отдельную спальню. Если не считать нескольких лет, прожитых с мужем, ей за всю жизнь так и не довелось прочувствовать, что такое надежный дом.

А теперь она обустроивала именно такой дом для сына.

Развесив все свои вещи, она заметила, что просторный стенной шкаф заполнился только на треть. Кейт Риз привыкла не ждать от жизни ничего хорошего. Но сейчас она попала в рай. В настоящий рай. Она восстановила в памяти все решения, все моменты, которые привели ее сюда, в собственный дом, где по крыше тихонько стучали дождевые капли.

Надумай кто-нибудь тщательно спланировать такую историю, ничего лучшего все равно было бы не придумать.

Глава 19

Кристофер свернулся калачиком в своем спальном мешке с изображением Плохого Кота. Под перестук дождя он наслаждался теплом и уютом. В окно эркера лился лунный свет, отбрасывая пятнышки на новый книжный шкаф и на папино фото. Мама разрешила ему выбрать краску для стен в этой комнате по своему вкусу, потому как им больше не придется беспокоиться насчет аренды и гарантийных взносов. Он сказал, что хочет голубой с белым. Как небо. Или как глаза мистера Эмброуза.

Ничем не нарушая тишины, Кристофер выбрался из спального мешка.

Подошел к окну эркера и забрался на подоконник. Сел по-турецки и стал смотреть на задний двор. Где на цепях качалась шина. И простиралось большое игровое поле, идеально подходящее для бейсбола.

А дальше был Лес Миссии.

Небо прочертила молния. Дождь оставлял на окне свои следы, подобные слезам на лобовом стекле. На уроке катехизиса в ОКЦ кто-то сказал, что дождь – это слезы Бога. Тогда ему подумалось: а Ноев ковчег – из гнева.

Или из рыданий Бога.

Кристофер распахнул окно. Устремил взгляд вверх и увидел облака. На карниз падали мелкие дождевые капли. Они холодили румяно-красные щеки. Так он просидел с полчаса – приглядывался, прислушивался, ощущая себя особенным и счастливым. Что-то знакомое просматривалось в этих облаках. А что именно – он никак не мог вспомнить. Но вроде бы они улыбались. И Кристофер послал им ответную улыбку.

Нет, голоса не было. Был ветер. Был шорох. Совсем не похожий на голос. Ну разве что на отголосок. Кристофер не столько его слышал, сколько припоминал, как нечто подобное кто-то ему говорил. Но сомнений быть не могло. Он долетал из леса.

И звал его к себе.

Кристофер схватил башмаки и брошенную на пол красную кенгурушку. Скользнул глазами по отцу, обрамленному в серебро. А потом отворил дверь спальни. Выглянул в коридор. У мамы в комнате свет не горел. На цыпочках спустившись по лестнице, он прошел через кухню. Там больше не витал запах печенья.

На задний двор вела раздвижная дверь. Туман сгустился, но еще глазом различались качавшиеся на ветру деревья. Это зрелище его успокоило. Подобно колыбельной, подобно любимой стороне подушки.

Ноги ступали по мокрой, стылой траве. Кристофер двигался сквозь туман, мимо качелей, сделанных из шины, в дальний конец двора. Он оглянулся на свой дом. Увидел бревенчатый домишко на другой стороне улицы. В окнах света не было. И Кристофер свернул в сторону деревьев. Вот же он. На расстоянии вытянутой руки.

Лес Миссии.

Кристофер не спускал глаз с деревьев. Они раскачивались – красивые, голые, молчаливые. Так в церкви раскачиваются поднятые руки. Туда-сюда. Туда-сюда. Он никого не видел, но ощущал их присутствие. И втягивал носом запах бейсбольной перчатки, хотя его бейсбольная перчатка лежала в гостинной, в еще не распакованной коробке.

– Ты тут? – шепнул наконец Кристофер.

Деревья зашуршали. Кристофер услышал треск сухих веток. У него горели уши. Он знал, что надо бы поостеречься, но почему-то не испытывал страха. Наоборот, он вздохнул с облегчением³⁴. Потому что знал: нечто есть тут, поблизости. Наблюдает за ним.

³⁴ Белый пластиковый пакет, казалось, вздохнул с облегчением. – Белый пакет также появляется в культовом фильме

– Спасибо, что у моей мамы теперь есть дом, – прошептал Кристофер.

Ответом ему была тишина. Но не молчание. Его слушали. Кристофер оглянулся – прямо позади него ощущалось какое-то соседство. Он это чувствовал затылком.

– Ты пытаешься со мной заговорить? – спросил Кристофер.

Ветер боролся с листвой. В этом ветре чудился голос. Но он не разговаривал. А все равно слова щекотали затылок. Как будто ветер еле-еле пробивался сквозь заросли, силясь быть услышанным.

Кристофер вошел в лес.

Дождь падал на кроны деревьев и ручейками стекал по стволам. Кристофер не знал, куда идет, а ноги почему-то знали. Так бывает, когда долго не катаешься на велосипеде. Рассудок может забыть, как это делается, а тело будет помнить.

Ноги вели его на голос.

У Кристофера екнуло сердце. Он по-прежнему никого не видел, но что-то чувствовал. Как чувствуется порой искра, когда соприкасаются руки. Он шел в чашу, и тропа освещалась все ярче. В ноздри ударил запах. Восхитительный запах осени. Спелых яблок. Кристофер увидел имена, вырезанные на древесных стволах. Инициалы влюбленных подростков из минувшего века. Ныне – стариков.

И ныне покойных.

Кристофер добрался до лесной поляны. Постоял в молчании, разглядывая гигантское дерево, похожее на деформированную артритом руку. Заметил на земле облепленный грязью пластиковый пакет. Подобрал, заботливо ополоснул под свежими, холодными струями дождя. Вытер своей красной курточкой; пластик оказался белым. Затем, подойдя вплотную к дереву, нацепил пакет на нижнюю ветку. На глазах у Кристофера пакет заплясал, как воздушный змей на веревке. Что-то знакомое виделось в этом зрелище, а что – сразу и не вспомнить. Нечто надежное и ободряющее. Подобное старинному другу.

– Привет, – обратился Кристофер к белому пластиковому пакету.

ты меня слышишь?

Белый пластиковый пакет, казалось, вздохнул с облегчением.

– Да, слышу тебя, – ответил Кристофер.

прямо не верится. кто-то меня услышал.

Кристофера бросило в жар. Он с трудом сглотнул застрявший в горле ком.

– А ты всамделишный? – усомнился Кристофер.

да.

– Ты – не плод моего воображения?

нет.

– Значит, я не рехнулся? – спросил Кристофер.

нет. я пытаюсь говорить со всеми, но ты – единственный, кто ко мне прислушался.

Сэма Мендеса «Красота по-американски» (2000), удостоенном премии «Оскар» в пяти номинациях, в том числе «за лучший фильм». Один из героев кинокартины, Рикки Фиттс, увлекается любительской видеосъемкой и запечатлевает в кадре все, что кажется ему красивым. Самым прекрасным сюжетом в его «киноколлекции», по словам самого героя, является «танец» белого полиэтиленового пакета и опавшей листвы, подгоняемых осенним ветром. За просмотром этой записи герой произносит один из ключевых монологов фильма, в котором утверждает, что «за каждой вещью скрывается целая жизнь, невероятно добрая сила, которая показала мне, что не нужно бояться». Эти слова, адресованные возлюбленной Рикки, отсылают нас к строкам: «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх» (1 Ин. 4:18). Необходимо отметить, что именно наблюдения за полетом пластикового пакета на парковке супермаркета подтолкнули Алана Белла к написанию сценария, также отмеченного премией американской киноакадемии.

У Кристофера гора с плеч свалилась.

– Но почему я услышал тебя только сейчас?

потому, что мы с тобой находимся в лесу с глазу на глаз. Не зря же я подобрал для тебя именно этот дом. Ты им доволен?

– Это самый лучший дом на всем свете.

я очень рад.

– Когда можно будет тебя увидеть?

скоро. но вначале я попрошу тебя кое-что для меня сделать. согласен?

– Согласен, – ответил Кристофер.

И опустившись под деревом на колени, уставился на белый пластиковый пакет, пляшущий, как волосок на ветру. Кристофер застыл на долгие часы. Не замечая холода. Беседуя обо всем подряд. Со своим новым лучшим другом.

Со славным человеком.

Часть III. Лучшие друзья навек

Глава 20

– Ребята, а давайте построим домик на дереве?

– Домик на дереве? – переспросил Тормоз Эд, запивая бекон шоколадным коктейлем из большой пластиковой бутылки. – Мне папаша как-то собрал такой из конструктора, прикинь. Только домик развалился – отец поддатый был.

Они сидели в школьной столовке. На обед сегодня давали рубленый бифштекс «солсбери». Кристофер точно не знал, что в данном случае означает «солсбери» и зачем его рубить, но сегодня мама не стала совать ему привычные бутики с арахисовым маслом и стебли сельдерея в грубом бумажном пакете, а дала с собой денег на нормальный горячий обед. В такие холода положено переходить на горячее питание. Ноябрь как-никак. Хеллоуин остался позади; теперь весь город украсили ко Дню благодарения.

– Нет, Эд, я о другом, – пустился в объяснения Кристофер.

Раскрыв блокнот, он осторожно подтолкнул к ребятам свой проект. Близнецы Эм-энд-Эмсы вперились в рисунки, скрупулезно выполненные на миллиметровой бумаге. Крыша. Черная кровельная дранка. Оконные петли. Красная дверь. По древесному стволу змеятся прибитые на разной высоте бруски: ни дать ни взять лесенка из молочных зубов.

– Офигеть. Там прямо жить можно! – воскликнул Мэтт, частично скрытый глазной повязкой.

– Сам вычертил? – поразился Майк.

Кристофер кивнул. Проснувшись в субботу, он уже знал, как будет выглядеть их дом. В голове сложился мысленный образ, да такой отчетливый, что хоть по металлу вырезай. На выходных он, вооружившись цветными карандашами и миллиметровкой, занимался проектированием, – точно так же, как в свое время рисовал идеальный дом для мамы. Но нынешний вариант не предусматривал ни геймерской, ни конфетной комнаты, ни живого уголка за кухней.

Нынче все делалось по уму.

– То есть будет входная дверь с замком, все дела? – допытывался Майк.

– Конечно. И ставни. И застекленные окна. А в полу еще лаз потайной с веревочной лестницей, – разговорился Кристофер.

– А лаз-то потайной зачем? – не понял Мэтт.

– Зачем-зачем... Да затем, что это круто, – припечатал Майк.

– Ну-ка, дай глянуть. – Тормоз Эд выхватил у Мэтта блокнот.

Задумчиво прихлебывая шоколадный коктейль, он с видом знатока листал страницы. Кристофер видел, что Эд, разделавшись с беконом, сажает на бумагу жирные пятна. Бесило, конечно, но волей-неволей приходилось помалкивать. Не лишаться же поддержки друга. Вскоре Тормоз Эд подтолкнул блокнот обратно, по направлению к Кристоферу.

– Нереально. Нам такое не потянуть, – отрезал он.

– Это почему же? – снова подал голос Мэтт. – Наш дядя Джордж...

– ...на все руки мастер, – встрял Майк, чтобы только опередить брата. – Прошлым летом мы ему на стройке помогали. Так что разберемся.

– Так ведь уже ноябрь. Как бы колотун жуткий, – усомнился Тормоз Эд.

– А ты что, неженка? – ужалил Майк.

– Хм, вот не знаю. Может, ты сам неженка? – парировал Тормоз Эд.

– Да ладно тебе, Эдди. Главное – у нас будет штаб, – сказал Кристофер.

– Ну и в чем тут прикол: строить во дворе какую-то дурацкую халупу на дереве, когда в двух шагах – теплая гостиная и телик фурычит?

– А прикол в том, что строить нужно не во дворе. – Кристофер понизил голос. – Штаб у нас будет в Лесу Миссии.

Повисла мертвая тишина. Теперь всем открылось величие такого замысла. Это не какие-то там детские игрушки во дворе. Это рискованная затея. Это без спросу. Это...

– Клево, – выдохнул Тормоз Эд.

– ...но туда же нельзя, – подал голос Мэтт.

– А то мы не догадывались! Раз нельзя – значит, клево, – бросил Тормоз Эд.

– Ну не знаю, – засомневался Майк. – Коллинз там везде заборов понаставил.

– А ты что, неженка? – не упустил своего Тормоз Эд. По умолчанию счет стал один – один.

– Заборы не везде, – возразил Кристофер. – От моего двора тропинка идет прямо в лес. Лазать через забор не будем, еще не хватало. Вот только инструменты надо раздобыть.

– Фигня, – ответил новоявленный защитник дома на дереве в лице Тормоза Эда, – у отца в гараже их полно. Ему-то самому без надобности.

– А доски где брать? – спросил Кристофер, прекрасно зная ответ.

– Да у того же Коллинза деревяшек подрежем, – сказал Майк.

– А у нашего дяди гвоздей – завались, – вставил Мэтт.

Тут же, за столом, они наметили план действий. Стало ясно, что все, кроме дранки, дверной ручки и застекленных окон, можно выключить, позаимствовать или стырить. К тому же у папаши Тормоза Эда хранится целая пачка старых журналов «Плейбой» и дома стоит цветной ксерокс. А поблизости, между прочим, живет куча подростков.

Так что деньгами разжиться – не проблема.

«Коллинз Констракшн» довольно жестко разбиралась с нарушителями установленных границ. От своего отца Тормоз Эд слышал, что мистер Коллинз вырубает лес под строительство новых кварталов. Кто туда сунется, тот определенно нарушит закон. Но это и будоражило воображение.

– К черту закон! К черту закон!³⁵ – Тормоз Эд затянул старую песню, которую со студенческой скамьи обожала его мать.

– А предкам что скажем? – забеспокоился Мэтт.

Точно. Родители. Хм-м-м.

Детей на пушечный выстрел к этому лесу не подпустят. Особенно после истории с исчезновением Кристофера. Если кого и удастся обвести вокруг пальца, так это папашу Тормоза Эда, но чтобы всех матерей разом? Да ни в жизнь.

Друзья призадумались, но Кристофер на самом-то деле уже решил и этот вопрос. Обдумывать его было – одно удовольствие: примерно как сладко потягиваться и одновременно чесать спину. За этими размышлениями Кристофер отметил, что головная боль уже пару минут как отступила. У него созрела идея.

Ночевка.

Что может быть проще?

Пусть каждый прихватит из дома спальник, чтобы заночевать в штабе на дереве. Если сказать родителям, что они будут друг у друга в гостях, ничто не мешает им вкалывать все выходные, не прерываясь на сон. Это рискованно. Матери, конечно же, начнут звонить с проверкой. Но выкрутиться можно с помощью мобильных. При любом раскладе получится урвать, считай, двое суток на непрерывную работу.

³⁵ *К черту закон! К черту закон!* – Песня *Breaking the law* британской рок-группы Judas Priest с альбома *British Steel* (1980).

Майк идею одобрил. Мэтт вроде побаивался ночного леса, но стусеваться в присутствии брата не посмел. Пришлось согласиться.

– Чур, по жратве я главный, – оживился Тормоз Эд.

– Давай-давай, Эдди.

Завершив обсуждение, Кристофер откинулся на спинку стула и обвел взглядом своих друзей, взбудораженных и шумливых. Но услышал только звенящую тишину – его сознание вновь придавила тяжесть. На головную боль он уже махнул рукой. Притерпелся. Она не мешала ему радоваться, что друзья поучаствуют в строительстве, ведь без них ему нипочем не управиться к сроку.

– Эй, Крис! – окликнул его Тормоз Эд.

Вздвогнув, Кристофер сообразил, что дело только за ним: друзья уже произнесли тост за славное будущее дома на дереве и замерли в ожидании. По примеру остальных он подался вперед, и три скромные молочные картонки сомкнулись с большой пластиковой бутылкой шоколадного коктейля. Потягивая холодное молоко, Кристофер всматривался в напечатанное на упаковке фото пропавшей девочки.

Эмили Бертович.

Теперь прочесть ее имя не составляло труда.

Кристофер целиком погрузился в мысли о предстоящем строительстве; по дороге домой он почти не обращал внимания на тех, кто ехал с ним вместе в школьном автобусе. Новый маршрут, новый район – все сплошь незнакомое. За одним исключением.

Дженни Херцог.

– Короткие штаны – ноги голые видны! – не унималась она, хотя мама уже купила ему новые, длинные брюки.

Остановка находилась в конце протяженной улицы, возле старого углового дома. Дженни забежала в соседний, обшитый алюминиевым сайдингом. Кристофер прошагал дальше, до самого тупика. Обернувшись, он бросил взгляд на бревенчатый домик через дорогу и на вездесущий Лес Миссии.

Там у них будет штаб.

Кристофер не привык таиться от друзей. Но кому охота выглядеть сумасшедшим? Как его отец. А еще он боялся их отпугнуть. Ведь в той ночной беседе славный человек поведал и кое-что другое. В основном непонятное. А отчасти – просто страшное.

Но Кристофер верил славному человеку. Было что-то такое в его голосе. Доброе. Теплое. И хотя Кристофера подчас одолевали сомнения, на поверку выходило, что славный человек ни в чем не ошибся. Как оказалось, в гараже у отца Тормоза Эда и вправду полно инструментов. Майк и Мэтт действительно помогали дяде Джорджу на стройке. В прошлый раз Кристофера освободили от дополнительных занятий по чтению с миссис Хендерсон. И Дженни Херцог вышла на его остановке.

А домик на дереве требовалось завершить до Рождества.

– К чему такая спешка? На что он вообще способен, этот домик на дереве? – допытывался Кристофер.

пока не увидишь своими глазами – не поверишь.

Глава 21

За дело взялись в субботу.

Стоял холодный ноябрьский день, и даже те скудные лучи солнца, над которыми смиловались облака, не могли пробиться сквозь кроны деревьев. Но в радостном предвкушении ночевки ребята этого не замечали. Неделя прошла с большой пользой. Эм-энд-Эмсы нашли территорию, где строительная компания Коллинза хранила стройматериалы. И все сообща придумали способ транспортировки всего необходимого на поляну.

– Есть такая специальная толкалка, – поделился в ОКЦ своей идеей Тормоз Эд.

– Каталка, что ли? Тачка? – уточнил Кристофер.

– Сказал же: «толкалка», – досадливо буркнул Эдди.

Тормоз Эд с лихвой компенсировал скудный словарный запас сообразительностью и деловой хваткой. Порывшись в отцовском ящике с инструментами, он нашел два номера журнала «Плейбой», которые удачно сбыл с рук.

В субботу Кристофер проснулся раньше обычного и достал свой любимый рюкзак. Особенный, на котором был изображен Плохой Кот, вопрошающий: «А внутри есть еда?» Спустившись вниз, Кристофер подсел к матери на диван. От нее исходило такое же тепло, как и от ее кофе, а пахло еще вкуснее.

– Ты куда это собрался в такую рань? – насторожилась Кейт.

После того, как Кристофер на неделю исчез, она оберегала его, как наседка, и с крайней неохотой отпускала из дома.

– Договорились встретиться с Эдди и с Эм-энд-Эмсами, – ответил он. – Собираемся у Эдди дома. Будем весь день рубиться в приставку. Может, даже с ночевкой останемся.

– А мама его в курсе? – вздернув бровь, поинтересовалась Кейт.

И тут, как по заказу, пикнуло сообщение.

Кейт. Эдди умоляет оставить ребят с ночевкой. Вирджиния и Сейдж согласились. Отпустишь своего?

Мама Кристофера и не подозревала, что сообщения с телефона матери писал Тормоз Эд, чтобы тут же, ровно в половине девятого, их удалить. Не догадывалась она и о том, что Эм-энд-Эмсы, со своей стороны, точно так же обеспечили свободу на всю ночь Тормозу Эду. Мальчишки не знали, как дети обходят вокруг пальца взрослых, если те общаются между собой голосом. Но задумка с эсэмэс чудесным образом сработала. Мать Кристофера напечатала ответ.

Конечно, Бетти. Возьму тогда дополнительную смену. Спасибо.

Фух.

– Телефон держи при себе, – напомнила она сыну, подъехав к дому Тормоза Эда. – Заберу тебя в десять утра.

– Ну мам, ну пожалуйста...

– Тогда в полдесятого.

– Ладно. В десять так в десять, – согласился он, пока не сделал еще хуже.

– И смотри у меня, – предупредила она. – Из дома – ни ногой. Никаких вылазок. Я серьезно.

– Конечно, мам, – пообещал Кристофер.

Она его обняла и выпустила из машины.

Ребят он нашел в гараже, где отец Тормоза Эда хранил необходимое снаряжение для отдыха на природе, которое их семья использовала ровно ноль раз. Эдди гордо демонстриро-

вал тележку с аккуратно погруженными окнами, купленными на деньги от продажи журналов «Плейбой».

– Говорил же: у отца есть толкалка, – сказал он.

После этого мальчишки принялись за дело.

Они расхватили карманные и туристические фонарики, а также старые спальные мешки, которые давно нужно было выбросить, но мать Тормоза Эда не удосужилась даже поручить это домработнице. В один из спальников загрузили хлеб, рубленую ветчину и арахисовое масло. Сверху побросали картонные тарелки, пластмассовые ложки, запас молока, «Фрут-лупс». И, конечно, две пачки «Орео». Спальник сделался похож на бугристую сигару.

Даже инструменты не все туда влезли.

И вот, пока мать Тормоза Эда отсыпалась после «ночного бриджа», мальчишки устремились ко входу на строительную площадку «Коллинз Констракшн» в Лесу Миссии. По воле случая сторож в это время совершал обход, а рабочие на соседнем участке рыли котлован, так что ребята успели выбрать нужные пиломатериалы. Набрав по охапке небольших брусков, они направились к забору. Протолкнули тачку под проволоку, перемахнули через ограждение и двинулись по узкой тропинке через луг. Мимо вывески «Коллинз Констракшн».

Прямо к опушке Леса Миссии.

Остановились. Внимательно прислушались к тишине. Как Гензель и Гретель³⁶ из старой сказки, которую им читали в детстве. Когда они еще боялись ведьм и волков.

– Ребзя, а может, стоило рассказать предкам, куда мы пошли? – подал голос Мэтт.

– Да ты что? Нас бы не отпустили, – сказал Майк.

– Но если мы заплутаем, никто не додумается, где нас искать.

– Кристофер здесь шесть дней бродил. Он тут, как у себя дома, – заметил Тормоз Эд.

Ища поддержки, Мэтт взглянул на Кристофера, но тот неотрывно смотрел на крупные разноцветные листья. Их в медленном танце обтекал ветер. Казалось, лес дышит.

– Вот именно. Так что не будь слюнтяем, – одернул Майк брата, который был на три минуты младше.

– Я не слюнтяй!

– Так докажи. Иди первым.

– И пойду, – сказал Мэтт, даже не шевельнувшись.

– Ну, давай! Чего ждешь? Деревья не кусаются.

– Сказал же, пойду!

Но сам прирос к месту. Уж очень было стремно.

– Ладно, парни, айда за мной, – наконец подал голос Кристофер.

И сделал первый шаг, закончив эти игры и не уронив достоинство Мэтта. Друзья потянулись за ним, постепенно углубляясь в лесную чащу.

Кристофер шагал по дорожке, пытаясь отыскать тропу, ведущую от стройки Коллинза к поляне. Но видел лишь, что за ними не остается следов. Наверно, земля слишком пере-сохла. Случись им заблудиться, никто бы их не нашел. Поляна хоронилась за многими акрами чащобы; никому бы даже в голову не пришло искать их в этой стороне.

На миг Кристофера посетило видение. Следы ребенка. Хлебными крошками рассыпанные по земле. Он видел самого себя, идущего по этой тропе. По этим следам. И не знал, сон это или явь. Понятно, что об этом даже заикаться не стоило: ребята скажут, что он совсем ку-ку. Впереди послышался треск. Ветка хрустнула, будто косточка.

– Кри-с, гляди, – прошептал Мэтт, указывая вперед.

На них смотрел олень.

³⁶ *Гензель и Гретель* – юные брат и сестра – герои сказки братьев Grimm «Гензель и Гретель» («Пряничный домик»), в которой детям угрожает ведьма-людоедка, живущая глубоко в лесу, в домике, построенном из хлеба и сладостей.

Стоял, не двигаясь, на дорожке, как садовая скульптура. А потом, задержав взгляд на Кристофере, медленно направился в глубь леса. Туда, где Кристофер еще не бывал.

– Куда это он? – прошептал Мэтт.

Кристофер не ответил. А просто последовал за животным. Шаг, другой. К затылку подбиралась головная боль. Поднималась к вискам. Гнала все дальше. По узкой тропе. Кристофер повернул голову влево и увидел...

...выброшенный холодильник.

Ржавым скелетом лежащий на земле. Забитый листвой и ветками. Кто-то живой устроил в нем логово. Или неживой?

– Крис? – позвал Тормоз Эд, указывая вперед. В голосе его слышался страх. – Чего это там?

Подняв голову, Кристофер увидел, что олень углубился в какой-то большой тоннель. Или в устье пещеры. Укрепленное подгнившими бревнами. При ближайшем рассмотрении Кристофер понял: это заброшенная штольня. Чем-то очень знакомая.

– Туда лучше не соваться, – сказал Мэтт.

Но Кристофер не слушал. Его будто толкали вперед. Он вошел в темный тоннель. Ребята – за ним. Мир почернел. Ноги спотыкались о допотопные рельсы для вагонеток. В нос бил запах мочи – как будто в этом месте соревновались на дальность полета струи.

Тормоз Эд включил фонарик. Кристофер выхватил источник света у него из рук и щелчком погасил.

– Не надо. Спугнешь, – прошептал он.

– Кто кого – это я его спугну? – Эд не поверил своим ушам.

Вслед за оленем ребята выбрались из тоннеля. Кристофер, посмотрев под ноги, увидел, как ему показалось, следы многих сотен оленей. И другой живности, которая веками обитала и умирала в здешних лесах, даже не подозревая о существовании такой диковины, как люди. Вглядываться он не стал.

Четверка мальчишек вышла на поляну.

Только теперь они поняли, насколько темно было в тоннеле: глаза не сразу привыкли к свету. Каждый немного поморгал, прикладывая ладонь козырьком.

А потом они увидели дерево.

Единственное на сотню ярдов кругом. Точно в центре поляны. Похожее на корявую руку, оно, словно волдырь, прорвало щеку земли.

Все умолкли. И совсем забыли про оленя, который, уставившись на них, безжизненно застыл. А они стали продвигаться дальше. Шаг за шагом. Молча приближаясь к дереву. Майк, у которого затекли руки, толкавшие тачку, вдруг почувствовал необыкновенную легкость. Мэтт, у которого першило в горле от жажды и последствий ангины, заглушенной антибиотиками, сглотнул без намека на боль. Тормоз Эд, который уже минут пять прикидывал, как бы заныкать от остальных две пачки «Орео», думать забыл про съестное. А тупая головная боль Кристофера, с которой не справлялись ни детский тайленол, ни адвил, подмешанный к яблочному пюре, вдруг освободила место у него за глазами, и ему сразу полегчало. Боль ушла. Страх ушел. Их просто больше не существовало.

Кристофер подошел к дереву первым. Он вытянул руку, осторожно предположив, что на ощупь кора будет похожа на живую плоть. Но нет, она оказалась совершенно обыкновенной. Твердая, грубая кора, вся в трещинах, как в морщинах. Почему-то ему вспомнился Эмброуз, добрый старик из больницы.

– Строить будем здесь, – объявил Кристофер.

– Жутко тут, – засомневался Тормоз Эд, но быстро спохватился. – Обалденное место.

Кристофер развернул чертежи; его друзья тоже не сидели сложа руки. Пока они разгружали все, что принесли с собой, Кристофер сбросил рюкзак с Плохим Котом; оттуда с лязгом посыпались инструменты. Он поднял с земли молоток и гвозди.

– Мэтт. Тебе предоставляется право вбить первый гвоздь, – сказал Кристофер.

– Нет уж, – отозвался Мэтт. – Это на самом деле твое право, Крис. Давай сам.

Кристофер обвел глазами друзей. Те согласно покивали. Майк и Мэтт приложили к стволу первый брусок два на четыре дюйма. Рядом с полустертыми инициалами, которые издавна вырезали тут подростки на пути к взрослой жизни. УТ + ДТ. АГ + ДВ. Кое-где рядами тянулись имена. Джонни и Барбара. Майкл и Лори. Приготовившись вогнать в ствол первый гвоздь, Кристофер увидел совсем свежий инициал. Одну-единственную букву.

Д.

Первый гвоздь вошел в древесину, и работа закипела: ребята начали приколачивать бруски. Теперь по дереву поднималась лесенка, похожая на ряд молочных зубов. Один над другим. Не прояви Кристофер завидную смекалку, колобашек хватило бы совсем ненадолго. Мальчики не стали допытываться, откуда взялась целая горка точно таких же. Может, просто не обратили внимания. Может, восприняли как должное.

Так или иначе, к строительству он подготовился в одиночку.

По сути, вкалывал он уже три недели. Консультировался со славным человеком. Совершал набеги на склад Коллинза. Продумывал, планировал. Готовил нынешний фронт работ. Славный человек предупредил, что до поры до времени лучше никого не посвящать в эти дела.

Пока все складывалось удачно: сторож часами просиживал в бригадирском вагончике перед маленьким переносным телевизором и смотрел спортивный канал. Он так увлеченно кричал: «Давай!», «Ну кто так подает?!», «где тебя клюшку держать учили, козлина?!», что ни разу не заметил, как возле сложенных штабелями пиломатериалов, принадлежащих его боссу, шастает малолетний расхититель.

Сейчас Кристоферу требовалось побеседовать со славным человеком, но он боялся напугать друзей. Они ведь не догадывались, что тот находится рядом и следит за их работой. В какой-то момент Майк потянулся к белому пластиковому пакету, чтобы сложить туда гвозди.

– Не трожь, – приказал Кристофер.

Тут же повесив пакет обратно на нижнюю ветку, Майк вернулся к работе. Никто не назначал Кристофера главным. Но никто и не оспаривал его лидерства. Даже Майк, самый крепкий из всех.

Каким-то образом дети всегда чувствуют жоака.

Пока все трудились, в небе поднялся такой ураган, что верхушки деревьев стали раскачиваться, как руки подростков на концерте. Однако Кристофер, запрокидывая голову, так и не увидел, чтобы облако-лицо сдвинулось с места.

Вроде оно наблюдало за строительством.

Глава 22

Когда мать Кристофера высадила сына возле дома Тормоза Эда, у нее оставался небольшой запас по времени, чтобы поехать на работу самым живописным маршрутом. Она посмотрела на небо. Пышные облака напоминали меренги, еще не успевшие сгореть в микроволновке. Но даже эта картина не шла ни в какое сравнение с Лесом Миссии. В кронах деревьев уже смешивались, как на палитре художника, разные краски – местами неряшливыми, местами чистыми пятнами. Опустив окно, Кейт сделала глубокий вдох. Бодрящий осенний воздух. Синева небес. Разноцветье листвы. Идеальный миг.

Но откуда эта тревога?

С годами она привыкла считать свою материнскую интуицию великим благом. В любых обстоятельствах ее поддерживала уверенность, что тихий голос у нее в голове помогает ей защищать сына, не дает сойти с ума и отвечает за их общее выживание.

Но сейчас он гудел, словно камертон.

Сомнений нет: она чрезмерно опекает сына. Как и все матери, правда? После той кошмарной истории, когда Кристофер целую неделю пропал неизвестно где, она могла бы держать его взаперти до совершеннолетия, и ни у кого не повернулся бы язык ее осуждать. Но этот голосок, неизменно охлаждавший ее пыл, подсказывал, что надо позволить мальчику жить собственной жизнью, а не подминать его под свои страхи. «Мать» лишь одной буквой отличается от «мять». Сейчас, к примеру, ее сыну ничто не угрожает: в гостях у Эдди он трескает всякую вредную еду и сражается в компьютерные игры. Так почему же у нее душа не на месте?

Не потому ли, что у тебя совсем нет личной жизни, Кейт?

Ну да. Возможно.

Доехав до пансионата «Тенистые сосны», мать Кристофера отметила пропуск и взялась за работу. Когда она нервничала, в нее вселялась маниакальная Супер-Кейт. Она перестилала кровати. Драила унитазы. Помогала санитаркам обслуживать мистера Русковича, который, прикрываясь диагнозом «врожденное недоразвитие мышц», почем зря лапал этих женщин – разумеется, «случайно».

– Пардон муа, – на ломаном французском оправдывался он, жестом снимая с головы невидимую шляпу.

У Кейт все горело в руках; ее подгоняла маниакальная одержимость, так что после завтрака у нее образовались драгоценные минуты отдыха, но в голову опять лезли тревожные мысли о сыне. К счастью, сегодня пансионат готовился встретить новых кандидатов на черную работу. «Кандидоз» – такое название дали этому событию медсестры. В течение следующего месяца по субботам в «Тенистые сосны» должны были приходиться волонтеры-старшеклассники, чтобы выносить мусор, чистить котлы и подчиняться любому самодурству миссис Коллинз, причем за весьма скромное вознаграждение – необходимый для поступления в вуз сертификат о выполнении общественно полезных работ (с указанием количества часов).

Как правило, волонтерами оказывались старшеклассники одного и того же толка. А именно ученики местной школы, которые считали свои заявления в университеты и колледжи довольно хилыми, поскольку такие виды внеклассной деятельности, как «обмен эсэмэсками», «балдеж» и «регулярная дрочка», вряд ли могли покорить Гарвард. Эти ребята и вкалывали по субботам в «Тенистых соснах». Ровно через месяц они получали вожделенные сертификаты. После чего уносили ноги. Исключение составляли немногочисленные истовые католики, которые иногда задерживались в пансионате месяца на два. А рекордсмены – даже на четыре.

Такой расклад устраивал всех.

Владелец пансионата, мистер Коллинз, получал бесплатную рабочую силу. Его супруга, миссис Коллинз, – не только свободу третируют несовершеннолетних помощников, попре-

кая их неумелым уходом за миссис Кайзер, своей полоумной матерью семидесяти восьми лет, но еще и веские основания трубить в загородном клубе перед заклятыми подругами о своем бескорыстном желании «отдать долг обществу», так много сделавшему для ее семьи. А старшекласники подстилали соломку на пути к большому будущему, в котором видели себя вечно молодыми.

Все три стороны потирали руки.

Отец. Сын. Святой дух.

Поскольку заявления в университеты и колледжи принимались сразу после Нового года, старшекласники в последний момент искали работу с таким рвением, словно это был Священный Грааль. Подгоняемые магическими словами «Лига плюща»³⁷, к пансионату тянулись прыткие ребята, жаждущие пустить пыль в глаза приемным комиссиям и создать иллюзию своей гражданской позиции. Сейчас таких жаждущих насчитывалось около двадцати. Раз в десять больше обычного.

Как правило, мама Кристофера даже не приходила на подобные мероприятия, но нынешний «Кандидоз» оказался ей небезразличен. А все потому, что в первом ряду стояла прелестная, взволнованно улыбающаяся девушка в длинной юбке и пушистом свитере: это она заметила у дороги Кристофера на седьмой день после его исчезновения.

Мэри Кэтрин МакНил.

Рядом с ней стоял ее парень, явно небогатый, скромный подросток по имени Даг. Выглядели они очень трогательно. Такие чистые. Истинно верующие католики – откуда им было знать о коварных замыслах миссис Коллинз? Решив подсказать этой парочке, как обойтись малой кровью, мать Кристофера незаметно подобралась к ним сбоку.

– Здравствуйте, миссис Риз, – обратилась к ней Мэри Кэтрин. – Как дела у вашего сына?

– Все хорошо, – шепнула мама Кристофера. – Не стойте в первом ряду. Не вздумайте прерывать ее лекцию. Проситесь на кухню.

Подмигнув, она под предлогом смены постельного белья ускользнула из холла в ближайшую комнату и оттуда наблюдала за слащаво улыбавшейся миссис Коллинз.

– Добро пожаловать на лекцию по профориентации, – начала директриса.

И завела свою шарманку, которую мама Кристофера слышала уже дважды. О том, что в «Тенистых соснах» пожилые люди окружены заботой. Что благополучие лиц старшего возраста – это мерило нравственного состояния общества. Что семья миссис Коллинз приобрела в собственности это учреждение, дабы проживающие непременно сохраняли человеческое достоинство (для персонала, видимо, это не считалось обязательным). Бла-бла-бла. Словесный понос. Ах, загородный клуб. Загородный клуб. Мать Кристофера ждала, кто же на этот раз совершит непростительную оплошность – прервет установочную лекцию. Сцена разыгралась как по нотам...

– Извините, пожалуйста, миссис Коллинз, можно спросить? Когда нам выдадут сертификаты? – отважился какой-то паренек.

Мать Кристофера видела, что это, конечно...

Даг.

Недотепа Даг.

³⁷ *Подгоняемые магическими словами «Лига плюща»...* – Название «Лига плюща» закрепилось в середине 30-х гг. XX века за восьмеркой старейших и наиболее престижных университетов США: это Гарвард, Принстон, Йель, Браун, Колумбия, Корнелл, Дартмут и Пенсильвания. Происхождение названия «Лига плюща» (*англ.* Ivy League) остается предметом дискуссий. Распространено убеждение, что это имя университеты получили благодаря побегам плюща (*англ.* ivy), увивающим кирпичные стены зданий. Представляется, однако, что эта черта отнюдь не является отличительной особенностью именно этих или каких-либо других университетских зданий. Менее известная гипотеза гласит, что название происходит от обозначения первоначальной четверки знаменитых университетов «IV League», поскольку латинские буквы, составляющие римскую цифру 4, называются в английском языке «ай ви», что звучит близко к *ivy* = 'плющ'. Недостатком этой версии является то, что само наличие некой первоначальной четверки, а тем более конкретный ее состав ничем не подтверждены.

Миссис Коллинз ослабилась:

– Их выдадут в конце месяца.

Даг заулыбался.

– Это хорошо. А то мне уже в декабре документы подавать.

– Мы рады. Вы прямо рветесь в бой. Какой славный молодой человек. А это ваша девушка? – Она указала на Мэри Кэтрин.

– Да, миссис Коллинз. Добрый день, – откликнулась Мэри Кэтрин.

С этой минуты они были обречены.

– Желаете получить индивидуальное задание? – спросила миссис Коллинз.

Обречены.

Мэри Кэтрин сделалась похожа на оленя, заметавшегося в свете фар. Она дернулась в сторону матери Кристофера, которая энергично замотала головой. Потом резко повернулась к миссис Коллинз.

– Ну, в принципе... Я неплохо управляюсь на кухне. Хотелось бы приложить свои силы именно там, – проникновенно сказала Мэри Кэтрин.

– Вот как? Нет, у меня для вас двоих есть особое поручение. Вам доверяется уход за моей родной матерью.

Дьявольщина, это уже конец света.

– О, м-м-м... для нас большая честь... – выдавила Мэри Кэтрин.

Она повернулась к Дагу в надежде, что тот придумает какую-нибудь отговорку. Какую угодно. Чтобы им от этого отмотаться. Любым способом. Но он молчал.

И тут свершилось чудо.

– Да, это большая честь, дети мои, – саркастически подхватил чей-то голос. – Ее мамаша – гнусная полоумная скандалистка, под стать ей самой.

Присутствующие дружно ахнули, по холлу прокатился нервный смешок, все повернулись на этот голос. И на обладателя очков с толстенными, круглыми, как доньшки бутылок из-под кока-колы, линзами.

Это был Эмброуз.

Старик, которого привозили в больницу.

По поводу катаракты.

Облака в глазах.

Развернулась к нему и миссис Коллинз.

– Да как вы смеете? – возмутилась она.

– Как я смею? Миссис Коллинз, эти школьники должны выслушивать всякую белиберду ради получения сертификатов. Но я-то никому ничего не должен. Так что захлопните свою алчную пасть, – бросил он.

Школьники заржали.

– Сэр, я бы попросила вас не распускать язык в присутствии детей, а иначе вам придется покинуть «Тенистые сосны».

– Да неужели? – переспросил он с прежним сарказмом.

И обратился к школьной группе:

– Привет, ребята. Вы пришли сюда ради своего будущего, так? Что ж, оглядитесь, посмотрите на стариков – другого будущего у человека нет. Так что не упускайте своего, спешите жить. Поступайте в колледж. Наслаждайтесь любовью. Заработайте себе денег. Посмотрите мир. А затем ступайте под венец, нарожайте детишек и воспитайте их так, чтобы они близко не стояли к миссис Коллинз и ее муженьку. Ясно вам?

Он не стал дожидаться ответа и на негнущихся ногах поковылял обратно в гостиную, обеспечив себе преданную группу поддержки. Стоит ли говорить, что его выходка не освободила Мэри Кэтрин и Дага от самого мерзкого из всех возможных поручений. И не избавила

миссис Коллинз ни от привычки хамить волонтерам и штатному персоналу, ни от желания впитаться в Эмброуза всеми своими наманикюренными-напедикюренными когтями. Но зато эта сцена осветила происходящее лучиком света и помогла скоротать время.

Совсем как песня для каторжников, скованных кандалами.

Сразу после обеда мама Кристофера зашла к Эмброузу, чтобы сделать уборку. По телевидению показывали викторину «Рискуй!»³⁸. Эмброуз знал все ответы и выпаливал их раньше игроков. Дождавшись рекламной паузы, он повернулся к Кейт.

– Я своими глазами видел, как вы пытались помочь той бедной девочке.

– Да и вы тоже ей помогали, я своими ушами слышала, – в тон ему ответила Кейт.

Об этом старике часто судачили санитарки. По причине катаракты, глаукомы и возраста зрение у него постоянно ухудшалось. Офтальмолог сказал, что пациент, скорее всего, ослепнет. И, весьма вероятно, к Рождеству. На это известие старик отреагировал в своей обычной манере: «А, плевать. Все равно смотреть не на кого». Он был одинок. Никто его не навещал. Никто о нем даже не спрашивался. Никто не звал в гости на Рождество.

И тем не менее в пансионате он оставался самой светлой личностью.

– Миссис Риз... это ведь и ваше будущее; надеюсь, вам ясно? Вы милейшая женщина, и мальчуган у вас просто замечательный. Так не теряйте времени.

Она с улыбкой кивнула. А потом вышла, унося с собой улыбку Эмброуза.

* * *

Эмброуз выключил телевизор и сделал глоток воды. Пластиковый стакан стоял у него на прикроватной тумбочке. Рядом с фотографией изборожденной морщинами, но привлекательной пожилой женщины. Которая после пятидесяти лет брака все еще хранила следы былой красоты.

Прошло уже два года.

Она покинула этот мир. Как и его брат, умерший в детстве. Как и родители, которых он потерял в зрелости. Как и однополчане. Ее, свою единственную, он отважился полюбить уже в годах. Нынче все его общение замыкалось в этих стенах. Обитатели «Тенистых сосен» напоминали ему младенцев, которых папа с мамой отвели в детский сад и решили не забирать. Правда, были еще врачи, медсестры и санитарки, чьими стараниями здесь поддерживалось качество жизни. И милейшая миссис Риз с такой обаятельной улыбкой.

А жены его больше не было.

В тех или иных выражениях многие советовали ему двигаться вперед. «Вперед – это куда?» – неизменно переспрашивал он. Хотя в душе понимал, что они правы. Но сердцу не прикажешь. Просыпаясь по утрам, он до сих пор вспоминал ее дыхание. Вспоминал ее скопидомство – она ничего не выбрасывала (за исключением, разумеется, его вещей). Сейчас он отдал бы все на свете, чтобы всласть поругаться с ней за яичницей с беконом. Чтобы понаблюдать, как у нее увядает кожа. И у него. Чтобы они могли покривить душой, убеждая друг друга, что оба прекрасно сохранились. Чтобы, не кривя душой, рассказать, как на самом деле прекрасны они друг для друга.

Анна умела говорить такие вещи. В порядке самопомощи и немудреного ирландского ободрения. Теперь, просыпаясь по утрам, он ворочался в постели. Но вместо ее лица видел пластиковый стаканчик с водой. Стекланную посуду держать в комнатах запретили. После того случая, когда мамаша миссис Коллинз исполосовала себя в припадке безумия. Эмброуз покамест сохранял здравый рассудок. Разрабатывал планы бегства, подобно Клинту Иствуду, зато-

³⁸ По телевидению показывали викторину «Рискуй!». – Американская телевизионная игра-викторина (англ. Jeopardy!), в которой участники отвечают на вопросы из области общих знаний, сформулированные в виде утверждений.

ченному в Алькатрасе³⁹. Убежать из «Тенистых сосен» было несложно, а от старости разве убежишь? Когда тазобедренные суставы ни к черту, глаза и того хуже, да еще артрит такой, что и тридцатилетний слезами обольется. Старость, на самом деле, не для слабаков. И телесная боль – это наименьшее зло. Он притерпелся к тому, что кумиры его юности преданы забвению. Он принял даже то, что многоцветные воспоминания заменяются черно-белыми стоп-кадрами. Но умом понимал, что до конца своих дней не свыкнется с потерей жены.

После смерти младшего брата, совсем ребенка, Эмброуз, воспитанный в католической вере, считал, что никакой Бог такого бы не допустил. Комната брата опустела. Мать каждый день плакала. Даже отец нет-нет да и смахивал слезу. С той поры Эмброуз больше не возвращался к размышлениям о Боге. Их вытеснило твердое убеждение, что человек – это углерод и электричество, не более. Кто умер, тот умер. И его Анна лежит в живописной части кладбища, которое он посещает, если дают транспорт. А когда он и сам ляжет в землю рядом с женой, ее фотографии, никому не нужные, отправятся в мусорную корзину. Он – последний из живых, кто ее знал и любил. Как и младшего брата. И отца с матерью. А потом и жену, которая повторяла: «Да ты не волнуйся. Смерть – тот же сон, даже лучше: просыпаться не надо». Жена взяла с него слово устроить по ней настоящие ирландские поминки, чтобы все было как заведено: «Мертвых в землю – живых за стол».

Перед тихим часом он, подобно Клинту Иствуду на острове Алькатрас, полежал с открытыми глазами. Прикидывая, как бы убежать от старости. Щурился сквозь облака в глазах и по зову сердца молился о том, чтобы уснуть и не проснуться. Шептал он так: «Боже праведный, если Ты где-то там есть, позволь мне встретиться с родными. Сделай Божескую милость». И не уследил, когда смежил веки. А потом, разлепив глаза, убедился, что Бог по-прежнему сохраняет ему жизнь, а зачем – одному Богу известно. То ли для какой-то миссии, то ли в наказание. Он перевернулся на другой бок...

Но увидел не жену, а пластиковый стаканчик.

* * *

Шагая коридорами «Тенистых сосен», Кейт думала, какой все же хороший человек – Эмброуз. В гостиной собрались старички-проживающие. Здесь играли в шашки. И в шахматы. Краем глаза смотрели субботнюю телепередачу. Одни беседовали. Другие вязали. Но в основном сидели просто так. Особо нетерпеливые уже занимали очередь на обед, чтобы первыми ответить желе.

Миссис Риз... это ведь и ваше будущее; надеюсь, вам ясно? Вы милейшая женщина, и мальчуган у вас просто замечательный. Так не теряйте времени.

Ее не покоробил этот совет. Житейский, отрезвляющий. Даже сердце екнуло. В памяти всплыла строчка из одного руководства по саморазвитию. Едва ли не самого первого из тех, что помогли ей выбраться из той жуткой дыры, оторваться от жуткой семейки.

Мы живем в настоящем времени. Другого у нас не будет.

Она давно решила, что вечера пятницы должна посвящать своему сыну Кристоферу.

Но субботние вечера, по всей вероятности, можно оставить для себя.

Собравшись с духом, она подошла к телефону и набрала номер.

– Алло. Городское полицейское управление, – ответили ей.

– Это Кейт Риз. Соедините меня, пожалуйста, с шерифом, – попросила она.

³⁹ Разрабатывал планы бегства, подобно Клинту Иствуду, заточенному в Алькатрасе. – Имеется в виду фильм «Побег из Алькатраса» (1979) режиссера Дона Сигела, основанный на реальных событиях, описанных в одноименном романе Дж. Кэмпбелла Брюса. Клинт Иствуд сыграл роль заключенного Фрэнка Морриса, который стал «мозговым центром» подготовки к побегу.

– Минутку, мэм.

Она застыла, прислушиваясь к телефонной мелодии. «Голубая луна». Очень скоро в трубке раздался щелчок.

– Алло? – сказал шериф. – У вас ничего не случилось, миссис Риз?

– Нет-нет, все нормально, – ответила она.

Тут ей стало ясно: он понял, что звонит она не по служебному вопросу. У него изменился голос.

– Вот и хорошо. Значит, все хорошо, – сказал он.

И выждал.

– Да, м-м-м... Смотрите, сегодня вечером я не работаю, – выдавила она.

– И я, – откликнулся он.

Теперь выжидала она. Будь же мужиком. Не подведи.

Он не подвел.

Глава 23

– Гулянкой пахнет.

Так в раннем детстве частенько говорил Кристофер. Мать красила губы алой помадой и надевала маленькое черное платье. Брызгала духами на запястья и терла их друг о друга, пока в воздух не поднималось ароматное облако. А сын, топая ножками, ходил за ней по квартире и повторял:

– Гулянкой пахнет.

Но сейчас его рядом не было.

Распахнув створки шкафа, Кейт рассмотрела свое новое платье, символ грядущих перемен. В тот день она решила, что старая одежда ей уже не подходит. Ни к облику. Ни к жизни. Обрезанные шорты. Платье в обlipку. Дешевая джинсовая юбочка. Все это устраивало прежнюю Кейт Риз. Новая Кейт Риз заслуживала большего.

У нее еще оставалось сколько-то лотерейных денег. Бросить работу прямо сейчас она не могла, но за текущий месяц полностью выплатила ипотеку. И вдобавок перечислила неслыханные суммы в пенсионный фонд и на целевой банковский счет – чтобы дать образование Кристоферу. Естественно, она корила себя за мотовство, как, впрочем, и раньше, когда тратилась на собственные нужды. Но сейчас представился случай узнать, каково это на самом деле – без оглядки сорить деньгами. В разумных пределах, конечно.

Поэтому сразу после работы она поехала в торговый центр «Гроув-сити».

Обойдя с десяток бутиков и позволив себе горячий крендель с холодным чаем, она в конце концов кое-что нашла. Дизайнерское платье. На стойке с уцененным товаром. Первоначальная цена – шесть сотен. Со скидкой – семьдесят два пятьдесят. Невероятно. Кейт направилась в примерочную. Удачно, что тамошние зеркала стройнили. Она выскользнула из рабочего комбинезона и надела платье. А увидев свое отражение, замерла.

Надо же. Это я.

Выглядела она потрясающе. Так, будто никогда не знала унижений. Так, будто мужчины, обещав перезвонить, всегда перезванивали. И не причиняли ей зла. И муж всегда ее любил. И никакого Джерри не было в помине.

Купив платье, она выбрала на распродаже шикарные туфли за двенадцать пятьдесят.

Именно так. За двенадцать, черт побери, баксов с хвостиком.

Кейт отпраздновала покупку в фуд-корте любимым замороженным йогуртом. С клубничным вкусом. Потом вернулась домой и до вечера наслаждалась ощущением собственного всемогущества. А в половине восьмого надела платье и туфли. Изучила свое отражение в полный рост. Не такое стройное, как в магазинном зеркале, но все же сомнений не было:

Вид ослепительный.

По дороге в ресторан, где они с шерифом назначили свидание (по ее мнению, в таких случаях следовало приезжать на машине), Кейт решила не заводить разговоров о Джерри. Овдовев, она раз за разом ходила на свидания и в первый же вечер описывала, каким ничтожеством показал себя ее бывший. Думала найти сочувствие. А на деле просто вела очередного придурка по следу из хлебных крошек к куче дерьма, с которой готовилась мириться ради той малости, что грезилась любовью ее истерзанному сердцу.

Только вот с шерифом все будет по-другому. Довольно с нее хлебных крошек. Нельзя допускать ни намека на женскую покорность. Конечно, когда пропал Кристофер, шериф навел кое-какие справки о Джерри. Но этим все и ограничилось. Он по-прежнему видел в Кейт только вдову. Думал, что ее покойный муж был нежным, верным и заботливым, как показывают в кино. Шерифу совсем не обязательно знать о самоубийстве. Главное – самой не проболтаться.

Кейт зарулила на парковку. Ей досталось завидное место возле ряда для инвалидов. Парковочная роскошь. Добрый знак. Она приехала на десять минут раньше назначенного времени, чтобы точно опередить шерифа. Но тот уже поджидал за отличным столиком у окна. Не иначе как явился минут за двадцать и сунул мистеру Вонгу пару купюр, чтобы заполучить лучшее место в зале.

Ей удалось остаться незамеченной. Во всяком случае, при входе. И она не упустила возможности рассмотреть своего нового спутника. Кейт Риз давно убедилась: когда люди уверены, что никто на них не смотрит, они предаются своим странностям. Например, ее муж: однажды, вернувшись домой, она увидела, как он разговаривает со стенкой. Или Джерри, которого она застукала в окружении пустых пивных бутылок. Наученная горьким опытом, она не могла не использовать лишние полминуты, чтобы сосредоточиться перед свиданием, как перед выпускным экзаменом.

Шериф не сидел в телефоне. Не изучал меню. Вместо этого он обводил глазами зал. Снова и снова. Будто по привычке. Высматривая потенциальную угрозу. Высматривая подозрительную личность. Быть может, сказывалась профессиональная выучка, но все же Кейт почудилось, что за такой манерой кроется нечто большее. Какой-то первобытный инстинкт, родившийся в мире, где, совершенно очевидно, на каждом шагу таятся опасности. В мире, который она тоже знала вдоль и поперек. Перед ней был настоящий мужчина. Крепко сбитый. Притягательный, какими бывают люди физического труда. Сексуальный образ рабочего парня.

А эти руки.

В том, что не касалось сына, Кейт Риз была не склонна к сантиментам. Но всегда обращала пристальное внимание на руки. Думайте что хотите. Но эти руки ей понравились. Ее вообще привлекали настоящие мужчины с сильными руками, способными дать ощущение надежной опоры.

У шерифа были красивые руки.

И он на них дул.

Ладони вспотели. Волнуется.

– Привет, шериф, – помахала она.

– О, привет, – отозвался он с излишней горячностью и приподнялся с места.

Неосознанным движением вытер ладони о штаны и пожал ей руку. Кожа его оказалась гладкой и сухой, а рукопожатие – крепким.

– Я занял нам столик у окна. Надеюсь, вы не против, – сказал он.

– Ничуть.

Он встал и выдвинул для нее стул. Невероятно. Обычно так поступал ее муж. После его смерти такое никому не приходило в голову.

– Спасибо, – сказала Кейт.

Сняв жакет, она осталась в модном платье и опустилась на стул.

– Да не за что. Чудесно выглядите. Красивое платье, – заметил он.

– Отхватила за семьдесят два пятьдесят в торговом центре.

Вот черт. Кто меня за язык тянет?

– На распродаже. Как и туфли, – продолжила она.

Да заткнись же ты, Кейт.

На мгновение между ними повисло молчание. А потом шериф улыбнулся.

– В каком торговом центре? В «Гроув-сити»? – уточнил он.

Она кивнула.

– Хорошее место. Я только там и покупаю одежду, – как ни в чем не бывало сказал шериф.

После этих слов Кейт Риз с головой окунулась в лучшее первое свидание со времен законного брака. О Джерри она не заговорила ни разу. И даже не вспомнила. Прежняя Кейт Риз терпела Джерри и носила блейзер с прорехой на боку. Новая Кейт Риз в шикарном платье

сидела напротив мужчины с сильными руками, на которые он весь вечер дул: впервые в ее жизни мужчина волновался, что не сумеет произвести впечатление. А не наоборот.

Глава 24

Пытаясь дозвониться до матери, Кристофер слегка растерялся. Домашний номер выдавал долгие гудки. А ответила она с номера нового мобильного. И отдаленные звуки музыки доносились явно не из телевизора. Ресторанная какая-то музыка.

– Аллю, мам, – сказал он.

– Привет, солнце.

– А ты где? – спросил Кристофер.

– В «Китайских воротах».

– Ты там одна? – полюбопытствовал он, уже догадываясь, каков будет ответ.

– Нет. С другом.

Кристоферу сразу все стало ясно. Каждый раз, когда у мамы появлялся новый ухажер, она говорила про него «друг». А имя «друга» раскрывалось лишь после того, как знакомство перерастало в серьезные отношения. Вспомнилось, как было дело в Мичигане. Целый месяц она хранила имя друга в тайне, пока наконец не призналась, что зовут его Джерри.

– Ну хорошо, – сказал Кристофер.

– А у тебя как дела? Отрываешься? Ночные посиделки в разгаре?

– Ага. Но я по тебе скучаю, – ответил Кристофер.

– Я тоже по тебе скучаю, солнце.

– Может, завтра после церкви придумаем что-нибудь интересное?

– Конечно, солнце. Все, что захочешь. Можем даже в ту кафешку с игровыми автоматами сходить.

– Хорошо, мам. Я тебя люблю.

– И я тебя, солнце мое. До завтра.

На том они и порешили. Наступила тишина.

Кристофер вернул телефон Тормозу Эду и вернулся к работе. Краем глаза он видел, как Майк и Мэтт отправляют своей матери эсэмэски с телефона мамы Тормоза Эда, очень кстати «потерянного» ею перед выходными. Потом Кристофер слышал, как Тормоз Эд набирает отцу с телефона Майка и Мэтта, чтобы рассказать, как шикарно они зажигают в гостях у братьев. И... ой, нет... мамино телефона не видал. Не иначе как она его в салоне посеяла, во время своих «ноготочков».

Впрочем, Кристофер особо не прислушивался. Все его мысли были об одном: чтобы новый мамин «друг» хорошо к ней относился. В отличие от прежних. Ему вспомнились те крики, которые временами доносились из-за стенки. По малолетству он еще не понимал всех слов, которыми обзывали маму. Где-то месяца через два один знакомый мальчик объяснил ему, что значит слово «сучка». Еще через пару месяцев добавилось «шалава». За «шлюхой» последовала «давалка». Кто бросался такими словами, тот на глазах старел и дурнел лицом. Вот бы уплотнить стены штаба, да так, чтобы они не пропускали этой гадости! Сделать их потолще, чтобы сюда никогда не проникло «вали отсюда, побрядушка». Не упуская из поля зрения белый пластиковый пакет, Кристофер знай вколачивал гвозди: один за другим, один за другим...

– За работу, народ. Перерыв окончен, – скомандовал он.

Вопросов ни у кого не возникло. Ребята просто выстроились в шеренгу и повернулись к дереву. Они вкалывали весь день, прерываясь лишь на растворимый напиток – «Кул-эйд» с вишневым вкусом – и мясные консервы. Ближе к полудню поперечные балки для пола были надежно закреплены. К обеду появились потайной люк и веревочная лестница. А ближе к закату выросли остовы четырех стен. И даже когда температура упала, считай, до минус пяти, они, словно религиозные фанатики, трудились не покладая рук. За разговорами на важные

для всех мальчишек темы никто не замечал, как вечерняя стужа исподволь пронизывает их до костей.

Тормоз Эд, например, рассуждал о чизбургерах. Он не мог понять, за счет чего в «Макдоналдсе» они такие вкусные (а в столовке – отравы, хотя называются так же). Зато у него были претензии к яблочным пирогам из того же «Макдака». «Там про карамельный соус вообще в курсе? А?» Его критика быстро сменилась мечтаниями о праздничном ужине в честь Дня благодарения – по такому случаю одна из его бабушек всегда пекла свой фирменный яблочный пирог. До праздника оставалось каких-то пять дней. Ням-ням.

А Мэтт задался вопросом, когда же его ленивый глаз перестанет «лениться» и можно будет наконец-то снять повязку. Скорей бы – тогда Дженни Херцог перестанет обзывать: «Попка-Пират! Попка-Пират!»

Кто счел за лучшее не вспоминать о своем прозвище, так это Майк: его дразнили «Майка-Лесбиянка». Он с головой ушел в строительство штаба. По его оценке, гвозди оказались что надо. Входили в дерево как по маслу! Обычно с гвоздями одна морока. Чуть промажешь – и погнутый гвоздь уже нужно вытаскивать и распрямлять. Но с этими был полный порядок. Они с легкостью прокладывали себе путь в глубь ствола. Майк покосился на младшего брата-близнеца, и тот улыбнулся. Без всякой видимой причины Майк улыбнулся в ответ.

– Помнишь, как ты наступил на ржавый гвоздь и тебя кололи от столбняка? – сказал он брату.

– От сквозняка, – поправил Тормоз Эд.

– Ага. Больно было, – ответил Мэтт.

– Но ты не ревел, – заметил Майк.

– Еще чего. Ни разу.

Вскоре после этого беседа переросла в ожесточенный спор о том, кто из Мстителей круче всех. Тормоз Эд сам был копией Халка – один в один. Мэтту нравился Железный Человек, впрочем, лишь до того момента, пока старший брат-близнец не заявил, что его любимый супергерой – Тор; тогда Мэтт спешно поддакнул. Сам собой возник вопрос: как бы это выглядело, если бы Халк навалил кучу? Но никто не сомневался – получилось бы офигительно смешно, дикая ржака.

Все согласились, что каждый должен – по своему выбору – превратиться в супергероя. Так, Тормоз Эд заполучил любимого Халка и при этом убедил всю компанию, что Майк – это идеальный Тор, поскольку лучше всех орудует молотком. Мэтта ждало превращение в Капитана Америку, потому что из доходяги тот стал большим и сильным. И никто не спорил, что Железный Человек просто создан для одного-единственного парня. Для Кристофера. Это их вожак. Самый умный. Гений.

– Назначим тайное голосование, – предложил Тор-моз Эд.

На том и порешили. И до конца дня все разговоры прекратились. Дерево было похоже на мать, которая прижимает к себе детей. Согревая и защищая каждого. Зато на земле мальчишкам грозил озноб: в воздухе лютвала стужа. Время летело незаметно. Поляна словно погрузилась в какое-то отдельное измерение. Большой круг, защищенный деревьями и облаками. Островок посреди океана.

И только Кристофер не чувствовал себя в безопасности. По мере того как стужались сумерки, он все больше и больше походил на пучеглазого оленя, который высматривает хищников, обступивших поляну. Но разглядеть их нельзя – разве что почуять. Кристофер стучал молотком, а в голову лез какой-то шепот. Снова и снова одни и те же слова повторялись эхом, как на воскресной службе – слова молитвы отца Тома и миссис Рэдклифф.

Работа движется еле-еле.

Чтобы дело шло быстрее, намного быстрее, Кристофер попросил друзей приналечь. Те согласились. У всех саднило руки. Лица, несмотря на холод, обожгло ноябрьским солнцем.

Заметно было, что все уже выдохлись, но никто и никогда в этом бы не признался. Особенно Мэтт, который рядом со старшим братом не желал выглядеть слабаком. Но даже Майк – и тот выбился из сил. И все же ни один не остановился. Чуть слышно звучала песня. «Голубая луна». Но к одиннадцати часам ребята стали валиться с ног, и тут наконец-то прорезался одинокий голос разума.

– Да это жесть. У меня в брюхе урчит! – возмутился Тормоз Эд.

– Не отлынивать, – приказал Кристофер.

– Завязывай, Крис. А то сел на шею и погоняет. Мы же только начали, – уперся Майк.

– Точно, – поддакнул Мэтт.

– Чуваки, закруглиться надо к Рождеству, – настаивал Кристофер.

– Да с какого перепугу? – взвился Тормоз Эд. – Что за гонка такая?

Кристофер покосился на белый пакет. И пожал плечами:

– Действительно. Твоя правда. Ну давайте перекусим, что ли.

Плечом к плечу все четверо уселись на самый длинный сук – ни дать ни взять строители Рокфеллеровского центра на знаменитой фотографии. В библиотеке, куда Кристофер ездил с мамой, он своими глазами видел это изображение. Рабочие в строительных касках уминали обед, сидя на балке. Одно неловкое движение – и кранты.

Подкрепились они сэндвичами с арахисовым маслом, сдобренными виноградным конфитуром, а запили «Кул-эйдом» из фляжки, которую передавали по кругу. На десерт было печенье «Орео» с ледяным молоком, остуженным в водах ручья, неподалеку от хлипких мостков. После долгих трудов всем казалось, что ничего вкуснее они в жизни не пробовали. А потом битый час мальчишки, хохоча, состязались, у кого получится рыгнуть или пернуть продолжительнее или мощнее всех.

Впрочем, это не мешало им в промежутках рассказывать леденящие душу истории о привидениях. Дополняя их страшилками.

Мэтт рассказал про убийцу с крюком, но эту историю все сто раз слышали. Войти в роль злодея он даже не пытался (крюка-то под рукой не нашлось), так что получилось совсем не страшно. Только Кристофер всеми силами изображал ужас, чтобы Мэтт не расстраивался.

В свой черед Кристофер пересказал фильм «Сияние»⁴⁰, который смотрел по телику, пользуясь тем, что Джерри валялся в отключке. Мама тогда оставила Кристофера на его попечение, а сама отработывала вечернюю смену в закусочной. Больше всех в этом фильме Кристоферу понравился чернокожий повар, и только одно было непонятно: если человек способен видеть будущее, неужели он пойдет напрямик под топор? Но вообще классный фильм.

У Майка тоже получилось круто. Для затравки он прижал к подбородку фонарик.

– А известно ли вам, зачем покойников закапывают в землю метра на два? – зловеще спросил он, совсем как те жутковатые дядьки из телемарафона ужастиков.

– Да чтобы не воняли, – ответил Тормоз Эд. – По телику рассказывали.

– А вот и нет, – подвывал Майк. – Их закапывают на два метра, чтоб они на поверхность не выбрались. Там, под землей, они не спят. Как черви, извиваются – хотят вылезти. И сожрать ваши мозги!

⁴⁰ «Сияние» – фильм Стенли Кубрика (1980) по роману Стивена Кинга. Сын главного героя фильма, мальчик Дэнни, обладающий телепатическими способностями, по ходу сюжета, разворачивающегося в стенах закрытого на зиму горного отеля, начинает видеть истинное лицо гостиницы, населенной призраками прошлых лет. Дэнни знакомится с пожилым шеф-поваром – Диком Холораном, который просит мальчика ни при каких обстоятельствах не заходить в номер 217. Дэнни, нарушив запрет, обнаруживает воскресшую женщину, которая в свое время утопилась в ванне этой комнаты. Стивен Кинг написал роман под впечатлением от поездки в отель «Стенли», где они с женой поселились в номере 217. Примечательно, что в отличие от книги, в фильме номер 217 трансформируется в номер 237 из-за того, что владельцы отеля, на территории которого проходили съемки, опасались того, что после выхода фильма гости побоятся селиться в 217-м номере, в то время как номера 237 в отеле не было. (См. также ниже *Табличка с номером 217...*)

Потом Майк рассказал, как один зомбарь, проснувшись, выполз из могилы, чтобы поквитаться с чуваком, который когда-то грохнул и его самого, и его невесту. Дело кончилось тем, что этот мертвяк, раздобыв нож и вилку, поедал мозги убийцы. Всем ребятам страшилка очень понравилась!

Всем, кроме одного.

– Моя история получше будет, – уверенно заявил Тормоз Эд.

– Хренушки тебе, – возмутился Майк.

– Во-во, – с умным видом поддержал Мэтт.

– Точно говорю. Эту страшилку мне папа рассказал, – заверил Тормоз Эд.

Майк покивал, словно подначивая Тормоза Эда: «Давай-давай, сам же опозоришься!» Взяв фонарик, Тормоз Эд поднес его к подбородку.

– Давным-давно. В нашем городе. Стоял дом. И жила в нем семья по фамилии Олсон, – начал он.

Майк с Мэттом тут же прикусили языки. Эта история была им знакома.

– В тот вечер мистер и миссис Олсон пошли куда-то поужинать. Старшего сына оставили приглядывать за чокнутым мелким братом Дэвидом. Пока старший обжимался со своей девочкой, мелкаш то и дело прибегал к ним вниз из своей спальни и нес какую-то околесицу.

«У меня за окном ведьма».

«С ней кот – плачет, как ребенок».

«В шкафу кто-то прячется».

Стоило ему сбежать вниз по лестнице, как старший брат загонял его наверх и снова принимался тискать подружку. Даже когда мелкий со страху описался и примчался в мокрой пижаме, брат решил, что тот нарочно придушивается, потому как в последнее время у него совсем крыша съехала. Отвел он мальчика наверх, передел в сухое. Потом прошелся с ним по всему второму этажу и доказал, что ничего страшного там нет. Но мелкий ничего слышать не хотел. Орал как оглашенный. Дошло до того, что старший брат взял да и запер его на ключ. Дэвид завизжал, ногами чуть дверь не вышиб, но брат его не выпустил. Наконец удары и визги прекратились. И старший брат вернулся к своей девушке.

Вот тогда-то они с ней и слышали детский плач.

Младенец будто на крыльце лежал. Но влюбленной парочке не верилось, что кому-то приспичит на ночь глядя нести к ним подкидыша. Да и зачем? Короче, подошли они к дверям.

«Эй, кто здесь?» – спросил старший брат.

И посмотрел в глазок. Но ничего не увидел. А плач не утихает. Решился парень дверь отворить, а подруга хватить его за руку.

«Постой!» – кричит.

«Да ты чего? – рассердился он. – Там же дитя малое».

«Не открывай», – взмолилась она.

«Что на тебя нашло? А вдруг ребенок без присмотра брошен? Не ровен час, на дорогу выползет».

«Это, – говорит она, – не ребенок». А сама побелела как полотно. Застыла от ужаса.

«Рехнулась, что ли», – говорит старший брат.

И тут она бросилась наверх, к Дэvidу.

«Ты куда?» – заорал старший брат.

«Братишка твой не врет!» – прокричала она в ответ.

Старший брат распахнул входную дверь. И видит: на крыльце стоит корзина, в каких младенцев носят. Подкрался старший брат к этой люльке, сдернул одеяльце. И видит там...

...портативный магнитофончик: детский плач на кассете записан. Ринулся старший брат вверх по лестнице и на крик своей девушки вбежал в спальню Дэвида. Там окно разбито. На

стенах, на разбитом окне кровавые отпечатки ладоней. А братишки нет как нет. Так его и не нашли.

Ребята притихли. Кристофер сглотнул.

– Это взаправду было? – выдавил он.

Все трое знатоков покивали.

– Ходят в здешних местах такие байки, – ответил Тормоз Эд. – Предки нас ими пугают, когда вечером не могут в постель загнать.

– Ну не знаю, наш дядя по-другому рассказывает: будто на крыльце поджидал убийца с записью детского плача, – вмешался Майк.

– Во-во, – поддакнул Мэтт. – А девчонки там вообще не было.

Но вопрос решил сам собой. В конкурсе на лучшую страшилку Тормоз Эд вышел победителем. Время было за полночь. После дневных трудов и плотного ужина ребят клонило в сон. Однако страшные истории всех взбудоражили, а потому созрело решение, что кто-нибудь один будет нести вахту, а остальные тем временем поспят. Как и подобает вожаку, Кристофер вызвался дежурить первым, чтобы вся бригада смогла хорошенько отдохнуть.

И заодно дать ему возможность переговорить со славным человеком наедине.

Под взглядом Кристофера все трое расположились на стылой земле, каждый в своем спальнике. И сбились в кучку, чтобы не замерзнуть. Через пару минут болтовня смолкла. Фонарики, дружно щелкнув, погасли. И была тьма. И была тишь.

Кристофер сидел на дереве. Он смотрел по сторонам, чтобы не пропустить ни младенцев, ни кошек, ни ведьм. Но видел только оленя. Олень, все тот же, метнул короткий взгляд в его сторону и стал принюхиваться к земле в поисках пищи.

Поплотнее закутавшись в спальник, Кристофер надкусил холодную кругляшку «Орео» и кончиком языка нащупал шершавую белую прослойку. При свете луны он вглядывался в лесную чащу. Там полыхали костры переменной оранжево-красной листвы. И тут ему в ноздри ударил запах кожаной бейсбольной перчатки, и прокуренной отцовской рубашки, и скошенной травы, и прелых листьев, и блинчиков с шоколадной крошкой, а следом приплыло множество других вкуснейших запахов. Он поднял взгляд: облака расступились, чтобы не загораживать лунный свет. Из-за луны выглядывали тысячи звезд.

Никогда прежде он не видел, чтобы их было такое множество. И все яркие, красивые. Заметил он и падающую звезду. Потом еще одну. И еще. Однажды на уроке катехизиса в ОКЦ миссис Рэдклифф сказала: падающая звезда – это чья-то душа, улетевшая на небеса. А когда по телевизору показывали какой-то научно-популярный фильм, там иначе объясняли: падающая звезда – это метеорит, который сгорает в земной атмосфере. Впрочем, была у Кристофера и другая, излюбленная теория, которую он услышал на детской площадке в Мичигане. Там говорили, что падающая звезда – это всего лишь последний вздох умирающей звезды, но свет ее летит до Земли шесть миллионов лет: столько требуется времени, чтобы мы узнали о смерти звезды. А как разобрать, думал Кристофер, что же там светится. Душа или звезда? Может, все звезды уже сгорели, но об этом станет известно только через шесть миллионов лет. А вдруг этот срок истечет прямо завтра? Вдруг они останутся совсем одни? Без единой звезды не считая Солнца. А что будет, если и Солнце сгорит? Тогда нашу главную падающую звезду тоже заметят не сейчас, а через шесть миллионов лет. Некий паренек со своими друзьями, которые будут строить штаб на дереве. И жевать промерзшее печенье «Орео» или что-нибудь другое – как знать, какое еще лакомство придумают во Вселенной. Неужели все звезды и все души в итоге слетятся в одно и то же место?

Не так ли будет выглядеть конец света?

От этой мысли у него, как ни странно, чуть-чуть заболела голова, хотя головные боли обычно до него не добивались, если он сидел на дереве. Но ведь тут и раздумья оказались необычными. И привели они к другим, более приятным. Например, про уютные костры. И про

теплую домашнюю постель. И про мамину руку, которая перед сном гладит его по голове. А ведь он не спал, считай, больше двадцати дней, потому что каждую ночь подтаскивал к дереву мелкие пиломатериалы для предстоящих строительных работ. Но сейчас Кристофера клонило в сон как никогда.

Глаза слипались, невзирая на все его усилия, а перед мысленным взором всплывали какие-то видения этого дерева. Как будто он уже тут ночевал. Ему грезилось, будто на лбу лежит материнская рука – так мама проверяла, нет ли у него температуры. Но мамы рядом не было. Были только ветви дерева. А ветви нипочем не лягут тебе на лоб.

И они, уж конечно, ничуть не похожи на живые руки.

Глава 25

кристофер, проснись.

Кристофер открыл глаза. Посмотрел вниз и увидел, как белый пластиковый пакет мнется под ветром.

привет.

Несказанно обрадовавшись возвращению славного человека, он все же не решился ответить. Не хотел, чтобы друзья сочли его сумасшедшим.

не беспокойся. твои друзья спят. они нас не услышат.

Кристофер перевел взгляд на поляну. Действительно, каждый из ребят, свернувшись калачиком, лежал на земле.

– Где ты пропадал? – шепнул Кристофер.

я все время был тут, за вами присматривал. вы просто молодцы, работа кипит.

– Спасибо, – сказал Кристофер.

ты сильно устал или можешь продолжать стройку?

Кристофер сверился с телефоном. Проспал всего-то десять минут, а ощущение было такое, словно выспался всласть, как бывало по воскресеньям. Мышцы побаливали, наливаясь силой. Но усталости почему-то не чувствовалось.

– Могу продолжать, – радостно подтвердил Кристофер.

отлично. пошли на склад, сделаем запас на завтра.

Кристофер спустился по ступенькам, похожим на молочные зубы. Потом нашел тонкую палку и надел на нее белый пакет.

С поляны они ушли вместе со славным человеком.

Кристофер уже раз десять ходил к штабелям лесоматериалов. Но сейчас что-то было по-другому. Что-то было не так. Он чувствовал на себе чьи-то взгляды. Закатившиеся глаза оленя. Глазки мелкой живности. Под ногами, как хрупкие косточки, ломались ветки. Да еще неизвестно кто вроде как дышал ему в спину. Такое же чувство возникало у него при игре в прятки, когда он старался дышать как можно тише. Вот и сейчас ему показалось, что вблизи дышит кто-то чужой. Дыхание неглубокое. Младенческое.

Ему вспомнилась детская ручонка.

Детский хохоток.

Это сон? Или взаправду?

я нашел, как можно спрямить путь. сворачиваем вот сюда.

Кристофер следовал за белым пластиковым пакетом. Перешагивая через валежник, споткнулся о сучок. Посветил фонариком в чащу леса и подумал, что ближайшие ветви тянутся к нему, совсем как две руки, чтобы задушить. Он едва не вскрикнул, но сдержался. Славный человек предупреждал его насчет таких подвохов. Если ветер ощущается не совсем как ветер, будь осторожен вдвойне.

особенно если ветер ощущается как чужое дыхание.

– Крисссстофер? – шипел ветер ему в спину.

И даже в затылок. Подначивал обернуться. Но Кристофер знал, что оборачиваться нельзя. А иначе, не ровен час, превратишься в соляной столб. Или в камень. Про такие жуткие

случаи рассказывали – как в церкви, так и в ОКЦ – отец Том и миссис Рэдклифф. Змея там, что ли. Или младенец.

– Хиссссс, – шипел сзади ветер.

Завидев строительную площадку фирмы «Коллинз Констракшн», Кристофер припустил бегом. Туда, где виднелся фонарный столб. Высокий, с голубоватым светом. Кристофер мчался во весь опор, шипящие поцелуйчики уже нащупали сзади его шею, и тут он вырвался из леса...
...на асфальт.

Кристофер оглянулся. И увидел только деревья. Никаких глаз. Никаких тел. Наверное, разум задумал над ним подшутить. А может, и нет.

– Что это было? – спросил он славного человека.

нужно торопиться.

Кристофер подошел к штабелям. По счастью, сторож дремал в бригадирском вагончике. Присмотрев наверху самые длинные рейки, Кристофер потянул их вниз. Деревяшки со стуком посыпались на землю. Через окно Кристофер видел, что сторож заворочался в кресле, но не проснулся. Он просто разговаривал во сне, как Джерри по пьянке.

– Кристофер? – позвал сторож, не просыпаясь.

У Кристофера волосы встали дыбом. Он заметил, как у сторожа под веками дрогнули глаза, словно от беспокойного сновидения.

– Ты зачем крутишься возле досок? – шептал сторож.

Кристофер отступил.

– Чем ты там занимаешься? – нашептывал сторож во сне.

Кристофер на цыпочках пятился обратно в лес. Подхватив на ходу длинную доску, он поволок ее в темноту.

– Лучше тебе сюда не шастать, – шептал сторож. – Не то кончишь свои дни, как он.

У Кристофера сердце застряло в горле.

о господи.

Славный человек ужаснулся.

замри. не двигайся.

Поднявшись с кресла, сторож, как лунатик, направился к лесу.

– Слышишь, Кристофер: в точности, как он, – шипел сторож.

не отвечай. это скоро прекратится.

Сторож шагал прямо на Кристофера. Принюхиваясь. Остановился прямо перед ним и рухнул на колени. Поднял веки, но глаза закатились. Зрачков не было видно. Одни выпученные белки – ни дать ни взять бильярдные шары.

Или облака.

– В ТОЧНОСТИ КАК ТОТ МЛАДЕНЕЦ! – заорал сторож. – УААААААААА!

На этом сторож умолк и потащился обратно в вагончик.

беги в лес. не медли.

Кристофер сорвался с места, как жеребенок. Волоча за собой длинную доску, он добежал до тропы. И лишь оказавшись под защитой поляны, обернулся к белому пакету.

– Что это было?

Славный человек молчал.

– «Ты окончишь свои дни, как он» – как это понимать?

не знаю.

– Нет, знаешь. Я окончу свои дни, как тот младенец. Что прикажешь думать?

умоляю, кристофер, избавь меня от таких вопросов.

– Рассказывай, – прошипел Кристофер. – Или я брошу начатую работу.

Надетый на длинный шест, который сжимал в руке Кристофер, белый пакет колыхался на ветру. Молчание затянулось. Его нарушил грустный, отрешенный голос.

рассказать этого я не могу. но могу показать. а ты мотай на ус...

либо мы проглотим свой страх, либо позволим страху проглотить нас самих.

Глава 26

Что за звуки?

Мэтт привстал. Обернулся. Он лежал в спальном мешке. Как в выдолбленной колоде. Рука непроизвольно потянулась ко лбу, взмокшему от пота.

Из-за страшного сна.

В котором ноги липли к земле, как приклеенные. Улицы превращались в зыбучие пески. Ни убежать, ни остаться на месте. Его затягивало под асфальт. Легкие наполнялись песком.

А когда погиб его брат, он закричал в голос.

Высунув голову из спальника, Мэтт посмотрел на звезды. Над поляной фонарем висела голубая луна. Яркая, как умирающее в небе солнце. Поблизости, уставившись прямо ему в лицо, стоял олень. Мэтт вскочил. Вздвогнув, олень припустил к старой штольне, которая, подобно великанской пасти, заглотила животное целиком.

Мэтт выбрался из спального мешка, и нижнее белье тут же заледенело от ноябрьского мороза. Тут он кое-что почувствовал. Мокрое пятно. Снова он обмочился во сне. Да еще не дома. А во время ночевки, при пацанах. Как младенец, подумалось ему. Как безмозглый младенец.

Теперь Майк его задразнит.

Он в панике нашел глазами стоящую под деревом тачку. Если добраться до рюкзака, покуда не проснулся Майк, промелькнуло у него в голове, можно натянуть запасной комплект термобелья. Он осторожно зашагал по голой земле, чтобы только не наступить на какую-нибудь сухую ветку. Прошел мимо крепко спящего брата, схватил его рюкзак. И решил отойти подальше от Майка. В сторону тоннеля. При лунном свете он с каждым шагом все отчетливее различал шевеление. Впереди съезжилась какая-то фигура. И копошилась в грязи.

Это был Кристофер.

Который разговаривал сам с собой.

– Да, я слышу младенца, – шептал он.

Мэтт и думать забыл про смену одежды. Он на цыпочках подкрался к Кристоферу: тот копал ямку, как щенок, надумавший зарыть кость. Подобравшись совсем близко, Мэтт заметил тонкую палку с нацепленным на нее белым пластиковым пакетом.

– Но смотреть не хочу. Жуть такая, – шептал Кристофер.

– Кристофер? Что с тобой? – окликнул Мэтт.

Кристофер резко обернулся. Вот так встреча.

– Давно тут стоишь? – спросил он.

– Только подошел. Что у тебя с глазами? – забеспокоился Мэтт.

– А что у меня с глазами? – не понял Кристофер.

– Кровью налились.

– Ерунда. Ты, главное, не беспокойся, ладно?

Мэтт кивнул, но беспокойство никуда не делось. Кристофер потер воспаленные глаза. А потом бросил взгляд на штаны Мэтта и на темно-синем джинсовом фоне увидел потек мочи. От стыда Мэтта бросило в жар.

– Только никому не говори. Пожалуйста, – взмолился он.

– Ни одной живой душе, – чуть слышно пообещал Кристофер.

– Да нет, я серьезно. Брат меня задраз...

Кристофер молча показал ему очень похожее пятно на собственных штанах.

– У тебя тоже бывают страшные сны? – удивился Мэтт.

– Ага. Так что забей.

Кристофер улыбался. И у Мэтта немного отлегло от сердца.

– Чего это ты тут делаешь? – спросил Мэтт.

Кристофер ответил не сразу.

– Клад ищущу, – сказал он наконец.

– Помочь? – предложил Мэтт.

– Давай. Бери лопату.

– Может, сперва переоденемся? Майку не надо знать, что я в штаны напрудил, понимаешь?

Кристофер ответил улыбкой, и оба, наспех пошарив в рюкзаках, достали свежее белье и брюки. Мокрые трусы снялись легко, словно кожа с холодного банана. Ледяной воздух ударил им в бубенцы (словечко Мэтта), которые тут же втянулись куда-то внутрь, как головы напуганных черепашек. Оба быстро переоделись в мягкое, сухое, приятное к телу белье. Из ящика с инструментами Кристофер достал небольшую лопатку. И они начали охоту за сокровищами. Бок о бок.

– А с кем ты разговаривал? – спросил Мэтт.

– Сам с собой, – ответил Кристофер. – Поторапливайся. Ты же не хочешь, чтобы нас опередили?

Копали они с полчаса. И при этом почти не разговаривали. Мэтт заметил, что Кристофер то и дело поглядывает на белый пакет, но не придал этому значения. Кристофер, по сведениям Мэтта, считал своим лучшим другом Тормоза Эда, но Мэтт втайне надеялся, что сам вправе считать своим лучшим другом Кристофера. Да и оказаться на втором месте после Эда он тоже не возражал. Ему было не привыкать. Всю жизнь он шел вторым после Майка. Но сейчас его неотступно преследовало другое. От чего он проснулся?

Что это были за звуки?

Вопрос крутился на языке.

– Чего это вы тут делаете? – опередил Мэтта Тормоз Эд.

Мэтт и Кристофер обернулись и увидели, что к ним, протирая спростонья глаза, направляются Тормоз Эд с Майком. У каждого дыхание вылетало облачком пара.

– Клад ищем, – ответил Мэтт.

– Помочь? – предложил Майк Кристоферу.

– Давай, Майк.

– А я завтрак организую. – Тормоз Эд нашел достойное применение своим талантам.

Взявшись за лопату, Майк с силой вогнал лезвие в мерзлую землю. Мэтт косился на Кристофера, боясь, как бы тот не заложил его Майку. Кристофер только улыбнулся, словно говоря: «Молчок – зубы на крючок».

* * *

Позже ребята позавтракали колечками «Фрут-лупс» с холодным молоком, сохраненным в ручье. Кристофер ни словом не обмолвился про ночные ужасы. Про сторожа, который шепотом звал его по имени. Про детский плач, разбудивший Мэтта. Он знал, что Мэтт перепугается, узнав правду. И не хотел никого пугать – достаточно того, что ему самому было страшно. Умолчал Кристофер и насчет славного человека, и насчет его пророчества, которое сбудется, если вовремя не закончить домик на дереве. Меньше знаешь – крепче спишь. Да и надежнее как-то. Мальчишкам расскажешь – они того и гляди со страху разбегутся. А ему без их помощи никак.

Когда «Фрут-лупс» были съедены подчистую, Кристофер проследил, чтобы сахарная пудра со дна коробки досталась Майку, а сюрприз – Мэтту. Затем он поблагодарил Тормоза Эда за отменный завтрак.

Главное – чтобы личный состав был доволен.

Когда совсем рассвело, солнце прогрело их озябшие кости. Работа велась посменно. Двое заняты строительством домика на дереве. Двое других – кладоискательством. Подкрепились мерзлым печеньем «Орео» и остатками молока, после чего настал черед Тормоза Эда долбить вместе с Кристофером стылую землю в поисках клада.

Никаких сокровищ обнаружено не было.

Зато примерно в семь часов шесть минут утра было найдено кое-что другое: детский скелет.

Глава 27

Вызов поступил в полвосьмого утра.

И пошла волна.

В воскресенье утром дежуривший в ночь помощник шерифа отправился в церковь. Он поделился этой новостью с отцом Томом, который вместо запланированной проповеди поведал о том, что в Лесу Миссии найдены детские останки. Дитя, сказал он, теперь на небесах, и призвал перед лицом скорби, охватившей город, восславить всепрощение Иисуса Христа.

Проповедь возымела такое мощное действие, что миссис Рэдклифф не сумела сдержаться. Во время Святого причастия она беспрерывно промокала уголки глаз платочком. Сколько раз они с мистером Рэдклиффом молили Бога о ребеночке? Сколько раз у нее случались выкидыши? Сколько раз твердил ей мистер Рэдклифф, что тело ее не сокрушено? Что оно прекрасно.

Мэри Кэтрин молилась за упокой души этого ребенка, но через несколько минут ее семнадцатилетний рассудок начал перепрыгивать с одного на другое. Несчастное дитя. Оно было лишено возможности повзрослеть, как повзрослела она сама, и поступить в колледж. В такой, как «Нотр-Дам». Она жестко отчитала себя за мысли о собственной жизни. Но ей было страшно не пройти в «Нотр-Дам» по конкурсу. Это могло стать ударом для отца. Она пообещала Господу молиться за погибшего ребенка и сосредоточиться на своем служении в доме престарелых. Но миссис Коллинз позволяла себе всякие низости, а ее мамаша совсем выжила из ума. Эта старуха все выходные кричала на Мэри Кэтрин и твердила, что «их» не проведешь. Мыслимо ли такое выдерживать в течение месяца? Тем более что Даг уже перестал выходить на дежурства, сказав, что никакой университет, даже Корнелл, не стоит таких мучений. Мэри Кэтрин в очередной раз велела себе прекратить всяческое самолюбование и думать о погибшем ребенке.

Ты же не хочешь сбить оленя, правда?

После мессы прихожане бросились обзванивать родных, и в первую очередь – детей, уехавших на учебу в другие города. Мамочки стали чуть крепче прижимать к сердцу ребятшек и планировать для них дополнительные радости на День благодарения. Папаши решили сократить просмотр футбольных матчей до одного (вместо привычных трех), чтобы уделять больше времени семьям, а не своим придуманным футбольным лигам. А дети обнаружили, что им не возбраняется целый день поглощать любые сласти. Особо совестливые понимали, что этого не заслуживают, но... сладкое есть сладкое.

И только одна персона хранила невозмутимость: миссис Коллинз.

Во время службы Кэтлин Коллинз сидела в переднем ряду со своим сыном Брэйди. Естественно, речь пастора не стала для нее сенсацией. Ее супруг, владелец земельного участка, получил жуткое известие вторым, сразу после шерифа, и немедленно помчался туда. В строительство квартала «Лес Миссии» он уже инвестировал столько средств, что не мог отдать его на откуп каким-то бюрократам. Миссис Коллинз была куда больше озабочена возможным банкротством своей семьи, нежели судьбами родных погибшего в лесу ребенка. В конце-то концов, у всех подобных трагедий причина одна.

Пренебрежение родительским долгом.

Все очень просто. Хорошие родители не спускают глаз со своих детей. Ограждают их от любых опасностей. Если ты не справляешься со своими служебными обязанностями, ты же не перекадываешь вину на некие внешние силы. Ты смотришь в зеркало и видишь, на ком лежит ответственность. В чем главная проблема этого мира? В том, что никто не хочет брать ответственность на себя. В свой срок полицейские задержат психопата, который совершил это страшное преступление. И тогда (она слышала о таких случаях не раз) это чудовище будет лить

крокодиловы слезы и рассказывать, как в детстве над ним измывались родители. Вот такая – ничего, если она полностью перейдет на французский? – хренотень. Одно дело – когда человек не в себе. И совсем другое, когда он – воплощенное зло.

Не задумываясь, что было раньше, курица или яйцо, миссис Коллинз рассуждала так: если родители измываются над своими детьми, это вовсе не значит, что они сами в детстве подвергались таким же издевательствам. Она готова была поспорить на миллион долларов, что одно не обязательно влечет за собой другое. И если найдется человек, который это докажет хотя бы на одном примере, она сможет умереть спокойно.

Супруг ее, мистер Коллинз, все воскресенье препирался с шерифом. Строительство квартала «Лес Миссии» превращалось из грандиозной мечты в сущий кошмар. Вначале там несколько дней пропал этот сопляк Кристофер Риз. А теперь обнаружился скелет? Зараза. В этом лесу ступить некуда – попадешь либо в собачье дерьмо, либо в медвежий капкан. Защитники дикой природы талдычат, что олени лишаются естественной среды обитания. Краеведческие организации талдычат, что город теряет «доминанту». Даже общества охраны памятников – и те талдычат, что этот старый загаженный тоннель необходимо превратить в музей горной промышленности. Что ж, это понятно. Население их поддерживает. Чтоб им всем пусто было. На их стороне симпатии населения. Мистер Коллинз знал, что строительство нужно начать до Рождества, тогда займы поступят в срок. Но много ли смыслит в этом шериф (на минуточку – «госслужащий»)? Да ни фигя не смыслит. Шериф твердил, что лес является местом преступления, а потому его придется оцепить.

– Когда вы дадите разрешение на земляные работы в котлованах? Когда нас на полметра занесет снегом? Большое спасибо, шериф, кушайте сами. Создается впечатление, что вы плетете вселенский заговор, чтобы помешать мне закончить эту долбаную стройку!

Что же касается матушки миссис Коллинз, та сидела в гостиной дома престарелых. Каким ветром ее туда занесло, она не помнила. Как не помнила себя. И родную дочь. И богатого зятя. На мгновение ей показалось, будто в новостях рассказывают о смерти ее родной дочери, но почему-то без подробностей. Потом в гостиную притащился некий горлопан по имени Эмброуз и объяснил, что это не ее ребенок. Дескать, ее дочь жива-здоровая и только ждет возможности прямо сегодня выпить крови волонтеров-школьников. А затем велел всем заткнуться. Ему, видите ли, приспичило послушать новости.

Мать миссис Коллинз не переваривала Эмброуза. Ее не трогало, что он слепнет. Сквернослов – он и есть сквернослов. Она вернулась к телевизору и попыталась вспомнить кое-что важное. Но не сумела. А когда новости закончились и начался футбол – вспомнила.

В скором времени все умрут.

Да. Именно так.

Все умрут.

Смерть уж близко.

Все мертво.

Мы умрем на Рождество!

Глава 28

Полицейскую парковку заполнили операторские фургоны и передвижные телевизионные станции: вскоре ожидалось прибытие детей. Всего сорок пять минут назад мальчишки прибежали к сторожу, охранявшему строительную площадку Коллинза, и попросили вызвать полицейских, но скелет уже успел произвести сенсацию местного масштаба. Тормоз Эд просиял, издалека завидев такое скопление техники.

– Во дают! Мы теперь прославимся!

Затем он повернулся к помощнику шерифа, сидящему за рулем.

– А можете показать ваш винчестер?

– Нет, – отрезал помощник шерифа.

– А вы знали, что словом «винчестер» раньше называлось переднее сиденье в дилижансе, рядом с возницей, потому как тут сидел стрелок с винчестером, чтобы охранять пассажиров и грузы?

– Нет, не знал, – процедил помощник шерифа, сожалея, что к нему на «винчестер» не попросился любой из трех других мальчишек.

– Ну хотя бы рацию дадите поддержать? Мой папа возит с собой в «Хаммере» радар-детектор против камер, чтоб не нарываться на штраф. Я, кстати, все ваши коды знаю. Вот, например, «один ноль шесть» означает «схожу отлить», так ведь?

Без каких-либо комментариев для СМИ мальчиков провели в здание полицейского управления. Впрочем, Тормоз Эд и здесь отличился, радостно выкрикнув: «Это мы скелет нашли!» Некоторые местные издания успели заручиться парой снимков для первых полос. Телевизионщики обеспечили сюжеты для семнадцатичасовых новостей. «Четверка детей нашла в лесу скелет». Получилась настоящая «бомба».

– Главный интерес – там, где кровь, – задумчиво произнес Тормоз Эд. – Так моя мама говорит.

В кабинете шерифа ожидали родители. По выражению их лиц мальчишки поняли, что афера с ночевкой провалилась. Взрослые, как видно, в три секунды сообразили, что купились на серию эсэмэсок и позволили своим отпрыскам всю ночь болтаться без присмотра.

– Мы и сами там чуть не околели, – посетовал Майк.

Но Тормоз Эд, как оказалось, лучше всех разбирался в тонкостях пиара. Незамедлительно пустив слезу, он бросился на шею к матери.

– Мапочка, мы на скелет наткнулись! Так страшно было!

Он с воем цеплялся за мать. Если она поначалу и злилась на него за обман, то сейчас растаяла, как шоколадная конфета у нее в сумочке.

– Где тебя черти носили, Эдди? Мы чуть с ума не сошли, – только и сказала она.

– Во-во! – поддакнул Эдди-старший, просматривая в телефоне результаты спортивных матчей.

– Мы прослышали, что в лесу зарыт клад. И решили откопать золотые кольца, чтобы подарить нашим мамам на Рождество, – заливал Тормоз Эд.

– Ох, горе ты мое. – Мать прижала его к груди. – Какой же ты заботливый.

По его примеру Майк и Мэтт так же бросились к двум своим матерям. Извинившись за обман, братья стали наперебой рассказывать, что искали клад с единственной целью – сделать им сюрприз. Их матери оказались не столь мягкосердечными, как Бетти, но в конечном счете обняли своих мальчиков так, что чуть не придушили, и заверили, что наказания не последует.

Оставалась мама Кристофера.

Кристофер ждал, что она его отругает. Или прижмет к сердцу. Или будет злиться. Или печалиться. Но она сделала самое худшее из того, что можно было вообразить.

А именно – не сделала ничего.

– Я виноват, мам, – тихо сказал он.

Она кивнула и окинула его таким взглядом, будто с трудом узнала. Кристофер хотел ее обнять, чтобы поскорее развеять жуткое ощущение беды. Но оно не уходило. Потому что маму захлестывала не злость. А обида. Сын ей лжет. С каких пор? Что она такого сделала, если он решил, что говорить ей правду больше не обязательно? Когда он увидел, что мама больше досаждает на себя, чем на него, груз вины за собственную ложь сделался почти невыносимым.

– Парни, я должен задать вам несколько вопросов, – сказал шериф, милосердно прерывая это противостояние.

В течение пятнадцати минут им, по выражению Тормоза Эда, «учиняли допрос с пристрастием». Так он в понедельник рассказывал одноклассникам. Но в действительности шериф лишь задал каждому по паре вопросов. Он не стремился покарать этих малолеток за нарушение границ частной собственности и мелкое хищение пиломатериалов. Вопросы о мерах педагогического воздействия он оставил на усмотрение родителей.

Его интересовали только сведения, имевшие непосредственное отношение к скелету.

Но таких сведений у мальчиков было всего ничего. Шериф переходил от одного к другому и сравнивал ответы. Не найдя противоречий, он заключил, что эта мальчишеская компания отправилась в лес для строительства штаба на дереве, но наткнулась на человеческие останки. И лишь одна подробность не давала ему покоя.

– Кристофер, – спросил наконец шериф, – почему ты решил копать именно в том месте?

Кристофер почувствовал, как его обожгли взгляды всех присутствующих. В особенности мамин.

– Сам не знаю. Мы просто искали клад. Мам, уже можно идти домой? У меня жутко голова болит.

– Ладно, сынок. – Шериф потрепал его по плечу.

И тут до Кристофера дошло. От шерифа веяло таким же запахом, как от мамы, когда она собиралась «на выход». У него на куртке остался тончайший аромат материнских духов, скорее даже намек. Может, от объятий, может, от поцелуя. В любом случае Кристофер понимал: шериф – новый мамин «друг». Вскоре она в своих рассказах станет называть его по имени. А потом он заявится к ним домой. Ну, видимо, не в День благодарения. А вот на Рождество – легко. Оставалось только надеяться, что шериф окажется приличным человеком и будет хорошо обращаться с мамой. Но теперь Кристофер поклялся: если шериф поведет себя так же гнусно, как Джерри, ему это даром не пройдет.

* * *

В тот вечер друзья Кристофера были обласканы родными. В уюте кухонь они лучились теплом, как выложенные на блюдо свежее испеченные булочки. Наказание, само собой, не утратило силу. Нельзя терять лицо. Хотя матерям, вздохнувшим с облегчением, такие строгости давались с трудом – ведь не их детей закопали в лесу.

К тому же после возвращения домой мальчики вели себя безукоризненно.

Мамы Эм-энд-Эмсов приготовили любимое блюдо своих сыновей – лазанью, но каково же было их удивление, когда после ужина дети самостоятельно вымыли посуду. Родители Тормоза Эда не могли припомнить, когда в последний раз их сын ограничивался лишь одной порцией десерта, и уж тем более – шоколадного бисквита.

И за ужином, и перед отходом ко сну в этих семьях велись легкие семейные разговоры. Болтали, казалось бы, ни о чем, но получалось, что обо всем на свете. К изумлению родителей, сыновья не прилипали к телевизору, а решили почитать. Для всех вечер прошел как нельзя

лучше. И когда дети, посидев над книгами, отправились спать, каждый родитель поймал себя на мысли, которую никогда бы не решился озвучить...

А мальчик-то мой взрослеет. Можно подумать, в одночасье ума набрался.

Так думал каждый. Кроме матери Кристофера.

* * *

Кейт, как и все родители, конечно, гордилась сыном. Она видела, что он и сам окрылился после написанной на «отлично» контрольной по математике. Никогда Кристофер не добивался успехов в спорте. Никогда не добивался успехов в учебе. И сам себя за это корил. Но она не сомневалась: ее сын – мировой парень. И если бы золотые медали вручались за порядочность (странно, что это не практикуется), то Кристофер, стоя на пьедестале, подпевал бы государственному гимну каждые четыре года. А так он – все тот же малыш, которого она всегда понимала и любила.

Тот, да не тот.

Нет, он не страдал ни одержимостью, ни замкнутостью; нет, его не подменили. Своего сына, как-никак, она знала. И узнавала. Но сколько раз она видела, как Кристофер корпит над дополнительными заданиями по чтению? Сколько месяцев сама натаскивала сына, разжевывая ему математику? Сколько лет он рыдал, не понимая, почему буквы скачут с места на место. Считал себя тупицей. Просто идиотом. А тут бац – и все мгновенно наладилось. Хотя нет, не мгновенно.

А за шесть суток.

Обезумевшая от волнений, она не винила себя за то, что поначалу ничего не заподозрила. Счастье, что он вернулся, цел и невредим. Что у него неожиданно повысилась успеваемость. Что он подтянулся по чтению. Принес пятерку по математике. А тут еще лотерея. Новый дом. Новая одежда. Книжный шкаф, обклеенный «утиными» обоями, и сами книги, которые Кристофер теперь читал запоем. Но в глубине души свербела неизбывная тревога.

Когда все складывается слишком хорошо, чтобы быть правдой, – жди подвоха.

То-то и оно. Ведь не все определяется чтением. Или оценками. Он теперь по-иному воспринимал реальность. По-иному расценивал человеческие отношения. Кейт припомнила манеру взрослых произносить слова по буквам, чтобы дети не догадались, о чем идет речь. «Дорогая, не сводить ли ее в магазин и-гэ-эр-у-ша-е-ка?» «Может, купим ему э-эс-ка-и-эм-о?» Но когда подростки начинают соображать, что к чему, взрослые поневоле придумывают новые способы завуалировать окружающую действительность. Грешки, утехы, секс, насилие – все маскируется соответствующими взглядами, жестами и отвлекающими маневрами.

Раньше Кристофер не замечал таких уловок.

А нынче распознает все до единой.

Ни с того ни с сего вместо троек ее сын стал приносить одни пятерки. Бойко читает «Остров сокровищ», а раньше в сказках Доктора Сьюза спотыкался на каждом слове⁴¹. Сосредоточенно анализирует факты, чего в Мичигане за ним не наблюдалось. При этом сейчас в его мышлении проступают черты маниакальности.

⁴¹ ...в сказках Доктора Сьюза спотыкался на каждом слове... – Доктор Сьюз (тж. Доктор Зойс) – псевдоним Теодора Сьюза Гейзеля (1904–1991), американского карикатуриста, мультипликатора и популярнейшего детского писателя. По книгам Доктора Сьюза дети учатся читать. Самое продаваемое в США произведение для детей младшего возраста – сказка-фантазмагория «Кот в шляпе» (1984). В ней рассказывается о дружбе мальчика и его сестры с говорящим котом, который завоевывает расположение детей с помощью магии и воображения. В этой книге использовано всего 220 слов, которые Доктор Сьюз заранее получил списком от заказчика. Предполагалась, что это именно те 220 слов, которые должны знать дети определенного возраста. По этой сказке в России был снят мультфильм «Кот в колпаке» (в более поздней версии – «Кот в шляпе»). Реж. А. Караев, 1984 г.

Прямо как у его отца.

К тому же Кристофер начал подвирать.

Выйдя из городского полицейского управления, они пробрались сквозь шеренги репортеров и камер. Мать наконец усадила Кристофера в машину. Без единого слова завела двигатель и включила обогреватель, который недоступным взору волшебством разогнал облака на ветровом стекле.

В дороге разговор велся в одностороннем порядке.

Кристофер извинялся до самого дома. Но она хранила молчание. Не для того, чтобы наказать сына. А чтобы вернуть себе прежнее положение. Ей предстояло выяснить, почему ее сын так стремительно взрослеет. Ведь она уже потеряла мужа из-за его буйного воображения. Терять сына она не собиралась. Перед въездом в гараж, вдали от посторонних ушей, она остановила машину.

– Кристофер, – осторожно начала Кейт. – Я должна кое о чем тебя спросить.

– Давай. – Кристофер вздохнул с облегчением, услышав материнский голос.

– Почему ты мне солгал?

– Не знаю.

– Нет, знаешь. Ну не важно. Расскажи.

Она заметила, как дрогнули у него веки. Она заметила, как он взвешивает свой ответ.

– Ну я... думал, ты не отпустишь меня в лес.

– Почему не отпущу?

– Потому, что я мог заблудиться, как в прошлый раз. Мог замерзнуть насмерть.

– Но ты все равно ушел. Зачем?

– Что-то голова болит.

– Объясни, Кристофер: зачем?

– Чтобы построить домик на дереве.

– Но с какой целью? Чем он так важен, этот домик?

– Наверно, ничем, – ответил он.

– То есть ты подвергал свою жизнь опасности ради домика на дереве, который для тебя ничего не значит?

Тут он умолк. А потом виртуозно изобразил улыбку.

– Я сейчас тебя послушал – и правда, глупость какая-то, – сказал Кристофер.

– Очень хорошо, что ты прислушался. Потому что ноги твоей больше не будет в этом лесу.

– Ну мам...

– До Рождества под домашним арестом.

– Мама!

– Кристофер. Пускай твои друзья врут родителям. Пускай все дети на земле врут своим родителям. Но мне ты врать не будешь. Вопрос закрыт. Времени на раздумья не даю, никаких обнимашек и понимашек. Командую тут я, если до тебя еще не дошло. И у меня одна задача – уберечь тебя от опасностей. **ИТАК, ТЫ НАКАЗАН. В ЛЕС БОЛЬШЕ НИ НОГОЙ.** Усвоил?!

– Извини, пожалуйста, – без всякой надежды выговорил он.

– Извинениями не отделаешься. По крайней мере, от меня.

Его глаза наполнились слезами.

– Извини, пожалуйста.

– **МАРШ К СЕБЕ В КОМНАТУ!**

Кристофер отправился наверх, не догадываясь, что матери сейчас будет куда тяжелее, чем ему. Она ненавидела себя за эту сцену, но, отказавшись от воспитания ремнем, какого ей с лихвой досталось в детстве, сознавала, что лучшего средства, чем жесткость, в ее арсенале нет и не будет. Вранье спускать нельзя. Ее правилами по-прежнему предусматривались только

черное и белое. Никаких оттенков серого не допускалось. И никаких вылазок в лес, где был найден детский скелет, отныне тоже не допускалось.

За целый день она так и не смягчилась. Сын не показывал носа из своей комнаты, только спустился, чтобы поужинать сэндвичем с расплавленным сыром и принять таблетку от головной боли. Никакого телевизора. Никаких книжек. Он просто лежал в постели, буравя взглядом фотографию отца в серебряной рамке. Кейт гадала: не мечтает ли Кристофер, чтобы его отец сейчас был здесь? Может, он бы разъяснил, что творится с его сыном. Может, Кристофер сказал бы отцу правду. Перед сном она зашла в комнату сына.

– Слушай, – сказала она. – Я все еще сержусь на тебя, но хотела извиниться, что повысила голос.

– Да ладно, – ответил он.

– Ничего не ладно. У нас в доме секретов нет. Чтобы так продолжалось и дальше, мы не должны друг на друга покрикивать. Правильно?

Кристофер кивнул.

– Кристофер, ты можешь поделиться со мной чем угодно. Всегда помни об этом. Ладно?

– Я помню, – ответил он.

Она выдерживала паузу в надежде, что он заговорит. Но такие дела быстро не решаются.

– Я люблю тебя, – выдал он наконец.

– И я тебя люблю.

С этими словами она поцеловала его в лоб, закрыла дверь и пошла по коридору к себе в спальню. Там, чтобы отвлечься, она включила «Сегодня вечером». Ведущий выдавал одну шутку за другой, но на лице Кейт Риз не дрогнул ни один мускул. Вперившись в экран, она мысленно продолжала отчитывать сына.

– Ты мне солгал. И сейчас недоговариваешь. Я знаю. И ты знаешь, что я знаю. Так что же, черт возьми, творится у тебя в голове, Кристофер?

Но стоило ей сомкнуть глаза, как она почти услышала голос сына.

Это мой секрет, ищи сама ответ.

Глава 29

Шериф зашел в лес один. Вечер четверга. Не скажешь, что День благодарения на носу. Погода стояла совершенно чудная: теплая и сухая. Только листья выдавали осеннюю пору. Желтые и кроваво-красные. Кожаные ботинки шерифа ступали по мягким тропинкам. Бесшумно, как мыши.

Что-то здесь было не так.

Пять дней миновало с тех пор, как в лесу обнаружили скелет, но шериф продолжал теряться в догадках. Когда он служил в Хилл-дистрикте, у его начальника был пес по кличке Шейн. Периодически Шейн усаживался на задние лапы и без причины начинал лаять. Шеф всегда говорил: «Тише, мой мальчик. Там ничего нет». А вдруг нечто все-таки было? Не зря же собачьи свистки издают высокочастотный звук, неуловимый для людей.

Возможно, существует и нечто такое, что различимо только собачьим глазом.

Шериф недоумевал, откуда вообще у него берутся подобные мысли. Человек он рациональный. Нынешнее расследование ничем не отличается от других. Да, смерть ребенка – ужасная трагедия. Но в полицейской практике – рутинное дело. В большом городе не проходит и недели, чтобы кто-нибудь не погиб. И дети – не исключение. На прежнем месте службы он встречал детей, живущих на помойках, в чуланах и подвалах. Он навидался такой скверны, что в принудительном порядке был направлен к штатному психотерапевту на краткосрочный курс реабилитации, очищающий мозги от всего лишнего.

Только вот девчужка с накрашенными ноготками в эту категорию не попадала.

Выбросить ее из головы он так и не смог.

Но по какой причине на этой неделе он вспоминал о ней чаще обычного?

Объяснений у него не нашлось.

Не было объяснений и его внутреннему голосу. Что твердил о важности нынешнего дела. Рядовые граждане многого не понимают в работе полиции. Насмотревшись по телевидению детективов, они наивно полагают, что на каждое убийство будет брошен десяток оперативников, работающих день и ночь. В реальном же мире приходится устанавливать приоритеты. Распределять силы и средства. Шериф ответственно подходил к своей работе. Порой даже слишком. Но сейчас что-то подсказывало ему идти ва-банк. И когда в лесу нашли скелет, шериф подключил дополнительные ресурсы.

В криминалистике Карл, его давний приятель, был профессионалом высшей пробы, хотя физическая подготовка у него хромала. Поскольку речь шла о смерти ребенка, шериф попросил Карла немедленно прибыть на место преступления – ну да, сегодня воскресенье, и что из этого? Ну да, свехурочно, да и черт с ним. Об этом скелете шериф хотел знать абсолютно все. Если кто и мог предоставить ему полную информацию, так это Карл. Федералы из Лэнгли⁴² не раз зазывали его к себе, да только жена Карла была круче ФБР.

– В гробу я видала твои спецслужбы, Карл. Я нипочем не брошу маму в Хомстеде! – И точка.

Когда приехал Карл, они вдвоем побродили по лесу и обменялись впечатлениями. Возраст ребенка оба оценили в семь-восемь лет на основании отсутствующих передних зубов. И оба сошлись на том, что останки очень долго пролежали в земле.

А как иначе объяснить тот факт, что скелет обвивали змеевидные корни дерева?

Вечером Карл с помощью своей команды переправил скелет в лабораторию для проведения всесторонней экспертизы. Он заявил, что на предпраздничной неделе у него все дни рас-

⁴² Федералы из Лэнгли... – В городе Лэнгли находится штаб-квартира Центрального разведывательного управления США. Название «Лэнгли» употребляется как синоним ЦРУ.

писаны – одну только тещу умри, но свози три раза на мессу, – но все же пообещал выкроить время и не позднее пятницы сообщить шерифу о результатах.

А сам шериф всю неделю разбирался с последствиями зловещей находки. В больших городах криминальные вести не влияют на привычный ритм жизни. Но Милл-Гроув – городок маленький. А обитатели маленьких городков живут в постоянном страхе, покуда не раскрыто преступление.

Как жила в постоянном страхе девочка с покрашенными ноготками.

Отбросив эту мысль, шериф устремил свой взгляд дальше, на тропу. У мостика щипал траву олень – прямо иллюстрация к сказке про тролля и козлят⁴³. Господи, шериф и думать забыл об этой истории. Но в детстве он до смерти боялся этого тролля. Как боялись ведьму Гензель и Гретель.

Как боялась девочка с покрашенными...

– Так, хватит. Соберись, – сказал он вслух.

Шериф понятия не имел, что именно он тут ищет. Вообще говоря, на этой неделе он со своими подчиненными прочесал этот лес вдоль и поперек, невзирая на вопли мистера Коллинза. Не нашли практически ничего. Ни вырезанных на стволах меток. Ни загадочных символов. Ни малейших признаков какого-либо культа или ритуального убийства.

Лес как лес.

Олени бегают.

Пивные банки валяются.

Этого, конечно, следовало ожидать. Когда история получила огласку, в лес потянулись не в меру любопытные (то бишь подростки), они же – любители пива и дуракаваляния. Ротозеи, окрестил их шериф. Мусор бросают прямо под ноги. Шериф приказал своим подчиненным собирать жестянки и сдавать в пункты приема, чтобы хоть как-то залатать дыры в бюджете управления после сверхурочных выплат. Услышав такое распоряжение, все посмеялись. Но когда поняли, что шериф не шутит, принялись собирать банки.

Шериф вышел на поляну.

Взглянул на плывущие по небу облака. Такой мягкий вечер, даром что ноябрь на дворе. Подумать только: до Рождества меньше месяца. Шериф вперился взглядом в стоящее посреди поляны дерево. Похожее на руку, простертую к небу. Какие-то ветви казались крепкими. Какие-то скрючились, как пальцы, изуродованные артритом.

Шериф подошел к домику на дереве. Даже не верилось, что семилетний ребенок организовал столь сложную работу. Лестница. Фундамент. Каркас. Да он просто гений, сын Кейт Риз. Домик – прямо копия настоящего.

Но в этот раз домик на дереве выглядел как-то по-другому.

Как будто всю неделю кто-то продолжал его отделку.

При этом никаких следов на земле шериф не заметил.

Никаких улик.

Разве что белый пластиковый пакет, болтавшийся на нижней ветке.

Шериф оперся ладонью на ствол. Кора на ощупь холодная, шершавая. По таким деревьям он и сам лазал школяром. Под таким деревом впервые поцеловался. Ее звали Жюстина Кобб: брекеты, летнее платье и прекрасные светлые волосы.

Как у девочки с покрашенными ноготками.

Папочка.

⁴³ ...иллюстрация к сказке про тролля и козлят... – «Три козлика и злобный тролль» (тж. «Три козленка», «Три козла и тролль») – популярная в Европе и США норвежская сказка, впервые опубликованная в 1843–1844 гг., о том, как три козлика обхитрили жившего под мостом тролля, который не пускал их пастись на лугу.

Шериф опустил руку. И, собравшись выйти из леса, стряхнул с себя паутину. Скомкал в кулаке белый пластиковый пакет и уже было засунул этот мусор в карман. Но ни с того ни с сего начал мять пакет в ладони, как ребенок разминает новую бейсбольную перчатку из натуральной кожи. Раз за разом, раз за разом.

Хрясь.

Шериф обернулся. На него глядел олень. Шериф перевел глаза на белый пластиковый пакет. И вдруг захотел побыстрее унести ноги из этого леса. Какой-то голос повелел. Уматывать прямо сейчас. Но угрозы в этом голосе не было.

Скорее предостережение.

Повесив пакет на ту же ветку, шериф поспешил уйти. Во мраке штольни, отделявшей поляну от чащобы, он включил фонарик. И увидел, что на рельсах выцарапаны инициалы. Деревянная обрешетка исписана краской из баллончика – старые имена, больше похожие на иероглифы. На выходе из шахты его ожидал неприятный сюрприз.

Кем-то выброшенный холодильник.

Непонятно, как оперативники могли проглядеть такую штуковину – шериф не собирался спускаться им такую халатность. Не ровен час, внутрь проберется заигравшийся ребенок и, не сумев вылезти, задохнется.

Шериф окинул взглядом холодильник. Большой, белый, допотопный, по бокам ржавчина, как тронувшая виски седина. В висках с сединой есть нечто возвышенное, как в церквях. Как в мессах, которые посещает теща Карла. Внутри холодильника кто-то устроил себе гнездо. То ли птица, то ли енот – непонятно. Эта живность никак себя не обнаруживала. Шериф потянулся к ручке холодильника – собирался захлопнуть дверцу.

И тут невесть откуда вырвалась змея.

Гремучая. Свернулась кольцами. Шипит. Фшшшшш. Фшшшшш.

Шериф попятился. Змея, извиваясь, подползала к нему. Трещала в траве, как детская погремушка. Споткнувшись о бревно, шериф упал. Гремучая змея поравнялась с ним. Обнажила ядовитые клыки. Изготовилась для атаки. И со страшной силой рванулась к его лицу, но шериф успел выхватить револьвер.

Бах.

Пуля разнесла в клочья змеиную головку.

Вскочив с земли, шериф стал смотреть, как дергается в траве змеиное тело. Как сворачиваются тугие пружины, будто древесные корни вокруг детского скелета. Для верности шериф выпустил вторую пулю – в змеиное туловище, а потом все же решил не оставлять открытой дверцу холодильника. Напоследок заглянув в гнездо, шериф увидел, что там уже копошится целый выводок. Захлопнув дверцу, он запер змеенышей внутри, а сам провел рукой по шее – не проникла ли к нему за ворот вертлявая тварь.

Шериф поспешил убраться из леса, напомнив себе вызвать бригаду герпетологов. Можно только гадать, откуда взялись эти змееныши в ноябре. Весна давным-давно миновала. Под зиму живность не плодится.

Что-то здесь было не так.

Видеть он не видел, но почуял – точно так же, как старый пес шефа чуял собачий свисток⁴⁴. Нечто похожее на ветер. Но вроде и не ветер. Звук больше походил на шорох змеи, обвивающей древесные ветви. Походил на... на...

Незримое шипение.

Медлить шериф не стал и спустился по склону на строительную площадку. Повсюду торчали пни. Обрубки. Выкорчеванные из мерзлой земли гигантские корни. Вдоль дороги ско-

⁴⁴ ...собачий свисток. – Тж. свисток Гальтона. В основном свисток применяют для подачи команд при дрессировке собак. Используется, как правило, для получения ультразвука, не воспринимаемого человеческим слухом.

пилоось несколько бульдозеров. На каждом – логотип: «коллинз констракшн». С тех пор как шериф в интересах следствия наложил запрет на посещение лесного массива, техника впала в спячку. Впрочем, мистер Коллинз уже подключил к делу своих адвокатов, и если шериф хоть немного понимал (а он понимал), что такое власть и политические игры, то можно было ожидать, что вырубка леса не сегодня завтра возобновится. Очень скоро мистер Коллинз превратит деревья в пиломатериалы для строительства домов. У него не пропадут даже опилки: они будут проданы другой компании, которая смешает их с горючим клеем и наладит производство рождественских каминных поленьев. Получалось, что руками мистера Коллинза Лес Миссии роет себе могилу. И даже самые могучие деревья не могли этому воспрепятствовать.

Шериф прошелся вдоль полицейской заградительной ленты. Миновал целое поле пней, разросшееся заботами компании мистера Коллинза еще в сентябре. Пеньки торчали, как маленькие надгробья, к которым никто и никогда не придет.

Как к девочке с покрашенными ноготками.

На обратном пути шериф разглядывал мелкие дождевые капли, падающие из облаков на лобовое стекло. Вспоминал чудный вечер, проведенный с Кейт Риз каких-то пять дней назад. Господи, как будто год прошел. Хотел бы он увидеться с ней еще разок, но День благодарения она собиралась провести с ребенком. А завтра у них кинопятница. Так что придется терпеть до субботы: за пару часов в ее компании (если, конечно, Кейт найдет возможность вызвать няню) он мог бы исцелиться после этих безумных рабочих дней. До чего же хороша она была в ту субботу. В новом платье из торгового центра «Гроув-сити». Да еще с этой помадой...

Как девочка с покрашенными ноготками.

Папочка.

От телефонного звонка шериф чуть не подпрыгнул. Звонил Карл.

– Здорово, Карл. Ты с опережением на сутки. Удивительно, что я слышу твой голос в День благодарения.

– Знал бы ты мою тещу – ничему бы не удивлялся, – отшутился тот.

Шериф не стал выдавливать натужный смех. Эта шутка было стара, как их дружба.

– Есть что для меня? – спросил он.

Карл перешел на свой коронный профессиональный жаргон. Шериф не раз задавал себе вопрос: почему гении не могут говорить, как простые смертные. Да потому, вероятно, что они – гении. В результате десятиминутной лекции на темы биологических данных, ДНК и ненадежности датировки по углероду шериф сумел свести воедино все сведения о скелете.

Возраст ребенка – около восьми лет. Пол – мужской.

В земле пролежал около пятидесяти лет.

Но что самое поразительное – Карл смог установить причину смерти.

Шериф потерял дар речи. За два десятилетия его службы технологический прогресс, понятное дело, шагнул далеко вперед. Но чтобы обстоятельства смерти устанавливались по одним лишь полувековым костям – такое он слышал впервые.

А вот поди ж ты. Установили.

По версии Карла, почва в этих местах отличалась необычным составом. При определенном давлении уголь – и тот превращается в алмаз. А здесь, возможно, сказалась близость шахты. Или корневая система деревьев. Или же специфическая терморегуляция грунта – пока не ясно. Хотя через некоторое время и эта криминологическая загадка будет решаться каким-нибудь простым способом, вроде отпечатков пальцев или анализа ДНК. Так или иначе, в черепной коробке каким-то чудом сохранились следы мозга. Экспертиза это подтвердила.

Шериф был готов ко всему. Ножевое ранение. Огнестрел. Видал он и похуже.

Много хуже. Но когда Карл огласил истинную причину смерти, шериф на мгновение замер. И недоверчиво посмотрел на зажатый в руке мобильный.

– Алло, Карл, связь барахлит, – сказал он. – Повтори еще раз.

– Жертва похоронена заживо.

Глава 30

На другом краю леса Кристофер с матерью сели за стол, чтобы впервые отметить День благодарения на новом месте. Но праздник как-то не задался.

Из-за Кристофера, конечно.

Он почти не прикоснулся к угощениям. Матери сказал, что голова болит и аппетита нет, но на самом деле не хотел набивать живот – боялся, как бы его не разморило. Для отвода глаз Кристофер все-таки попробовал яблочный пирог, потом они в молчании досмотрели «День благодарения Чарли Брауна⁴⁵» и отправились спать.

Мама чмокнула его на ночь и после безуспешной попытки вызвать сына на разговор удалилась наконец к себе в спальню. Вскоре Кристофер услышал, как у нее включился телевизор. Пришлось выждать не один час, чтобы он выключился. Мать, стало быть, уснула. Теперь можно. И Кристофер выбрался из постели.

Он проделывал это всю неделю.

Из комода достал теплую одежду. Укутался ею слоями поверх пижамы, но так, чтобы это не сковывало движений. Под одеяло подсунул подушку, будто это он сам там лежит.

На цыпочках спустился вниз.

Под скрипучей лестницей скользнул в свои башмаки и прошмыгнул в раздвижную стеклянную дверь. Уставился на черное небо. Облака рассекала падающая звезда. Через лужайку Кристофер подошел к опушке Леса Миссии, опечатанного шерифом в интересах следствия, из-за которого мистер Коллинз приостановил вырубку. Отчего у Кристофера появился шанс закончить домик на дереве к Рождеству.

поэтому я и показал тебе скелет.
другой причины не было.
не хочу пугать тебя, кристофер.

Вообще-то Кристофер мог бы оказать помощь следствию. Он-то знал, как нашел скелет. Знал, что кости пролежали в земле долгие годы. И даже мог предположить, как звали ребенка. Но разве взрослым такое втолкуешь? Они ведь рано или поздно спросят, откуда у него такие сведения. А у Кристофера был единственный правдивый ответ:

– Мне воображаемый друг сказал.

Кристофер в него, конечно, верил, но порой затруднялся отличить реальность от фантазии. Как-никак, ему уже хватало мозгов, чтобы понять: либо славный человек действительно существует, либо сам он слоняется по лесу в одиночку, потому что совсем рехнулся.

Но, невзирая ни на что, Кристофер продолжал строить домик на дереве.

Он подозревал, что у него просто взорвется башка, если не довести дело до конца.

Бывало, головная боль немного отступала. Бывало, обострялась. Тогда он сутками глотал детский тайленол, но все без толку. Головная боль просто вращалась в жизнь. Как школа, «Фрут-лупс» или субботний мультфильм про Плохого Кота. Бороться с ней помогало одно средство: лесное строительство.

Вот он и вкалывал. В ночь после Дня благодарения. И следующей ночью. И следующей.

У него никогда не болела голова в домике на дереве.

У него никогда не болела голова рядом со славным человеком.

Всю последующую неделю Кристофер ночь за ночью дожидался, чтобы в маминной комнате умолк телевизор. Засовывал под одеяло подушку и, схватив пальто и перчатки, бежал к

⁴⁵ «День благодарения Чарли Брауна» – 30-минутный мультфильм режиссера Билла Мелендеса. Десятый анимационный короткометражный фильм, основанный на популярном комиксе «Арахис» Чарльза М. Шульца. Первоначально был показан в сети CBS в 1973 году и получил премию «Эмми» в следующем году.

домику на дереве, чтобы забить в каркас еще один гвоздь или выкрасить еще одну стену. Все это время Кристофер вел беседы с белым пакетом. И трудился до тех пор, пока не начинали коченеть руки. Которые больше не могли удерживать молоток и водить малярной кистью. А с рассветом он бежал домой, чтобы непременно оказаться в постели до маминого подъема. Усталость выкачивала из него все силы; со временем он приноровился таскать у мамы тональный крем и замазывать черные круги под глазами, чтобы она думала, будто по ночам он мирно спит.

Но он занимался строительством.

Не решаясь остановиться.

Изнеможение настигло его после кинопятницы. На ужин мама подала спагетти с мясными фрикадельками, булочки-бриоши, а на десерт – мороженое с сиропом и фруктами. Вблизи домика на дереве у него стали слипаться глаза.

Кристофер боролся с дремотой. Он не мог позволить себе прикорнуть. Нужно было заткнуть на дерево оконные рамы. Подвести домик под крышу. Выспаться, в конце-то концов. Я не могу. Но ты совсем без сил. Ничего подобного. Тогда тебе, вероятно, требуется дать отдых глазам. Вот-вот. Хотя бы так. Полежи немного под деревом. А то у тебя от боли начнут сыпаться искры

иииииз глааааааз.

В субботу он проснулся у себя в кровати. Как ему удалось добраться до дому – загадка. Кристофер досадовал, что время уходит впустую. А куда деваться? По субботам мама сидела дома. Днем у него не было возможности ускользнуть в лес. Не было возможности побеседовать со славным человеком. Оставалось только мучиться головной болью и ждать наступления темноты.

Кристофер спустился на нижний этаж. Достал из кухонного шкафчика склянку маминого экседрина. Закинул в рот четыре таблетки и разгрыз их, как драже. От мellowого привкуса его затошнило. Тогда Кристофер схватил коробку «Фрут-лупс». Еще полную. Сверху даже не оказалось обсыпки из сахарной пудры. Зато из коробки прямо в наполненную миску выпал подарок. Пластмассовая фигурка Плохого Кота. Кристофер поставил его на кухонную столешницу и улыбнулся. Редкие минуты счастья – а потом головная боль снова постучала в дверь. Он залил свой сухой завтрак молоком из картонного пакета и принялся разглядывать фотографию Эмили Бертович. А про себя отметил, что надо бы расспросить славного человека, почему ее изображение раз от раза будто немного меняется.

Убрав молоко в холодильник, Кристофер сел смотреть утренние мультфильмы. Ему вспомнилось, как в раннем детстве он, выключая телевизор, всегда надеялся, что при включении мультик начнется с того же места. До него не сразу дошло, что Плохой Кот и все другие телегерои живут своей, не зависящей от него жизнью. От этого ему взгрустнулось, но мама его приободрила, сказав, что он ведь тоже занимается своими делами и внешнему миру за ним не угнаться.

Кристофер включил телевизор и дал ему нагреться. На экране мелькала заставка лучшего субботнего мультлика.

«Плохой Кот».

Радости Кристофера не было предела. Пусть у него сейчас любимые герои – из фильмов про Мстителей, но Плохого Кота не мог заменить никто. Сейчас все персонажи с песней маршировали по Бродвею.

Кто у нас такой один?

Кто средь кошек господин?

Кто гуляет без забот?

Плохой Кот!

Кто пушистый озорник?

*Кто крутой, хоть невелик?
Кто без спора не уйдет?
Плохой Кот!
Плохой Кот!
Плохой Кот!*

Тут Плохой Кот, выступавший впереди всех, закричал:

– Вы собирались это закончить – свою песню? У меня от нее аппетит портится!

В этом месте Кристофер всякий раз хохотал: какая умора! А в тот день – прямо до хрипоты: впечатления минувшей недели так и рвались наружу, точно струйка пара из маминого чайника со свистком.

Началась очередная серия мультика. Кристофер немного огорчился, увидев давно знакомые эпизоды – про то, как Плохой Кот ворует рыбу из-под носа у дворецкого своей возлюбленной – одной богатой кошечки. Это уже сто раз показывали, но там тоже была одна прикольная сценка, когда дворецкий гонится за Плохим Котом с криками: «А ну стой, котяра!» А Плохой Кот ему отвечает: «Для тебя, Рауль, – сеньор Котяра». Ну, короче, посмотреть все равно стоило.

Однако в этот раз все пошло вразнос.

Плохой Кот отказался произносить знакомые слова. Зато ежеминутно поглядывал прямо в камеру. А потом и вовсе замер, уставившись на экран с другой стороны.

– Ой... Кристофер, привет! Нравится мультик?

Кристофер обвел взглядом пустую кухню. Мама еще не спускалась. Он был один.

– Насчет мамы не парься. Здесь только ты да я. Не дрейфь. Как дела, дружок? – по-свойски обратился к нему Плохой Кот.

– Откуда ты знаешь, как меня зовут? – выдавил Кристофер.

– Прикалываешься? Ты же мой фанат номер один. Мне ли не знать, как тебя зовут? Слышал я, этот мультик – твой самый любимый. Как трогательно, ей-богу. Низкий тебе поклон! – Плохой Кот надсаживал грудь.

– Тссс. Маму разбудишь.

– Разберемся, мы сами с усами. Кстати, ночью, когда ты отрубился, твоя мамуля часа два трепалась по телефону с шерифом. Ей-богу, он крутой парняга. Джерри ему в подметки не годится, как думаешь?

Волосы на затылке у Кристофера встали дыбом.

– Про Джерри откуда знаешь?

– Все о тебе знаю, чувак. Знаю, что Джерри разыскивает твою мать. Видит бог, если он когда-нибудь до нее доберется, ей несдобровать. Мы ведь этого не допустим?

– Не допустим, – подтвердил Кристофер.

– Да ты чертовски храбрый малый. Мать здорово тебя воспитала. Есть чем гордиться. Так что не дрейфь. Зуб даю, мамулю мы защитим. В лучшем виде.

– И как же? – поинтересовался Кристофер.

Плохой Кот покосился налево, потом направо. Искал, как бы половчее разглядеть, что творится по эту сторону экрана, будто всматривался в слепую зону автомобиля.

– Ой, Кристофер, времечка-то у нас почти не осталось, ей-богу. Так и быть, скажу, как маман твою защитит, но прежде – один вопросик, лады?

Кристофер кивнул. Плохой Кот сощурился.

– Как ты хитрил, скелет найти, чувачок?

У Кристофера сердце чуть не выскочило из груди.

– Что-что? – переспросил он.

– Кто-то ведь указал тебе, где лежит скелет? Кто тебе подсобил? Хотелось бы разобраться, ей-богу.

– Никто, – солгал Кристофер.

– Ох, подвираешь. Чую, кто-то шепнул тебе про завалящий скелет. Нам, чувачок, позарез нужно узнать, кто тебя надоумил. Ей-богу, позарез. Потому как у нас тут назревает буря. А *эта* – аж на стенку лезет. Ей-богу, ты когда-нибудь видел ее в таком гневе?

– Кого?

– Извини, чувачок, это нам обсуждать не положено, иначе проблемки начнутся. Она так и будет людям козни строить, покуда не узнает, с кем ты заодно. От ее воплей у меня в ушах звенит. Как ни крути, всем на пользу пойдет, если ты сам признаешься, кто тебя навел на скелет. Старина Плохой Кот весь внимание. Это будет наша маленькая тайна.

– Никто меня не наводил. Я клад искал.

– Ежкин кот, чувачок, это печалька. То же самое ты заливал шерифу и своей мамуле. Никак под Пиноккио решил косить? У того носопырка от вранья вытягивалась. Сказать, к чему приведут твои враки?

– Ну, скажи.

– Если не откроешь, кто тебе помогает, мать твоя хлебнет горя.

У Кристофера ком к горлу подкатил, прямо как в тот раз, когда он пытался проглотить стеклянный шарик и чуть не задохнулся. Лицо пошло красными пятнами.

– Что с ней будет? – спросил он.

– Сказать я, вообще-то, не могу, а показать – всегда пожалуйста, надо только звук прибавить. Тебе не сложно сделать телевизор погромче?

Кристофер взял пульт и прибавил звук.

– Да нет же, Кристофер, ей-богу. Не на пульте. Прямо на телике. Иначе без толку.

Кристофер замешкался, но решил непременно разузнать, что грозит матери. И с опаской приблизился к телевизору.

– Супер, чувачок. Все нормуль. Я не кусаюсь.

Кристофер потянулся к кнопке громкости. Плохой Кот сверкнул глазами. Облизнулся.

– Ей-богу, чувачок, мы ждем не дождемся встречи с тобой. Она тебе тут все покажет.

Плохой Кот вытягивал вдоль экрана свою лапу. Ближе к регулятору громкости. Ближе к Кристоферу.

– Нужно лишь коснуться экрана, и мы вместе спасем твою маму. Клянусь. Зуб на фаршшшшш.

Кристофер протянул руку, а Плохой Кот – лапу. Их разделяли считанные сантиметры. Пальцы почти соприкоснулись. Головная боль постепенно отступала. И Кристофер почувствовал, как глаза сами зажмуррр...

– Кристофер! – позвала мама. – Сколько раз повторять: не сиди так близко к телевизору!

Открыв глаза, Кристофер обернулся. Мама стояла в махровом халате. С недоуменным видом. Ее сын едва не утыкался носом в экран.

– Я нечаянно, мам, – виновато сказал он.

– Ладно. И персядь с тарелкой за стол, как человек. Я тебя обезьяньим повадкам не учила.

Кристофер покивал и вернулся к просмотру. Плохой Кот больше на него не глазел.

Плохой Кот улепетывал от дворецкого.

– А ну, стой, котяра!

– Для тебя, Рауль, – сеньор Котяра, – ответил Плохой Кот.

И рванул к водостоку, прихватив с собой вожаденную рыбешку.

Пока мама готовила себе яичницу-болтунью, Кристофер за кухонным столом доедал свой завтрак. Напуганный угрозами, прозвучавшими в мамин адрес, он не сводил с нее взгляда.

Может, и сказал бы ей что-нибудь, да только все время чувствовал на себе чужие глаза. Либо глаза были всамделишные, либо у него окончательно поехала крыша.

Кристофер надеялся, что все это – плод (а никакой не «плот») его воображения. Особенно Плохой Кот. Кристофер предпочитал думать, что пошел в отца и потому тронулся умом. А оглушительная головная боль – это не более чем молния, которая подталкивала отца к «пляске святого папки». Так мама окрестила папины приступы. Папа сидел на таблетках, от которых порой неделями не вылезал из кровати. Мама, конечно, за ним ухаживала, но ей пришлось устроиться на работу в ресторан и там вкалывать допоздна.

Вот тогда-то отец лег в ванну и покончил с собой.

Ближе к ночи, когда мама выключила «Субботним вечером в прямом эфире⁴⁶», Кристофер ускользнул из дома и направился в Лес Миссии. Стараясь не прислушиваться к дыханию, игравшему в прятки с ветром, он со всех ног припустил к заветному дереву.

– Ты здесь? – обратился Кристофер к белому пластиковому пакету.

Ответа не последовало.

– Пожалуйста, отзовись. Мне страшно, – взмолился он. – Что это было? Кто такая *она*? Чем Плохой Кот собирается навредить моей маме?

В этот миг Кристофер выбрался за пределы собственного тела и развернулся назад, как сторонний наблюдатель. Его взгляду открылся упавший на колени мальчонка, который ждал, когда же белый пластиковый пакет объяснит ему необъяснимое. Будь у Кристофера выбор: сделать так, чтобы все происходящее обернулось реальностью или же безумием, он бы выбрал безумие. Конечно, мама бы тогда распереживалась, что у нее безумный сын, который пошел в ее безумного покойного мужа, но по крайней мере в таком случае ей бы ничто не угрожало.

– Я сошел с ума? – допытывался он у белого пластикового пакета.

Тишина.

– Очень прошу, подтверди, что я сошел с ума.

Молчание.

Кристофер провел там всю ночь, вымаливая ответ, которого так и не получил. Не иначе как славный человек исчез. А куда он мог подеваться – неведомо. Может, где-нибудь затаился. Может, убежал, спасаясь от Плохого Кота. А может, на ветру трепыхался обыкновенный хозяйственный пакет.

Так или иначе, рядом никого не было.

Когда небо исполосовало рассвет, Кристофер вернулся домой, юркнул под одеяло и уставился на отцовскую фотографию в серебряной рамке. Чем дольше он смотрел на улыбающегося возле рождественской елки отца, тем отчетливее повторялся эхом вопрос, как будто в спальне крутилась заезженная пластинка с застревающей в бороздке иглой. Я сошел с ума? Я сошел с ума? Я сошел с ума? За двадцать минут до звонка будильника, готового призвать их с матерью на воскресную мессу, Кристофер наконец сомкнул веки. Но перед тем как заснуть, он вроде бы различил слабый шепот. Может, мысль. Может, голос. Может, ни то ни другое. Но произнесена была только одна фраза...

Закончишь домик на дереве, тогда узнаешь.

⁴⁶ «Субботним вечером в прямом эфире» – вечерняя музыкально-юмористическая передача на американском канале NBC, одна из самых популярных и давних в истории телевидения США. Премьера состоялась 11 октября 1975 года. По формату программа состоит из юмористических реприз и 1–2 музыкальных номеров. Большинство реприз разыгрываются в прямом эфире комедийными актерами – членами постоянной труппы, при участии приглашенного ведущего. За годы своего существования «Субботний вечер в прямом эфире» стал неотъемлемой частью культурной жизни США и Канады. Шоу известно, в частности, своим сатирическим изображением политической жизни страны. Широко известны исключительно удачные пародии на президентов США (Джордж Буш-ст., Билл Клинтон, Барак Обама, Дональд Трамп и др.). За свою многолетнюю историю программа была удостоена 54 премий «Эмми». В России программа транслировалась на канале MTV Россия в 2005 году под названием «Субботняя лихорадка».

Глава 31

– Спятил, что ли? Отец и так чуть кабель мне в комнате не отключил, – прошипел Тормоз Эд.

Пока родители громогласно здоровались, Кристофер плелся за Тормозом Эдом через церковную парковку.

– Пойми. Достроить просто необходимо, – убеждал Кристофер.

– А кабельное ТВ кто будет оплачивать – ты? – спросил тормоз Эд.

– Нет.

– Вот и достраивай сам.

После домашнего ареста, который начался в День благодарения, прихватил выходные и всю следующую неделю в придачу, мальчики вошли в церковь и волей-неволей высидели небывало затяжную мессу. Отец Том расписывал, как Иисус любит ближневосточных беженцев. Но Кристофер заметил, что все взгляды прикованы к нему. И разобрал шепотки.

– Вон тот мальчонка нашел скелет.

– Этих ребят в новостях показывали.

– Про них в газете писали.

– Пару месяцев назад он в лотерею выиграл.

От этих пересудов у Кристофера заболела голова. С каждой минутой, проведенной вдали от домика на дереве, ему становилось все хуже. В какой-то момент отец Том переключился на латынь. Незнакомый язык вихрился у Кристофера в голове. И *diem* звучало как «день». Каждое слово несло свой смысл. Но вместе с тем и жестокую волну боли.

О Deus Ego Amo Te –

О Господи, я люблю Тебя, – долетело до Кристофера.

Когда служба окончилась, мать Тормоза Эда поспешила на парковку, чтобы закурить. Глубоко затянувшись, она выпустила облачко дыма.

– Видит Бог, месса сегодня затянулась, – посетовала она. – Неужели отец Том не понимает: всем еще нужно покупки к Рождеству сделать?

Это было сказано без тени насмешки, отчего мать Кристофера еще больше потеплела к Бетти. А та, подчистую скупив на благотворительном церковном базаре рождественское печенье с корицей, пригласила всех в пиццерию отметить радостное событие.

– Какое? – спросила мать Кристофера.

– Эдди освободили от дополнительных занятий для дурачков! – объявила Бетти.

– Ну вообще уже, – надулся Тормоз Эд.

– Прости, миленький. Но что правда, то правда. Ты же посещал дополнительные занятия для отстающих. – Мать погладила его по голове. – А миссис Хендерсон – просто гениальный педагог: ты теперь читаешь на уровне четвертого класса. Гордость наша! Эдди-старший, верно я говорю?

– Еще какая гордость. Еще какая гордость, – пробубнил отец Тормоза Эда, просматривая в телефоне питтсбургские новости.

Кристофер заметил, что у мамы в голове отложилось известие об успехах Тормоза Эда. Потом обе семьи встретились с Мэттом, Майком и обеими их матерями, которые только что вышли из своей церкви близ девятнадцатого шоссе после – как выразилась Бетти – «этого, как его, лютеранского...».

Может, у них и возникали разногласия на религиозной почве, но, если вдуматься... Бог един. Да и пицца для всех одинаково вкусна.

Пока взрослые не торопясь тянули пиво «Айрон-Сити⁴⁷», мальчишки сражались в видео-игры.

– Мне нужна помощь только с кровлей и окнами, – решил Кристофер. – Со всем остальным я и в одиночку справлюсь.

– Извиняй, Крис. Мамаши нас держат под домашним арестом, – сказал Мэтт.

– Во-во, – подтвердил Майк, соскучившийся по обильным десертам.

Но Кристофер не отступался. Боль не позволяла. Ночью, когда мама заснула, он попытался самостоятельно втащить застекленные окна по лесенке наверх. Но груз оказался ему не под силу. Кристофер укрыл рамы от посторонних глаз и хотел заняться кровельными работами, но без помощников и в этом деле не преуспел. Его возможности были исчерпаны. Как только он приостановил строительство, голову сжало тисками.

А славный человек будто сквозь землю провалился.

На другой день Кристофер встретился с друзьями в классе.

– Эту кровлю нужно вчетвером настилать, мне одному никак, – взмолился он.

– Опять ты за свое, сказано же: мы под домашним арестом, – рассердился Майк.

– Крис, в натуре. Отвянь, а? Тебя уже переключило, – бросил Тормоз Эд. – На лбу все написано. Видок тот еще – ты ж не спишь совсем.

Кристофер перевел взгляд на Мэтта – единственного, в ком не сомневался. Тот молча уставился на парту.

– Мэтт? – поторопил он.

– Не приставай к моему брату, – вмешался Майк.

– Пусть он сам за себя говорит, – сказал ему Кристофер.

Майк был килограммов на десять тяжелее, но Кристофер не дрогнул. Эти двое вскочили и приняли боевую стойку. Мэтт не хотел драки.

– Сядьте, парни, а? У нас и так сплошной гимор, – сказал Мэтт.

Кристофер развернулся к Мэтту. И поймал взгляд его глаза, не закрытого повязкой.

– Ты будешь мне помогать или нет?

Мэтт проглотил язык. Он только смотрел снизу вверх на брата.

– Нет, Крис. Ты уж извини.

Головная боль, не дав Кристоферу подумать, выжала из него злые слова:

– Да пошел ты...

Кристофер осекся – ему стало стыдно. Он не сдержался. Во второй половине дня голова у него просто раскалывалась. Не помогали даже мамины таблетки экзедрина, которые он тайком взял с собой в школу и грыз, как леденцы. Не помогло и известие об отмене последнего урока из-за общешкольного мероприятия. Головная боль не отступала.

Даже в преддверии турнира воздушных шариков.

На игровой площадке он увидел, что все ребята вышли в зимних пальто и теплых шапках. У каждого в руках был яркий воздушный шар с небольшой карточкой, прикрепленной к концу веревочки. По команде миссис Хендерсон каждый написал на карточке свое имя и контактные данные школы. Того, чей шар улетит дальше всех, ожидал приз. Результаты будут объявлены перед зимними каникулами, в последний день занятий. Кристофер вдруг вспомнил, как миссис Кайзер, подкравшись к нему в больнице, голосила: «Смерть уж близко. Все мертво. Мы умрем на Рождество!»

Только не плакать.

⁴⁷ ...пиво «Айрон сити»... – Производится с 1861 г., когда была основана Питтсбургская пивоваренная компания «Pittsburgh Brewing», и до сих пор остается ее флагманским сортом. С 2005 г. начат выпуск пива «Айрон сити» в алюминиевых бутылках. Это новшество лишний раз напоминает об одном из прозвищ Питтсбурга, «Айрон сити» (букв. «Железный город»), которое связано с развитием металлургической промышленности в регионе.

Боль сделалась невыносимой. У него не осталось ни малейшей надежды закончить домик на дереве. Стало быть, либо Плохой Кот причинит зло маме, либо он, Кристофер, окончательно свихнулся.

Только не плакать.

Кристофер попытался стряхнуть боль и хотя бы написать свое имя. Но первая слеза упала на карточку и расплылась кляксой.

Не распускай нюни, сопляк.

Но это было выше его сил. Он укрылся за катальной горкой и, стиснув пульсирующие виски ладонями, разревелся. В следующий миг на его веки легла какая-то тень. Когда он поднял взгляд, Мэтт как раз опускал руку ему на плечо.

– Что случилось, Крис?

Кристофер не мог говорить. Его душили рыдания. К нему уже мчались Майк и Тормоз Эд.

– Кто тебя? – спросил Майк. – Брэйди? Убью.

Кристофер помотал головой. Нет, Брэйди ни при чем. Тормоз Эд озирался по сторонам. Как безумный.

– А ну, вставай. Не то Брэйди увидит, как ты слезами обливаешься – тебе это надо?

Ребята помогли ему подняться. Он утер глаза рукавом куртки.

– Сам виноват, – выдал Кристофер. – Напрасно я с вами поругался. Из-за меня у вас и в самом деле могли быть неприятности.

– Да ладно, проехали, – сказал Мэтт.

– Ага. Наши матери – отходчивые, – добавил Майк.

– А моя-то маманя теперь считает, что я гений! – воскликнул Тормоз Эд. – Да к тому же мы на всю ночь останемся без предков. Наша взяла!

– Значит, вы мне поможете достроить дом?

– А что тебе так приспичило? – спросил Мэтт.

– Да то, что у нас там штаб. Мы же Мстители, – сказал Кристофер, понимая, что правдивый ответ ничем их не убедит.

Наступило молчание. Ребята призадумались.

– Ладно, Крис, – выговорил Тормоз Эд. – Так и быть, поможем.

– Обязательно, – согласился Мэтт. – Только нам все обмозговать нужно. Мы же до сих пор наказаны.

– А что, если нам уроки промотать? – предложил Майк.

– Я прогуливать не могу, – быстро сказал Тормоз Эд, памятуя о своих успехах в учебе. – Отец пообещал: если я пятерку за контрошу принесу, он мне кабельный канал «Шоутайм» подключит. А там голых теток полно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.